

809
С-56

СОВРЕМЕННЫЕ
БУРЖУАЗНЫЕ
КОНЦЕПЦИИ
ИСТОРИИ
ВСЕМИРНОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

им. А. М. ГОРЬКОГО

СОВРЕМЕННЫЕ
БУРЖУАЗНЫЕ
КОНЦЕПЦИИ
ИСТОРИИ
ВСЕМИРНОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва

1967

В сборнике впервые критически рассматриваются с позиций марксистского литературоведения концепции, сложившиеся за последние годы буржуазной науке. Авторы не только критикуют концепции буржуазных ученых, но и позитивно трактуют многие важнейшие вопросы, необходимые для понимания общих закономерностей развития мировой литературы (границы понятия «современность», проблема «национальной литературы» и др.).

Книга рассчитана на литературоведов, критиков, писателей, журналистов, преподавателей и студентов-филологов.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. И. АНИСИМОВ, И. Г. НЕУПОКОВА,
И. А. ТЕРТЕРЯН

От редакции

Коллективный труд «Современные буржуазные концепции истории всемирной литературы» составлен из материалов одноименной конференции, проведенной Институтом мировой литературы им. А. М. Горького в мае 1965 г. За последние десятилетия на Западе были выпущены многочисленные работы по истории всемирной литературы, отличающиеся друг от друга и методологически и широтой охвата фактов. В докладах, прочитанных на конференции в ИМЛИ, этот огромный и разнохарактерный материал был впервые критически пересмотрен с позиций марксистского литературоведения. Изучение концепций истории всемирной литературы, выработанных буржуазной наукой, представляет особый интерес в связи с подготовкой советской «Истории всемирной литературы». Но и помимо этого работы, включенные в настоящий труд, могут быть полезны для всех, изучающих историю литературы, ибо помогают ориентироваться в идейно-теоретической борьбе, развертывающейся в современном литературоведении, показывают связи рассматриваемых концепций с современной буржуазной социологией и эстетикой.

В качестве центральной проблемы, под углом зрения которой исследуются концепции истории всемирной литературы, выбрана проблема «Национальные литературы в системе всемирной литературы». В работе И. Г. Неупокоевой, открывающей книгу, анализируются методологические аспекты этой проблемы и оцениваются предлагаемые в наиболее известных трудах, вышедших на Западе, пути ее решения. В других главах книги рассмотрено, как трактуются в многочисленных историях всемирной литературы национальные литературы, региональные комплексы литератур или отдельные эпохи в развитии этих литератур.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЛИТЕРАТУРЫ В СИСТЕМЕ ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Начало работы над «Историей всемирной литературы» потребовало внимательного изучения всего того, что сделано в этой области мировой наукой. Известно, что имеются десятки и десятки книг на многих языках, в той или иной форме и масштабах эту задачу ставящих или решающих. В этих книгах собран огромный материал, намечены многие и разные подступы к его объединению. Как современная литература вопроса — работы эти в поле нашего зрения; их завоевания и просчеты осмысливаются нами на основе марксистской науки об обществе и общественном сознании, соответственно целям и задачам нашей работы.

Следует с уважением отнестись к работам тех ученых, которые стремились к полноте и объективности создаваемой ими картины развития литератур мира, к поискам таких путей объединения огромного и разнообразного материала, которые наиболее соответствовали бы действительному историко-литературному процессу, к их опытам создания необходимого научно-справочного аппарата подобных изданий. Все ценное, что накоплено научной мыслью разных стран, должно быть изучено и учтено. В то же время необходимо подчеркнуть, что для современ-

ной буржуазной филологической науки характерны отсутствие общей концепции истории всемирной литературы, методологический эклектизм в подходе к изучению важнейших ее проблем. Нельзя не видеть и того, насколько тесно связаны некоторые тенденции работ по истории всемирной литературы, написанных уже в послевоенный период, с реакционными направлениями современной буржуазной социологии и эстетики. Иногда связи эти лежат на поверхности, иногда — проявляются в самой организации и трактовке материала.

Интерес к общеметодологической постановке проблем истории всемирной литературы заметно возрос в последние годы, несмотря на то, что среди самих буржуазных ученых нередко высказывается скептическое отношение к тому, что обращение к методологическим проблемам может вывести западное литературоведение из тупика, в который оно зашло. Поэтому попытки новых историко-литературных построений не могут не обратить на себя внимание.

Одна из наиболее сложных методологических и практических проблем создания «Истории всемирной литературы» — рассмотрение национальных литератур в системе всемирной литературы. Не будет преувеличением сказать, что эта проблема является тем пробным камнем, на котором испытывается не только методология, но и фактическая научная основательность труда по истории всемирной литературы, не только теоретическая его зрелость, но и общественная направленность. В решении этой проблемы как в фокусе сходятся различные аспекты современной социологической, философско-исторической и эстетической мысли.

Вместе с тем вопрос о национальной литературе в системе всемирной литературы — это и центральный вопрос структуры самого труда: структуры в элементарном зна-

чении слова (т. е. организации в нем материала) и структуры в более общем смысле — выявления в этой организации материала самой концепции истории всемирной литературы.

Если мы очень бегло (это не является темой данной работы) обратимся к современной международной марксистской литературоведческой мысли, то отчетливо увидим главное направление ее в разрешении этого вопроса: стремление так соотнести развитие национальной литературы с мировым литературным процессом, чтобы, не утратив национального своеобразия данной литературы, увидеть ее в общей перспективе истории мировой культуры и общественного сознания. К этой задаче с разных сторон подступали участники дискуссий о реализме¹ и о взаимосвязях и взаимодействии национальных литератур², одним из важнейших научных результатов которых явилось начало нашей работы над «Историей всемирной литературы». Большое внимание было уделено этой проблеме во многих докладах на международных съездах славистов³, на Будапештской конференции по сравнительному изучению литератур⁴, в проведенной чехословацкими учеными дискуссии о проблемах изложения истории литературы

¹ «Проблемы реализма. (Материалы дискуссии о реализме в мировой литературе, 12—18 апреля 1957 г.)». М., ГИХЛ, 1959.

² «Взаимосвязи и взаимодействие национальных литератур. (Материалы дискуссии, проведенной Институтом мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР 11—15 января 1960 г.)». М., Изд-во АН СССР, 1961.

³ «IV Международный съезд славистов. Отчет». М., Изд-во АН СССР, 1960; «IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии», т. 1. М., Изд-во АН СССР, 1962; «V Международный съезд славистов. Материалы». М., Изд-во АН СССР, 1964.

⁴ «Acta litteraria. Academiae Scientiarum Hungaricae». Т. V. «Conférence de littérature comparée». Budapest, 26—29 oct. 1962.

другого народа⁵, в ряде выступлений социологов и литературоведов Латинской Америки⁶. Рассматриваемые в исторически изменяющихся региональных своих связях и общности литературы не утрачивают в этих работах своей национальной специфики. Напротив, они раскрываются новыми гранями — многообразными по типу и значению связями с другими литературами. Исследователи стремятся показать, как, воздействуя на другие литературы мира, каждая литература сама обогащалась благодаря контактам с ними. Характерен в этом отношении доклад венгерского ученого Т. Клавница «Что следует понимать под «национальной литературой?»⁷ Прочитанный на IV Международном конгрессе компаративистов, этот доклад решительно противостоял докладам западных ученых вниманием и уважением к самой проблеме нерасторжимой связи литературы с жизнью того народа, частью духовной истории которого она является.

Такое же стремление рассматривать национальные литературы в связи с мировым литературным процессом и в то же время не утрачивать интереса к своеобразию их национального вклада в этот процесс мы нередко видим и в исследованиях прогрессивных ученых многих стран. Уместно назвать здесь «Историю индийских литератур» — большую коллективную работу, изданную под редакцией профессора Делийского университета Нагендры.

В противоположность старой традиции индийского литературоведения, которое рассматривало каждую из литератур Индии изолированно от других, здесь делается по-

⁵ «Otázky výkladu literárních dějin jiného naroda». — Československa rusistica», VII, 1962, № I, str. 9—42.

⁶ См. статью И. А. Тертерян в настоящ. издании.

⁷ T. Klaniczay. Que faut-il entendre par «littérature nationale?» — «Proceedings of the IV Congress of the International Comparative Literature Association». Fribourg, 1964. Mouton & Co, 1966.

пытка показать литературы Индии в их связях с общей историей страны и народа. При этом,— что важно подчеркнуть в свете нашей темы — определяя главную поваторскую задачу книги названием своего предисловия — «Единство индийских литератур», — Нагендра отмечает, что каждая из представленных в ней литератур «является для нас исключительно ценной с точки зрения художественных достоинств, богатства, разнообразия...», что каждая из них «отличается яркой индивидуальностью, обусловленной характерными особенностями жизни данной области страны»⁸. Связи индийских литератур с литературами Европы в этой книге только намечены, но намечены в верном направлении, как «контакты и конфликты», с учетом всего драматизма исторических взаимоотношений Индии с Европой.

Плодотворным научным поискам путей раскрытия в истории всемирной литературы диалектического единства национального и международного художественного развития противостоят те современные концепции истории всемирной литературы, в которых мы сталкиваемся с дилеммой: *либо* рассмотрение национальных литератур, *либо* рассмотрение истории мировой литературы. Причем здесь же встает ряд вопросов, которые вообще невозможно решать «внутри» самой филологической науки, без ясного методологического ориентира в понимании общественных явлений.

Прежде всего выдвигается вопрос: существует ли вообще такое явление, как всемирная литература? Не является ли это понятие условностью, не имеющей опоры в реальном литературном процессе? Если же такое явление существует как некое «органическое единство», то в

⁸ «История индийских литератур». Под ред. д-ра Нагендры. М., 1964, стр. 7.

чем оно состоит? В статье, заглавие которой — «Всемирная литература?» — сопровождается знаком вопроса, автор ряда теоретических работ в области компаративистики И. Ханкис говорит, что для положительного ответа на вопрос, существует ли в действительности такое явление, как «всемирная» (по его терминологии — «универсальная») литература и насколько «органический» характер имеют действующие в истории литературы «интернациональные или наднациональные силы» (*manifestations internationales ou supra-nationales*), науке предстоит провести еще множество подготовительных исследований — исследований параллельной истории национальных литератур, истории литературных связей, сопоставительной характеристики «вершинных» явлений разных литератур и так далее. Пока же он предлагает отказаться от слишком широкого термина *всемирная литература* (*littérature mondiale, littérature universelle, Weltliteratur*) в пользу обозначения предмета исследования как совокупности многих литератур (предлагая пользоваться терминами: *littérature européenne, allgemeine Literaturgeschichte, histoire universelle des littératures ou de la littérature*)⁹.

Высказываясь в пользу показа в истории всемирной литературы «общих линий развития целого» (определение, которое вполне можно было бы принять, если бы оно практически реализовалось автором), Э. Лаатс в то же время «расщепляет» мировой литературный процесс, утверждая, что существует не одна, а несколько мировых литератур — «западноевропейская мировая литература и другие мировые литературы (*Abendländische Weltliteratur und andere Weltliteraturen*), например индийская или

⁹ J. H a n k i s s. *Littérature universelle?* — «*Helicon. Revue internationale des problèmes généraux de la littérature*», 1938, t. 1, p. 159.

восточноазиатская»¹⁰. Очевидно, исторически сложившиеся действительные различия в путях развития литератур этих народов закрывают от Лаатса общие закономерности мирового литературного процесса.

Ставя вопрос о том, что такое «всемирная литература» — «сумма наиболее репрезентативных произведений народов или общий свод художественной литературы всех наций (das gesamte Schrifttum aller Nationen), литературная история всех времен и народов»¹¹, — Э. фон Тунк принимает последнее определение. Однако, как мы увидим далее, несмотря на кажущуюся широту этого определения, швейцарский ученый не ставит своей целью дать картину единого в своем многообразии мирового литературного процесса. Достаточно сказать, что в этой работе отсутствует попытка методологически единого осмысления литературного процесса в странах Европы и Востока. Сам европейский литературный процесс выступает в работе фон Тунка расчлененным и обедненным (например, славянские литературы рассматриваются им, не говоря уже о фактической неполноте материала, вне европейского литературного процесса).

От попытки создать обобщенную картину развития литератур мира отказываются издатели такого известного труда, как «История литератур» (серия «Энциклопедия Плеяды») ¹², и автор фундаментальной «Всеобщей истории литературы» Дж. Прампolini ^{12a}.

¹⁰ E. Laaths. Knaurs Geschichte der Weltliteratur. München, 1953. S. 12.

¹¹ E. von Tunk. Illustrierte Weltliteratur-Geschichte. Bd. I. Zürich, 1954, S. II.

¹² «Histoire des littératures». «Encyclopédie de la Pléiade». Paris, Gallimard, 1958.

^{12a} G. Prampolini. Storia universale della letteratura. T. 1—3, 3 ed. Torino, 1959.

Более сложную задачу ставят перед собой издатели «Всеобщей истории литератур» — «дать не историю всех литератур, но историю этого всеобщего по своему характеру явления (ce phénomène universel) — всемирной литературы»¹³. С этим определением, если понимать его так, что сам «феномен» всемирной литературы будет раскрыт во всем своем социально-историческом и национальном своеобразии, можно было бы согласиться. Но тут же возникает вопрос: не находится ли само название этого труда, в котором подчеркивается не единство изучаемого предмета, а множественность рассматриваемых в нем явлений, в противоречии с такой задачей?

В связи с тем, как ставится в современной буржуазной филологии вопрос о содержании понятия *всемирная литература*, обнаруживается, что и понятие *национальная литература* выглядит нередко в этих работах весьма неопределенно; с ним обращаются (и в теоретических рассуждениях, и практически, оперируя национальным материалом в трудах по истории всемирной литературы) весьма произвольно. Все это приводит к методологическому разнобою в осмыслении исторически сходных процессов в разных национальных литературах, делает невозможным сколько-нибудь обобщенное суждение об этих процессах. Проблема синтеза как одна из первоочередных теоретических и методологических проблем при подступе к трудам данного типа лишается таким образом устойчивых исторических опор.

Если попытаться свести к некоторым основным направлениям многие и разные попытки современных западных филологов решить одну из сложнейших задач построения истории всемирной литературы — соотнесение

¹³ «Histoire générale des littératures». Т. I. Paris, Quillet, 1961, р. 1.

национальных литератур с мировым литературным развитием, можно, пожалуй, наметить три таких направления:

— история всемирной литературы как сумма отдельных литератур (рассматриваемых последовательно или параллельно);

— история всемирной литературы как история связей между литературами (рассматриваемых преимущественно как влияние западноевропейских литератур на литературу других стран мира);

— история всемирной литературы как явление «универсальное» (по другой терминологии — наднациональное, сверхнациональное — *supernational*), при рассмотрении которого национальные проблемы литературного развития значения уже не имеют.

Разумеется, ни один из этих типов историй всемирной литературы не существует в «чистом» виде. Эти тенденции переплетаются в разных работах, причем неизбежно встает все та же дилемма: внимание к национальному *или* к общему в мировом литературном процессе. Правильнее говорить, таким образом, об *основной* направленности того, как соотносится в наиболее представительных из современных «Историй всемирной литературы» материал национальных литератур с рассмотрением общих процессов и закономерностей мирового литературного развития.

Тип современной истории всемирной литературы (или отдельных ее периодов)¹⁴, рассматривающей ее как *сумму отдельных литератур* независимо от того, какой принцип организации национального материала предпочитается в той или иной работе, принцип ли простой хро-

¹⁴ В задачу данной работы не входит рассмотрение многочисленных трудов по истории всемирной литературы, созданных в конце XIX — начале XX в.; большое место принадлежит в этой научной литературе русской филологической науке.

пологической последовательности или группирования произведений по жанрам, утвердился во второй половине 20-х — в 30-е годы. Продолжая традиции культурно-исторической школы, эти работы во многом связаны уже и с влиянием французского компаративизма.

Построение истории всемирной литературы по принципу последовательного изложения историй отдельных литератур¹⁵ уже тогда начало подвергаться критике¹⁶. Простой свод данных о литературах мира, содержащийся в фундаментальных трудах предшествовавших десятилетий, представлялся теперь явно недостаточным. Однако поиск возможностей иного синтеза материала продолжал оставаться в эти годы в пределах все того же представления об истории всемирной литературы как о сумме отдельных литератур, без попытки проникнуть в общие закономерности процесса в целом.

И все же, хотя и в этих пределах, поиск идет. При этом знаменательно, что он идет на суженной основе — по преимуществу на материале литератур Западной Европы и Америки, изучение которых должно было дать, по мнению исследователей, ключ к пониманию всей мировой литературы.

Такое направление в изучении истории всемирной литературы имело двойной результат. С одной стороны, появляется ряд исследований, в которых делались различные попытки синтезировать определенные процессы

¹⁵ Наиболее характерным примером такого построения была вышедшая в 30-х годах «Всеобщая история литературы» Дж. Прампolini (G. Prampolini. Storia universale della letteratura. T. 1—3. Torino, 1933—1936). Поскольку третье, значительно расширенное издание этой работы вышло в 1959 г., мы рассматриваем ее в ряду изданий последних лет.

¹⁶ P. van Tieghem. Histoire littéraire de l'Europe et de l'Amérique de la Renaissance à nos jours. Paris, 1946, p. V.

развития западноевропейских литератур¹⁷. Этим в какой-то мере подготовлялись возможности дальнейшего более широкого синтеза. С другой стороны, более интенсивная разработка истории западноевропейской литературы привела к тому, что особенности развития этой «области» мировой литературы начинают как бы «накладываться» на понимание развития других литератур мира. Это усугублялось причинами политического и идеологического характера. Западноевропоцентристская концепция мирового литературного развития становилась в буржуазном литературоведении все более глубокой и разветвленной, сказываясь не только в преимущественном внимании к этим литературам, но и в том, что специфика их исторического пути объявляется как бы эталоном всего мирового литературного развития. Этот — весьма важный — вопрос выходит уже за пределы данной статьи.

Поскольку осмысление истории всемирной литературы является процессом постепенного накопления фактов и расширения возможностей филологической науки, неполнота охвата материала в тот или иной период неизбежна и сама по себе не может препятствовать рассмотрению этих работ в русле поисков построения действительно всемирной истории литературы. Сводные обзоры истории европейских литератур, сделанные с достаточной основательностью, следует рассматривать как «блоки», которые можно использовать для построения целого. В таких случаях нас прежде всего интересуют принципы соотно-

¹⁷ Назовем здесь такие разные по типу работы, как «Хронологический справочник новых литератур» Ван Тигема (P. van Tieghem. Répertoire chronologique des littératures modernes. Paris, 1935) и «Европейская литература и латинское средневековье» Э. Р. Курциуса (E. R. Curtius. Europäische Literatur und lateinisches Mittelalter. Bern, 1948).

шения в этих блоках национальных литератур и общего литературного процесса эпохи.

Классическим образцом работ этого типа была книга П. Ван Тигема «История литератур Европы и Америки от Ренессанса до наших дней»¹⁸.

В этой книге весьма ясно обнаруживается как новый поиск в организации материала, так и те трудности, которые остались здесь непреодоленными. В статье 1938 г. «О синтетической истории литературы нового времени» Ван Тигем писал, что главным для него был поиск наилучшего «метода построения» и «раскрытия истории международного литературного развития»¹⁹. Среди различных возможных методов наиболее плодотворным кажется ему рассмотрение крупнейших национальных литератур в пределах больших эпох по жанрам с тем, чтобы «малые» литературы рассматривались дополнительно в конце каждого раздела. В предисловии к изданию 1939 г. автор, называя свою книгу попыткой «построить первую синтезированную картину литературы нового времени», резко отграничивает метод своего исследования от метода тех, кто, «претендуя на создание общей картины истории европейской или даже мировой литературы, в то же время дает не историю международного литературного развития, а последовательно излагает историю отдельных литератур». Он подчеркивает, что каждая глава его книги охватывает литературу нескольких наций, причем писатели

¹⁸ P. van Tieghem. Histoire littéraire de l'Europe et de l'Amérique de la Renaissance à nos jours. Paris, 1946. Первое издание книги вышло в 1925 г.

¹⁹ P. van Tieghem. Vers une histoire synthétique de la littérature moderne.— «Helicon. Revue internationale des problèmes généraux de la littérature», 1938, t. 1, p. 205, 206. (К этой проблеме Ван Тигем подходил уже в статье «La Synthèse en histoire littéraire».— «Revue de synthèse historique», 1920, t. XXXI).

группируются по принципу либо прямых связей (filiation), либо сходства (resemblance) ²⁰.

Следует отдать автору должное — перед нами действительно интенсивный поиск синтеза. Он подчеркивает, что речь идет об общем литературном процессе. И все же предложенный Ван Тигемом синтез вряд ли удовлетворяет потребностям труда по истории всемирной (или даже региональной) литературы.

Группируя литературы каждой эпохи по жанрам, Ван Тигем действительно достигает определенной целостности представления о наиболее значительных произведениях различных жанров европейских литератур. Но в то же время он утрачивает неизмеримо более важную для истории всемирной литературы целостность представления о том, каковы были основные идейно-эстетические тенденции развития литератур в данную эпоху, каков был вклад в общий процесс каждой национальной литературы как определенного исторического единства, включающего в себя борьбу внутри одной национальной литературы различных идеологических сил и художественных тенденций.

Стремление подчеркнуть параллельность процессов уводит автора от вопроса о том, как же взаимодействовали между собой разные литературы, что нового обретали они в процессе этого взаимодействия. Утрачивается, следовательно, главное для труда такого типа — представление о динамизме литературного развития, общая его перспектива.

Каждому из разделов книги Ван Тигема предшествует характеристика основных черт культуры данной эпохи и ее литературы («независимо от национальных и жанро-

²⁰ P. van Tieghem. Histoire littéraire de l'Europe et de l'Amérique de la Renaissance à nos jours, p. V.

вых различий») ²¹. Такой ход научной мысли мог бы быть вполне оправдан, если бы автор нашел затем способ сказать о специфике вклада каждого из народов в общеевропейский литературный процесс. Но специфика этого вклада не принимается автором во внимание, существенным для него является уже само включение того или иного явления в определенную жанровую рубрику. Автора интересуют прежде всего ведущие жанры данной эпохи, причем главное его внимание привлечено к «вершинным» произведениям этого жанра. Что же касается тех литератур, которые в силу неравномерности исторического развития шли в этот период особым путем, отвечающим насущным потребностям их национального развития, то некоторые из них рассматриваются в заключительной главке каждого раздела, вне общего историко-литературного контекста данной эпохи. Так, славянские литературы названы в числе тех, которые вплоть до XVIII в. еще не стали литературами, заслуживающими этого названия (исключение представляет лишь поэзия Кохановского) ²². Русская литература становится, по мнению автора, в ряд европейских литератур лишь с середины XVIII столетия ²³; украинская литература, названная в связи с Шевченко ²⁴, затем исчезает из поля зрения.

Уже из этих примеров видно, что в европейской литературе Ван Тигема интересуется прежде всего западноевропейская литературная традиция, а это — при всем уважении к мировым достижениям литератур Западной Европы — никак не соответствует реальному многообразию путей развития европейских литератур. Ведь очевидно,

²¹ P. van Tieghem. Histoire littéraire de l'Europe et de l'Amérique de la Renaissance à nos jours, p. 4.

²² Там же, стр. 8.

²³ Там же, стр. 103.

²⁴ Там же, стр. 181.

что в истории всемирной литературы (или одного из ее «регионов») речь должна идти не о некоем художественном эталоне данной эпохи, устанавливаемом литературами, достигшими, в силу неравномерности общественного развития, наибольшей зрелости, и не о большей или меньшей близости к этому эталону. Речь должна идти — этого требует сам предмет — о рассмотрении разных путей и типов литературного развития, разных национальных художественных форм, различного вклада национальных культур в мировой литературный процесс — т. е. о рассмотрении *единого* мирового (или в данном случае регионального) литературного процесса во всем богатейшем *многообразии* его проявлений.

Неизбежное при жанровом «акценте» построения книги невнимание к сложным внутринациональным литературным процессам (которые оказывают влияние и на характер международных связей этих литератур) становится особенно явным в разделах, посвященных XIX в. При всем жанровом богатстве литературы эпохи романтизма возможности жанра были во многом подчинены здесь различным, нередко прямо противоположным идейно-художественным задачам. Задачи эти во многом совпадали в литературах, сходных по путям своего развития, в творчестве близких по духу писателей — именно в этом направлении можно было бы искать различные возможности синтеза, который отразил бы действительную картину мирового литературного развития. Что касается используемого и здесь автором жанрового принципа организации материала, то как основной он никак не выдерживает возлагаемой на него нагрузки.

И если можно присоединиться к той критике, какую дает Ван Тигем простому последовательному изложению отдельных литератур в работах, претендующих на то, чтобы быть историями европейской или мировой литературы, то нельзя не признать, что синтез, предлагаемый в его

собственной работе, также не продвигает нас к решению главной задачи. Вместо последовательного изложения истории отдельных литератур Ван Тигем приходит к созданию ряда сменяющих друг друга исторических параллелей (в данном случае — жанровых), построенных в духе компаративистской методологии. Сравнительное рассмотрение тех или иных фактов или явлений не приводит здесь, в силу отсутствия целостной общей концепции историко-литературного процесса, к существенным для понимания этого процесса результатам.

Рассматривая сходные явления разных литератур не как результаты влияния, но как проявление исторических соответствий, Ван Тигем стоит на позиции историзма. Но это историзм пройденного материалистической наукой этапа, в нем отсутствует диалектический подход к явлениям, он скован позитивистской методологией. От огромного количества накопленных и сведенных в единую систему наблюдений Ван Тигем не смог перейти к осмыслению закономерностей мирового (или в данном случае — регионального) литературного развития. Сосредоточив свое внимание на изучении жанровых параллелей, он лишил себя исторической перспективы, потому что историю всемирной литературы нельзя свести к историческим параллелям. Она неизмеримо богаче. Наряду с явлениями повторяемости она включает в себя неповторимое, раскрывая бесконечное многообразие путей развития художественного сознания.

Предложенные Ван Тигемом круг идей и структура истории европейской литературы повторены затем (с различными вариантами) во многих работах, не представляющих уже принципиально нового научного интереса и характерных лишь как пример широкого распространения в близких к компаративизму кругах жанрового подхода к истории литературы. Жанровый принцип построения

был испробован (как основной или в сочетании с другими) и в работах, выходящих за пределы европейского материала, например в однотомной «Иллюстрированной истории литератур» Г. Трюка²⁵.

Переходя от рассмотрения работ, посвященных европейской литературе, к собственно историям всемирной литературы, мы видим, что и здесь перед авторами встает та же дилемма: история многих литератур мира *или* история всемирной литературы как целого. Естественно, что включение в систему единого труда огромного материала литератур стран Востока, Латинской Америки, Африки во многом усложняет вопрос о соотношении национальных литератур с мировым литературным процессом.

При всем различии таких известных работ, вышедших в последнее десятилетие, как «Иллюстрированная история мировой литературы» Э. фон Тунка, «Всеобщая история литературы» Дж. Прампolini (третье издание), «История литератур» (серия «Энциклопедии Плейды») и «Всеобщая история литератур», во многом дающих более широкий «контекст» развития мировой литературы по сравнению с работами их предшественников, мы и в них не находим попытки проникнуть в общие закономерности литературного процесса. Следствием этого является *отсутствие общей концепции* мирового историко-литературного развития. При всем уважении к большому труду создателей этих фундаментальных «Историй» нельзя не видеть, что работы эти лишены методологической целостности, единства научного подхода к рассмотрению исторически одних и тех же проблем литературного развития. Независимо от того, как определяют авторы задачу своих работ и в какой мере им удастся эту задачу решить, независимо от масштаба работ и удачных част-

²⁵ G. Truc. Histoire illustrée des littératures. Paris, 1952.

ных решений — действительно синтезированной картины истории всемирной литературы эти труды не дают. Не дают они нового и в решении проблемы соотношения национальных процессов с развитием литературы всемирной. Одним из наиболее характерных примеров этого является «Всеобщая история литературы» Прампolini²⁶.

В ряду изданий этого рода капитальный труд итальянского ученого имеет немало достоинств: основательность фактического материала, «емкость» изложения, позволяющая на сравнительно небольшом «пространстве» дать большое количество сведений, удачное сочетание вводных историко-культурных характеристик и собственно историко-литературных данных. Очерки отдельных национальных литератур ясны в труде Прампolini по своему внутреннему членению (исторические принципы этого членения нередко весьма дискуссионны²⁷, но это уже другой вопрос). Автор со вниманием относится к особенностям развития национальных литератур (так, в разделе скандинавских литератур прослеживается различие судеб литератур датской, норвежской и шведской). В книге предложены интересные приемы выделения в общем контексте национальной литературы наиболее важных имен и произведений. Обращает на себя внимание большее, чем во многих других работах, внимание автора к современной литературе (в частности к литературе советской), а также широкое использование работ ученых социалистических стран. Все это говорит о том, что перед нами действительно солидное исследование.

²⁶ G. Prampolini. Storia universale della letteratura. 3 ed. Torino, 1959.

²⁷ Одним из примеров этой дискуссионности является построение разделов, посвященных европейским литературам в четвертом томе, где не выделяется такой важнейший этап развития европейских литератур, как эпоха Просвещения.

Однако основной принцип построения труда Прампolini, сводящийся к простому последовательному изложению историй отдельных национальных литератур от их истоков до настоящего времени, вне сопоставления с наиболее существенными процессами развития других литератур (даже близких по своему пути), вряд ли может дать историческую картину целого²⁸.

Прампolini отказывается и от попытки дать периодизацию всемирной литературы, т. е. по существу от рассмотрения ее в связи с общими процессами истории мировой культуры. Сама структура этого труда свидетельствует об отказе его создателя от исследования проблемы художественного обогащения человечества (а не только отдельных национальных литератур) в процессе взаимосвязей и взаимообогащения культур разных народов. Предложенное Прампolini последовательное рассмотрение отдельных литератур без установления сходства или близости их судеб с судьбами других литератур, без внимания к историческим «пересечениям» этих судеб (отдельные данные о переводной литературе или фактах личных связей и влияний не меняют замысла целого) делают его «Всеобщую историю литературы» скорее сводом отдельных литератур, чем историей всемирной литературы в собственном значении этого понятия.

Нельзя не отметить еще один момент, который вызывает возражение в работе Прампolini, — неизбежная в принятой им структуре неподвижность, окостенелость региональной группировки литератур. Если в реальном историко-литературном процессе так называемая региональная

²⁸ Из работ последнего времени, посвященных литературам Востока, по этому же типу построена книга под редакцией Е. Сидла «Литературы Востока. Обзор». («Literatures of the East. A Survey». Ed. by E. Ceadel. New York, 1959).

близость или общность развития является исторически изменяющимся фактором (на ранних ступенях развития литератур бóльшую роль играет общность языковых и историко-культурных традиций, на более поздних — общность государственных образований или же относительная близость условий общественного и историко-культурного развития народов), то в работе Прампонины группировка литератур оказывается раз навсегда данной. В результате получилось, что армянская и грузинская литературы, которые появляются во втором томе в разделе «Литература христианского Востока» в соседстве с литературами арамейской, коптской и эфиопской²⁹, продолжают рассматриваться в этом же, совершенно чуждом им окружении на всем протяжении их истории. Можно представить себе, как смещается при этом перспектива развития этих литератур в XIX в. (не говоря уже о советском этапе), когда их пути оказываются оторванными от реально складывавшегося в то время нового исторического контекста — их связей с русским общественным движением и литературой.

Отсутствие историзма в рассмотрении историко-литературных связей сказывается во многих разделах работы. Можно назвать хотя бы литературы осетинскую и таджикскую, которые на всем протяжении их развития рассматриваются по языковому принципу в комплексе иранских литератур и таким образом отторгаются в XIX в. от вся-

²⁹ Историко-культурная неправомочность сближения литератур этих народов даже на раннем этапе их развития по одному лишь, притом весьма условному (если принять во внимание различие не только самих религиозных представлений этих народов, но и соотношения этих представлений с их дохристианским народным творчеством), признаку очевидна. Но в данном случае мы подчеркиваем прежде всего неисторичность самого представления о неизменном характере литературных связей народов.

кой связи с процессами, происходящими в это время в России. Достаточно вспомнить хотя бы поэзию К. Хетагурова, чтобы представить себе то насилие, которое совершается в данном случае над реальной историей осетинского народа и его культуры. Столь же неисторично, с подчинением всех других факторов, воздействующих на литературу, языковому родству построен и раздел «Тюркско-татарские литературы».

Большая или меньшая точность характеристики отдельных частных фактов не меняет в данном случае принципиального существа дела. В работе Прампolini отсутствует взгляд на историю всемирной литературы как на процесс, включающий в себя исторически изменяющиеся взаимосвязи и взаимодействия национальных литератур — как родственных по языку и классическому наследию, так и тех, связи между которыми формируются уже на другой исторической основе.

Механическое сведение национальных литератур под общей «крышей» названия «Всеобщая история литературы», отказ от какой бы то ни было попытки синхронного их рассмотрения приводит к еще одному существенному просчету в понимании общих закономерностей мирового литературного процесса: исчезает возможность сравнительно-исторического рассмотрения национальных литератур, и, следовательно, выявления в них сходных и национально-специфических черт. Разумеется, национальная специфика литературы раскрывается не только в сравнительном, но и в конкретно-историческом изучении данной национальной литературы. И все же очевидно, что в труде по истории всемирной литературы характеристика национальной специфики литературы требует особых и более многообразных приемов исследования, и сравнительное рассмотрение является здесь едва ли не одним из важнейших.

Не ощущается принципиального сдвига в решении вопроса о том, как соотносить национальные литературы с мировым литературным процессом и в трехтомной «Всеобщей истории литератур» — новейшей и наиболее полной работе этого типа.

Главные принципы, которые, как говорится в Предисловии, положены в основу этого труда, — изучение литературы в ее связях с социальной жизнью (традиция, возводимая издателями к мадам де Сталь, Сент-Беву и Тэню); в ее международных связях (со ссылкой на вклад, который внесли в эту область компаративисты); с учетом исследований новейшей критики и эстетики³⁰. Как видим, программа достаточно широкая и в методологической своей основе достаточно эклектическая. Не удивляет, что издатели оказываются неспособными предложить читателю какие-либо существенно новые, концептуально стройные принципы организации материала. История отдельных литератур снова излагается последовательно, одна за другой. В отличие от Прампolini, это изложение ведется не сплошным потоком от древности до новейшего времени, но в пределах определенной эпохи³¹. Такое историко-хронологическое обозрение материала дает несомненно значительно бóльшие возможности для исторического взгляда на процессы всемирной литературы. Однако неизменный принцип последовательного изложения истории отдельных

³⁰ «Histoire générale des littératures». T. I. Paris, Quillet, 1961, p. 1.

³¹ Такой принцип организации материала утвердился в последние годы и в работах, посвященных истории литератур, связанных с европейской традицией (например, в «Истории литературы» А. Бурджо. — A. Burgio. Storia della letteratura. T. II. Milano, 1963. В первом томе этого издания дается панорама общей истории культуры).

литератур³², без попытки сравнительного рассмотрения сходных или общих в них процессов, оказывается в противоречии с определенной в Предисловии широкой задачей издания — дать историю всемирной литературы как международного явления, во всем многообразии ее аспектов (*une histoire de phénomène universel, un sous ses mille aspects transitoires, qu'est la littérature mondiale*).

Как в самом отборе материала, так и в последовательности его изложения, многое во «Всеобщей истории литератур» вызывает сомнение прежде всего с точки зрения интересующей нас в данном случае проблемы — как соотносить истории национальных литератур с мировым литературным процессом.

Почему в разделе «От античности к средневековью» кельтская литература помещена между арабской и индийской? Почему литература Ганги помещена в разделе XIX в. между франкоязычной литературой Канады и венгерской литературой? Почему литературы некоторых народов Сибири помещены в разделе, датированном 1848—1945, между литературами Японии и Океании? Это только некоторые вопросы, число которых можно было бы значительно умножить.

Не может не вызвать возражения и «выпадение» периодизации некоторых литератур из принятого для всего издания историко-хронологического принципа.

Так, в разделе «Господство Европы: XVII—XVIII века» китайская и японская литературы рассматриваются до 60-х годов XIX в., что неоправданно выключает эти лите-

³² Несколько нарушается это в главах третьего тома, посвященных европейским литературам новейшего времени. Однако литературный процесс современности дан в них настолько бегло (концепция этих глав рассматривается в статье Р. М. Самарина), что вряд ли возможно говорить здесь о принципах научной организации материала.

ратуры из контекста мирового литературного развития первой половины XIX в. Совсем отсутствуют в этом же разделе, как и в разделе «Романтизм до 1848 года», новогреческая литература и литература США.

При таких хронологических сдвигах урон получается двоякий. С одной стороны, обеднение данной национальной литературы, которая изолируется от мирового «контекста», как произошло, например, с греческим романтизмом, являющим собой высокое завоевание национальной художественной культуры, непосредственно связанное с процессами общеевропейского литературного развития. С другой стороны, обедненным получается и сам мировой художественный процесс той эпохи, из которого искусственно выключаются некоторые важные его звенья.

Но что еще более уязвимо в структуре книги все с той же точки зрения рассмотрения национальных литератур в системе целого — это проходящий через всю книгу, несмотря на более широкий, чем в прежних работах, охват восточных литератур, европоцентристский подход к осмыслению мирового литературного процесса. «Восточные» главы значительно менее национально дифференцированы, литературы народов разных исторических судеб и культурных традиций даются в них нередко цельными «пластами». Обычно главы эти даны в заключении разделов, как более или менее широкие «добавления» к концепции, уже сложившейся на основе осмысления художественного опыта европейского — преимущественно западноевропейского — литературного развития³³.

³³ Эти же наблюдения следует распространить на ряд других современных книг по истории всемирной литературы, в которых, несмотря на значительное расширение восточного материала, европоцентристская (по существу — западноевропоцентристская) позиция продолжает господствовать. Эта позиция прямо декларируется в ряде работ. Так, в предисловии к «Истории мировой лите-

Никак не может быть научно оправдано название раздела, включающего богатый материал восточных литератур от первых веков нашей эры до начала XVII в., — «Европейское средневековье и остальной мир», причем литературы Востока, развитие которых в средние века во многих отношениях исторически предшествовало становлению новых европейских литератур, рассматриваются позднее.

Если названные примеры европоцентристского подхода к осмыслению истории мировой литературы далекого прошлого можно классифицировать как дань установившейся инерции в отношении к литературам Востока, то другой пример, относящийся уже к трактовке современного литературного процесса, объективно имеет определенный политический аспект — игнорирование национальной самостоятельности литератур бывших доминионов Великобритании. Так, литературы Канады и Австралии только названы в главе «Английская литература» (заключитель-

ратуры» Э. Лаатса утверждается, что «западноевропейская мировая литература» будет представлена здесь как большой развивающийся организм. Что касается «других мировых литератур», то они будут рассмотрены прежде всего в их соприкосновении с литературами Запада (E. Laaths. *Knaurs Geschichte der Weltliteratur*. München, 1953, S. 12).

Заявляя, что его как европейца интересует прежде всего европейская литература (E. von Tunk. *Illustrierte Weltliteratur-Geschichte*. Bd. I, S. II), Э. фон Тунк смещает в своей книге действительные перспективы мирового литературного процесса. Так, славянские литературы начинают рассматриваться им в связях с общеевропейским процессом только с XIX в. То же делает Дж. Прампolini в однотомном варианте своей истории (G. Prampolini. *Le letterature del mondo*. Torino, 1956, ch. 82) и Л. Санс и Е. Вильямана в «Истории всеобщей литературы» (L. Sanz y E. Villamán. *Historia de la literatura universal*. Málaga, 1956). Что касается литератур Востока, то они привлекают внимание Э. фон Тунка, так же как и Э. Лаатса, преимущественно в моменты их «встреч» с Западом.

ный раздел третьего тома: «После 1945 г.— мировые перспективы») в связи со «стремлением английской литературы стать литературой космополитической»³⁴.

Решительно не удовлетворяет то, как представлено во «Всеобщей истории литератур» многовековое развитие литератур народов нашей страны. Отрывочные, во многом случайные факты ни в какой степени не отражают богатейшее художественное наследие этих литератур. И если некоторые сдвиги по сравнению с предыдущими изданиями (за исключением, пожалуй, третьего издания работы Дж. Прампolini) здесь есть, то все же очевидно, что оставление на литературной карте мира белых пятен там, где имеются огромные, изученные современной наукой художественные ценности, существенно смещает перспективу целого и не может быть научно оправдано.

Важно особо подчеркнуть, что отсутствие целостной концепции истории всемирной литературы в значительной степени ограничивает и возможности исторически объективной характеристики самих национальных литератур — процесса их формирования, особых путей развития, художественной специфики³⁵.

Проследим это на примере того, как трактуются в «Истории литератур» (серия «Энциклопедия Плеяды») и в ряде других работ последних лет такие проблемы, как соотношение понятий национальной литературы и литературы данного языка или же формирование национальной литературы.

Известно, что галлимаровское издание было подвергну-

³⁴ «Histoire générale des littératures». Т. III, p. 733.

³⁵ В статье И. А. Тертерян «Латиноамериканские литературы в историях всемирной литературы» приводятся весьма показательные примеры того, как глубоко осознается это сегодня передовой общественной и научной мыслью стран Латинской Америки (см. стр. 125 настоящ. издания).

то критике за то, что в нем непропорционально большое место уделяется «своей» национальной литературе. Так, Р. Этьямбль в докладе на IV Международном конгрессе компаративистов говорил о том, что, отдав французской литературе один том из трех, французские издатели оказались во власти той же национальной узости и ограниченности, что и издатели некоторых работ, вышедших в ФРГ, в которых более половины текста отведено немецкой литературе.

Однако, высказывая справедливые замечания о непропорциональном распределении материала, сам Р. Этьямбль в трактовке понятия «национальная литература» достаточно неопределенен. Он не обращает внимания на то, что третий том галлимаровского издания посвящен не французской национальной литературе, но литературам французского языка, что в нем рассматриваются такие совсем разные литературы, как франкоязычные литературы Канады и Швейцарии, а также написанные на французском языке некоторые произведения писателей стран Востока и Африки³⁶.

³⁶ Рассмотрение в системе «одноязычной» литературы творчества тех писателей стран, освободившихся и освобождающихся от колониального гнета, которые пишут на языке бывших метрополий, и творчества европейских писателей — одно из характерных проявлений антиисторизма буржуазной филологической науки. Конкретно-историческое понятие «национальная литература», определяющееся в своем развитии совокупностью многих факторов, подменяется здесь искусственным конструированием литературной общности при помощи какого-либо одного (в данном случае языкового) фактора, который, взятый в отрыве от других, не определяет национальный характер литературы. В этом же плане характерно распространенное в английской буржуазной литературе рассмотрение творчества индийских писателей, пишущих на английском языке, как ветви литературы английской. С критикой этой концепции выступил индийский литературовед К. Ажэнгар (K. B. Srinivasa Iyengar. *Indian Writing in English*. Bombay, 1962, p. 15).

Фактором, объединившим литературы в одном томе, является таким образом не их национальная принадлежность, но общность языка.

По методологической сути — это то же решение, которое дает, например, многотомная Кембриджская история английской литературы, включающая и очерки об англоязычной литературе британских колоний и ирландскую литературу на английском языке — так называемую англо-ирландскую³⁷. По существу этот же методологический принцип проявляется и в работе «Литературная история Ирландии с древнейших времен до современности» ирландского литературоведа Д. Хайда, который не признает ирландских писателей, писавших на английском языке, представителями ирландской литературы, считая таковой только литературу на ирландском языке^{37а}. То же встречается неоднократно и в отношении немецкой литературы, к которой причисляют всех писателей немецкого языка — и швейцарских, и австрийских. Это видим мы и во многих компаративистских работах (например, в докладе на тему «Восприятие немецкой литературы двадцатого столетия в Соединенных Штатах», прочитанном У. Вайштейном на Втором Международном конгрессе компаративистов)³⁸ и в ряде книг по истории литературы (например, в книге В. Фридериха и Д. Мелона «Основы сравнительного изучения литературы от Данте Алигьери до

³⁷ «Cambridge History of English Literature». V. II. Cambridge, 1955, p. 300.

^{37а} D. Hyde. A Literary History of Ireland from the Earliest Times to the Present Day. London, 1899, p. IX.

³⁸ U. Weisstein. The Reception of Twentieth Century German Literature in the United States.— «Comparative Literature. Proceedings of the Second Congress of the International Comparative Literature Association at the University of North Carolina». V. II. Chapel Hill, 1959, p. 548—557.

Юджина О'Нила», авторы которой, игнорируя национальные особенности австрийской и бельгийской литературы второй половины XIX — начала XX в., рассматривают австрийских писателей только как действующих «в сфере немецкой литературы», а бельгийских — «в сфере литературы французской»³⁹.

Если бы перед нами были работы лингво-литературного характера, посвященные истории того или иного литературного языка и его модификациям в разных исторических условиях, под влиянием тех или иных контактов с другими национальными языками, рассмотрение проблем литературы того или иного языка (англоязычной, франкоязычной и т. д.) имело бы, несомненно, определенный интерес. Но в исследовании по истории всемирной литературы подмена понятия национальной литературы понятием литература такого-то языка вряд ли правомерна.

Методологическая неясность проявляется и в вопросе о формировании новых национальных литератур и вступлении их в сферу международных связей. Сложные и многообразные пути, какими складываются национальные литературы, в большинстве случаев не показаны (исключение составляют обычно крупнейшие европейские литературы), не выявлены или показаны недостаточно связи формирования литературы с социально-политической историей народа и страны, с традициями художественной культуры, со сходными процессами становления других литератур.

Так, в однотомном «Очерке истории литературы» Дж. Дринкуотера существование русской литературы при-

³⁹ W. P. Friederich (col. of D. N. Malone). Outline of Comparative Literature from Dante Alighieri to Eugene O'Neill. Chapel Hill, 1954, p. 367.

знается лишь с середины XVIII столетия⁴⁰ — концепция не новая, суть которой в том, что культурная жизнь России становится явлением европейским только после петровских времен. После краткого упоминания о русских писателях XVIII столетия делается скачок к Гоголю и далее — к писателям второй половины XIX в. Что касается Пушкина, он упоминается здесь лишь в связи с поддержкой, какую оказал он таланту Гоголя; зато в главе «Литература и русская революция», содержащей более чем сомнительные оценки послеоктябрьского периода русской литературы, Пушкин и декабристы рассматриваются как непосредственные предшественники литературы социалистических идей. Таким образом, в книге как будто намечены связи литературы с общественным развитием, но связи эти трактуются весьма произвольно, в результате чего вся большая русская литература после Пушкина оказывается оторванной от революционных сил и тенденций развития русского общества. Как видим, искажается не только сама картина развития одной из крупнейших литератур мира, но и оценка ее места и значения в мировом литературном процессе — поскольку только в свете великого социально-революционного пафоса русского реализма можно понять характер и роль его вклада в мировую литературу и общественную мысль.

Типично и то, как охарактеризовано в книге Дринкуотера вступление в мировой литературный процесс литературы США. Подробно говоря о значении для этой литературы английской пуританской традиции, автор вообще не упоминает о роли в становлении американской литературы войны за независимость. Непонимание социально-исторических истоков национальной литературы и здесь ведет

⁴⁰ J. Drinkwater. The Outline of Literature. London, 1950, p. 673.

к смещенному представлению о ее дальнейшем развитии. Так, считая, что пуританская традиция является одной из характернейших черт литературы США и в XIX в., автор рассматривает творчество Эмерсона, Готорна, Лонгфелло, Уиттьера, Б. Стоу прежде всего в отношении к этой традиции, а не к самой американской действительности. Не видя связи процесса формирования национальной литературы США с массовым демократическим движением конца XVIII в., автор оказывается неспособным дать и исторически верную картину развития сатирического направления этой литературы; совершенно игнорируется, в частности, сатирическая традиция массовой поэзии эпохи войны за независимость.

Не дает эта книга и какого-либо представления о формировании национальных литератур Канады или Австралии, поскольку «досуга» у этих молодых стран «для занятия культурой в европейском смысле не было». Что касается будущего канадской культуры, то оно интересует автора прежде всего опять-таки как пример развития по европейскому образцу (*on the European model*)⁴¹.

Не видим мы и внимания к процессам и историческим причинам формирования самостоятельных национальных литератур в тех случаях, когда эти литературы складываются на языке, уже утвердившем себя в истории литературы (например, формирование австрийской литературы на немецком языке или формирование австралийской литературы на языке английском). Не осмысливается, как правило, историческая общность таких двух или многоязычных национальных литератур, как, например, швейцарская (исключение представляет в этом отношении «Всеобщая история литератур») или канадская. Без учета сложности процессов формирования литератур в колони-

⁴¹ Там же, стр. 820, 826.

альных и зависимых странах решается и вопрос об использовании в их развитии европейских языков.

Даже в тех работах, в которых формирование некоторых национальных литератур в целом дается в верной перспективе, это осуществляется весьма непоследовательно, результатом чего является полная методологическая неясность: на возникновение некоторых литератур обращено специальное внимание, другие «возникают» в работе неожиданно и достаточно произвольно, без всякой связи с теми историческими, историко-культурными, историко-литературными, историко-лингвистическими процессами, которые предшествовали их становлению как литератур национальных, третьи — вообще отсутствуют.

Так, несмотря на то что Э. фон Тунк, в отличие от Дринкуотера, прослеживает историю русской и других славянских литератур с древнейших времен, моменты формирования этих литератур как национальных, связь этого процесса с общественной историей народа, с развитием национального литературного языка остается невыявленной. Говоря (в главе «Две новые звезды: Пушкин и Мицкевич») ⁴² о роли Пушкина в высвобождении русской литературы от иностранных влияний, Тунк совершенно обходит вопрос о национальных истоках его творчества. Важнейшие для становления чешской (так же, как и для болгарской) литературы проблемы национального возрождения на рубеже XVIII—XIX вв., борьба деятелей культуры этих народов за права народного языка и значение этой борьбы для развития национальных литератур также выпадают из поля зрения автора ⁴³ (что не может быть, разумеется, восполнено особой — самой по себе небезынте-

⁴² E. von Tunk. Illustrierte Weltliteratur-Geschichte. Bd. III, S. 77.

⁴³ Там же, стр. 202.

ресной — главкой, в которой сравнительно рассматриваются Челаковский и Верешмарти как создатели чешского и венгерского поэтического языка).

В книге фон Тунка довольно обстоятельно говорится о связи формирования литературы США с войной за независимость, что позволяет охарактеризовать эту литературу более исторично, чем это сделал Дринкуотер. Если последний, к примеру, не смог увидеть сатирического начала этой литературы, уходящего корнями в массовую народную поэзию и публицистику последней четверти XVIII столетия, то фон Тунк отдает этой проблеме должное⁴⁴. Но уже в следующем разделе, посвященном откликам европейской литературы на революционные события, литературы Англии и США рассматриваются объединенно⁴⁵, причем принцип объединения здесь методологически иной — языковый. Этот же принцип объединения окончательно утверждается и в третьем томе работы фон Тунка, где существуют специальные разделы «Das englische Sprachgebiet», «Das englische Sprachraum». Этот принцип позволяет рассматривать разноязычные европейские литературы в одном ряду с литературами Латинской Америки, представляющими во многом совсем иной путь развития.

Остается неясным, когда, по мнению автора, возникает австрийская литература, выделенная в самостоятельный раздел только в XX в. (ранее отмечались лишь связи творчества Грильпарцера с австрийской музыкальной культурой⁴⁶). Не ставится в книге вопрос о формировании швейцарской литературы. В разделе XVIII в. швейцарский поэт Галлер назван поэтом «немецкой языковой зоны» (Deutsche Sprachraum), между тем как многое в его твор-

⁴⁴ Там же. Bd. II, S. 357.

⁴⁵ Там же, стр. 394.

⁴⁶ Там же, стр. 60.

честве характерно для просветительской литературы Швейцарии⁴⁷. В разделе, посвященном XIX в., говорится о трехязычной швейцарской литературе, но вопрос об ее национальных чертах и о том, как же происходило ее формирование, остается вне сферы внимания автора. То же и в отношении литературы Канады. Если Дринкуотер интересуется по преимуществу англоязычной литературой этой страны, то Тунк рассматривает ее в разделе «Французская языковая зона» (Französisches Sprachgebiet). Что касается того, существует ли национальная канадская литература, то этот вопрос у авторов даже не возникает.

Многие проблемы, которых мы здесь касаемся, имеют уже немалую научную литературу и невнимание к ним вряд ли может быть оправдано. Другие и сегодня являются дискуссионными, требуя для своего выяснения нередко большой работы, иногда совместной — историков, историков культуры, литературы и языка. Мы полемизируем в данном случае не с тем или иным конкретным решением какого-либо вопроса, но с тем, что эти первостепенно важные для понимания мирового литературного развития проблемы не занимают в современных трудах по истории всемирной литературы подобающего им места. Для нас важно в данном случае подчеркнуть, что отказ от познания общих закономерностей мирового литературного развития мстит за себя, обедняет раскрытие особенностей развития литератур национальных. Обе эти стороны единого мирового литературного процесса нерасторжимо связаны; невнимание к одной из них неизменно влечет за собой смещение исторической истины и в характеристике другой.

⁴⁷ E. von Tunk. Illustrierte Weltliteratur-Geschichte. Bd. III, S. 279.

В другом типе работ история всемирной литературы представлена как *история связей между литературами*, история их международного общения.

Если рассмотренные выше труды тяготеют к традициям «всеобщих» историй литератур, связанных с культурно-исторической школой, то этот новый тип историй всемирной литературы возникает уже в орбите компаративистики и компаративистской методологии⁴⁸. Получившая достаточно широкое распространение полемика о разграничительных рубежах предмета «всеобщая литература» и «сравнительное литературоведение» и признание ее бесплодности самими компаративистами⁴⁹ говорит об этом достаточно ясно.

Разумеется, работы о международных связях литератур являются не только полезными, но необходимыми подступами к изучению многих действительно важных проблем истории всемирной литературы. Но одно методологическое условие обязательно для работ этого типа, коль скоро они претендуют на осмысление приводимых в них фактов в

⁴⁸ В статье И. Ханкиса «Всеобщая литература?» отмечается, что подобного рода работы строятся либо как исследования миграции идей, тем, образов и так далее между пятью континентами, либо как исследование одной литературы, рассматриваемой в ее многосторонних связях (J. Hankiss. *Littérature universelle?*, p. 168—169). Компаративистские работы первого типа достаточно известны. Одна из характерных работ второго типа — «История всеобщей литературы» Л. Санса и Е. Вильямана, где всемирная литература является лишь фоном, на котором рассматривается развитие литературы испанской (L. Sanz y E. Villamana. *Historia de la literatura universal*. Málaga, 1956).

⁴⁹ R. Wellek. *The Crisis of Comparative Literature*. — «Proceedings of the II Congress of the International Comparative Literature Association at the University of North Carolina». V. 1. Chapel Hill, 1959, p. 155.

свете мирового литературного развития: в них должны быть схвачены действительно существенные в социально-историческом и эстетическом своем содержании моменты и тенденции литературных связей данной эпохи, имеющие решающее значение в развитии национальных литератур, а следовательно, и в международном литературном процессе. Но именно этому условию работы, возникшие в кругу компаративистских представлений, не удовлетворяют⁵⁰.

Одна из первых работ, в которой была намечена такая концепция, — «Введение в мировую литературу» А. Герара.

Мировую литературу (World Literature) Герар определяет как «всю массу произведений, которая получила всеобщее признание: в идеале — у всего человечества, практически — в зоне нашей западной цивилизации» (следует подчеркнуть, что книга «Введение в мировую литературу» построена почти исключительно на западноевропейском материале). Такое понимание мировой литературы резко отграничивается автором от понятия «всеобщая литература» (General Literature), которое включает в себе «все, написанное на всех языках во все времена»⁵¹.

Таким образом, главным в истории всемирной литературы является для Герара известность, популярность и влияние данных произведений за пределами той национальной культуры, в которой они возникли. Именно эти моменты выдвигаются Гераром на первый план в мировом литературном процессе («и все же мировая литература существует: Германия знает Шекспира, и Англия

⁵⁰ Характерным примером может служить книга К. Вайса «На границах национальных литератур» (K. Wais. An den Grenzen der Nationalliteraturen. Berlin, Walter de Gruyten & Co, 1958).

⁵¹ A. Guérard. Preface to World Literature. New York, 1940, p. 16.

знает Гете. Нет более полного доказательства западного единства, чем эта победа») ⁵², явно оттесняя изучение литератур в полноте их связей с жизнью своих народов.

Точность полемики требует отметить, что Герар не подходит к проблеме облегченно. Он говорит, что нельзя не считаться с такими факторами литературного развития, как нация, среда, историческая эпоха, языковая сфера, хотя они и являются, может быть, не более чем условными понятиями (*delusions*); он справедливо отмечает, что социальные факторы играют в системе европейского целого нередко роль более существенную, чем факторы национальные; отмечает, что сама возможность взаимных влияний обусловлена тем, что в культуре разных народов существовали такие сходные моменты, которые подготовили их к восприятию иностранных влияний; говорит и о том, что иностранные влияния «действуют лишь как момент, варьирующий национальную традицию, которая остается основной» ⁵³. Однако все эти справедливые сами по себе мысли имеют в предисловии Герара не более чем характер «допущений», не оказывая сколько-нибудь существенного влияния на его концепцию мирового литературного процесса.

В явном противоречии с этими утверждениями находится «ядро» его концепции — предложение изучать в истории мировой литературы только те произведения, которые продолжают оказывать активное художественное воздействие и сегодня: «арена нашего изучения — живая литература» (*our field is living literature*) ⁵⁴. Но разве не очевидно, что при таком определении предмета изучения многие литературы древних народов, внесших свой большой вклад в художественное развитие человечества, должны остаться за

⁵² Там же, стр. 11.

⁵³ Там же, стр. XIII.

⁵⁴ Там же, стр. XII.

пределами внимания историков всемирной литературы? Разве не очевидно, что за бортом исследования останутся в этом случае целые эпохи развития литератур так называемых малых народов, что при этом останется непонятным появление таких фигур, как Андерсен, Райнис? Очевидно, что помимо тех прямых утрат, которые потерпели бы из-за принятия такой точки зрения на всемирную литературу национальные литературы, отсечение этих имен и произведений нанесло бы существенный урон пониманию историко-литературного процесса в целом.

Таким образом, несмотря на многие отдельные замечания, которые сами по себе не вызывают возражения, главная мысль Герара состоит в том, что, переходя от «традиционного» изучения истории отдельных литератур (которое, по его мнению, является уже вчерашним днем науки) к изучению литературы мировой, исследователь должен преодолеть «ограниченность националистического подхода»⁵⁵ и рассматривать происходящие в мировой литературе процессы и крупнейшие ее произведения прежде всего в их всеобщем значении; а как таковые — в этом суть методологической позиции автора по интересующему нас вопросу — они уже не имеют ни социальных, ни национальных координат и как бы поглощаются единым, вневременным эстетическим критерием (the basic of our selection should be excellence)⁵⁶.

Защищаемая Гераром концепция истории всемирной литературы определяет и предлагаемые им основные методы ее изучения: сравнительный, изучающий связи между отдельными литературами (comparative literature), и всеобщий, в котором внимание обращено прежде всего на рассмотрение важнейших общих проблем литературного раз-

⁵⁵ A. Guérard. Preface to World Literature, стр. 6.

⁵⁶ Там же, стр. 5.

вития — жанров, школ, направлений и т. д. (general literature) ⁵⁷.

Все это приводит к идеалистическому объяснению литературного процесса. Международные связи и влияния, играющие, несомненно, огромную роль, превращаются в величину самодовлеющую, в главную движущую силу мирового литературного развития. Естественно, что и здесь искаженное представление о целом приводит к искажению картины развития отдельных литератур.

Прежде всего это сказывается на принципах отбора материала для тех историй всемирной литературы (или же отдельных ее периодов или «зон» развития), в которых она рассматривается преимущественно с точки зрения литературных влияний. Нередко право преимущественного (или исключительного) рассмотрения в трудах этого типа получают те литературы, которые имеют широкие связи с другими литературами мира. Если же развитие литературы того или иного народа происходит в данную эпоху относительно более замкнуто, если литература эта, в силу неравномерности мирового исторического процесса, находится еще на относительно более ранней стадии развития, — такая литература не привлекает к себе внимания. Сведения о ней либо вообще отсутствуют (как, например, сведения о литературе славянских народов до XVIII в. у Дринкуотера), или же даются с хронологическим смещением в качестве исторической справки, присоединенной к характеристике более позднего этапа развития этой литературы (как, например, у фон Тунка, где славянские и восточные литературы выпадают из первого тома, хронологические рамки которого — от древности до конца эпохи Возрождения) и появляются (с ретроспективной характеристикой) во втором томе в общем большом разделе «Ли-

⁵⁷ Там же, стр. 16.

тературы Востока» с подзаголовками: «Народы Дальнего Востока» и «Народы Европейского Востока».

В. Фридерих и Д. Мелон, авторы одной из наиболее примечательных попыток современной американской компаративистики рассматривать историю мировой литературы (в данном случае, в масштабе так называемой западной цивилизации) с точки зрения господствующих литературных влияний, идут в своей книге «Основы сравнительного изучения литературы от Данте Алигьери до Юджина О'Нила» еще дальше. Русская литература, литературы Скандинавии и Индии⁵⁸ появляются у них впервые лишь в разделе XIX в., поскольку именно с этого времени они попадают, по мнению авторов, в орбиту мирового литературного процесса. Краткое слово о предшествующих этапах этих литератур говорит лишь об «ученичестве» их у литератур более развитых. Исключительно в аспекте западных влияний рассматривается и русская литература XVIII в. Национальное начало русской литературы никак не принимается в расчет даже при упоминании о Пушкине, Лермонтове, Гоголе, которые «были безусловно вдохновлены «Западом»⁵⁹. А если однажды и прорвалась в связи с «Тарасом Бульбой» фраза о пробуждении национального сознания у угнетенных славянских народов, то лишь постольку, поскольку

⁵⁸ Подобное же введение индийской литературы в мировой литературный процесс XIX в., после того как разговор о ней был надолго прерван, видим мы и в книге фон Тунка, так как именно в XIX в., говорит он, «произошла не имеющая себе параллели в истории мировой литературы встреча Востока и Запада» (E. von T u n k. *Illustrierte Weltliteratur-Geschichte*. Bd. III, S. 370). Таким образом, фактором, определяющим включение этой, единственной из литератур Востока, в мировой литературный процесс XIX в. является для фон Тунка связь ее с литературой Европы.

⁵⁹ W. P. Friederich (col. of D. N. Malone). *Outline of Comparative Literature from Dante Alighieri to Eugene O'Neill*, p. 351, 352.

пробуждению этого сознания способствовал «новый мистицизм народов», стимулированный Гердером⁶⁰. Обращая внимание на роль Ибсена в развитии мирового театра, авторы тут же оговариваются, что не видят в этом художнике «ничего типично скандинавского, такого, что не могло бы быть создано одаренным писателем какой-либо другой национальности»⁶¹. Таким образом, в расчет принимается лишь сам «факт» литературного влияния. Но осмысление этого факта — исторической причинности его возникновения именно в данной конкретно-исторической обстановке, именно у данного народа — полностью выпадает из сферы интересов авторов рассматриваемой книги. Это не случайные, вырванные из контекста, просчеты, но методологическая позиция авторов, ясно изложенная ими в предисловии к книге.

Свою задачу В. Фридерих и Д. Мелон видят в «попытке показать совершенно новую панораму западной литературы»⁶². Если «История литератур Европы и Америки от Ренессанса до наших дней» Ван Тигема давала прежде всего картину параллельного развития не связанных между собою литератур и почти не касалась вопроса о влияниях, то в этой работе акцент делается на последнем. Книга построена по достаточно традиционной компаративистской «сетке», в которой предусмотрен учет «тематологического» (термин Ван Тигема) сходства, разных форм «посредничества» между литературами и литературных влияний.

История европейской литературы выглядит при этом как последовательная смена господствующего одностороннего влияния разных литератур — господствующее италья-

⁶⁰ Там же, стр. 352.

⁶¹ Там же, стр. 354.

⁶² Там же, Предисловие.

япское влияние в эпоху Ренессанса, господствующее испанское влияние в эпоху барокко (мы не полемизируем в данном случае по вопросу о периодизации), господствующее французское влияние в литературе XVII—XVIII вв. и так далее. Что касается непрерывного взаимодействия литератур в их историческом развитии, пусть и осуществляющегося в разные эпохи с разной степенью интенсивности, то оно авторов не интересует. В результате, если посмотреть на представленную в книге картину истории литературы эпохи Возрождения в перспективе истории всемирной литературы, то мы увидим не литературу величайшего прогрессивного переворота, сложившуюся в результате взаимодействующих, взаимообогащающих и дополняющих друг друга духовных усилий многих народов, но лишь восприятие влияния гения одной нации. Если при этом принять во внимание справедливое само по себе замечание авторов, что международные связи развиваются в эпоху Возрождения одновременно с процессом становления национальных литератур, то получается, что основным фактором этого становления являются именно влияния.

Такую же картину наблюдаем мы и в характеристике последующих эпох. Художественное своеобразие европейской просветительской литературы характеризуется прежде всего через восприятие ею французского влияния⁶³ (причем сведенного почти исключительно к влиянию поэтики классицизма). При всем действительно огромном воздействии французской культуры на духовную жизнь Европы очевидно, что сведение побудительных сил развития национальных европейских литератур только к французскому влиянию смещает картину действительного историко-лите-

⁶³ W. P. Friederich (col. of D. N. Malone). Outline of Comparative Literature from Dante Alighieri to Eugene O'Neill, p. 156.

ратурного процесса XVIII в. Это подтверждается между прочим и тем, как легко «снимается» подобное утверждение другим автором. В своей «Иллюстрированной истории мировой литературы» фон Тунк показывает европейскую литературу XVIII в. как более широкий спектр международных связей разных литератур. Что касается влияния французской литературы, то он, отдавая ей должное, в то же время замечает, что «победа французской литературы в споре наций» была временной и что в широкой перспективе европейского литературного развития влияние Мильтона было не меньшим, чем влияние Расина⁶⁴.

Выделяя литературу преромантизма в особый раздел (это опять-таки вопрос периодизации, которого мы здесь не касаемся), В. Фридерих и Д. Мелон связывают ее международное значение преимущественно с английским влиянием (сведенным прежде всего к «открытию» в XVIII в. Шекспира и Мильтона). Если при этом иметь в виду, что в преромантизм здесь включается и литература Sturm und Drang, такой вывод явно неубедителен. Литература романтизма связывается прежде всего с влиянием Германии. Влияние это неоспоримо, но когда при этом снимается вопрос о вкладе в общеевропейскую литературу поэзии Байрона — общие выводы о европейском романтизме представляются по меньшей мере односторонними.

Следует отметить, этого требует точность нашей полемики, что в книге В. Фридериха и Д. Мелона встречаются и отдельные замечания, противоречащие характерному для нее в целом невниманию к национальной специфике литератур (так, например, отмечено, что лучшее в английской драме эпохи Реставрации связано с национальной традицией)⁶⁵. Но подобные единичные замечания лишь рельеф-

⁶⁴ Там же, стр. 193, 194, 214.

⁶⁵ Там же, стр. 169.

нее подчеркивают несостоятельность общей концепции. Достоверность фактов литературных влияний, на которые эта концепция опирается, может быть, и несомненна, но общий «баланс» их в книге искажает действительный ход литературного развития.

* * *

В той полемике, которую теоретики компаративистики США ведут в последние два десятилетия против французской компаративистской школы, выявились и новые концепции истории всемирной литературы.

Если теоретическим аспектом этой полемики были задачи и методы компаративистского исследования, то по отношению к истории всемирной литературы полемика эта сосредоточилась на том, какое место должна занять в ее изучении национальная специфика литератур. Утверждая, что в современную эпоху «унификации» мира и мировой культуры (подразумевается «унификация» ее по образу и подобию «западной» или «атлантической» культуры) чрезмерное внимание к нациям и национальным культурам является устаревшим, Р. Веллек, В. Фридерих, А. Герар, А. Пейр, Г. Ремак и другие теоретики и историки литературы, связанные с современной компаративистикой США, предлагают сосредоточить внимание на изучении литературы как явления «универсального», «сверх» или «наднационального» (supernational).

Примечательно в этом отношении толкование, которое дает Веллек размышлениям Гете о мировой литературе.

Сопоставляя их с тем, какое содержание вкладывается в это понятие сегодня, Веллек утверждает, что ни современное представление о мировой литературе как о литературе всей планеты (all literature from Iceland to New Zealand),

ни попытка ограничить это понятие одной лишь классикой, ставшей культурным достоянием всех наций (the classics which have become a common heritage of all nations), ни понимание всемирной литературы только как связей между отдельными литературами (world literature is being prepared by a constant interchange of ideas and forms, but this interchange is not World Literature) ⁶⁶ не совпадают с мыслью Гете о том, что человечество вступило в этап формирования нового явления — «универсальной мировой литературы». Непосредственно проецируя мысль Гете на современность, Веллек утрачивает характерную для Гете широкую историческую точку зрения на процессы развития литературы мира на рубеже XVIII—XIX вв. и толкует ее в духе современной концепции «денационализации» литературы и «унификации» ее в некоем общем «синтезе». В той трактовке, какую он дает мысли Гете, — будто историческая судьба национальных литератур состоит в том, что они должны «слиться и в конце концов сплавиться в один великий синтез» (will fuse and ultimately melt into a great synthesis) ⁶⁷, эта мысль весьма близко напоминает достаточно одиозную теорию «переплавки» культур в общем котле (melting-pot) «западной» цивилизации. Веллек — опять же оперируя высказанной в другом контексте мыслью Гете — подчеркивает, что процесс этой унификации необратим, как бы ни пытались противостоять ему отдельные национальные культуры: «Он (Гете — *И. Н.*) видит, что в то время, так же как и сегодня, ни одна нация не высказывает желания поступиться своей индивидуальностью, литературной или политической, и даже напоминает немцам, что они при этом процессе потеряют больше,

⁶⁶ R. Wellek. A History of Modern Criticism: 1750—1950. V. I. New Haven, 1955, p. 221.

⁶⁷ Там же, стр. 221.

чем другие». И далее комментирует эти слова Гете: «Этим... замечанием он, несомненно, хотел сказать, что немцы имеют литературу наиболее замкнутую и своеобразную (the most individualistic, peculiar literature), которая должна изменить свой характер в мировом содружестве (in a world union)»⁶⁸.

Разумеется, проблема «унификации» мировой литературы излагается Веллеком с рядом оговорок. Одна из них как будто бы признает за каждой нацией право играть свою роль в этом процессе. Однако достаточно ясная из всех работ Веллека западноевропоцентристская точка зрения на мировой литературный процесс⁶⁹ заранее предопределяет ту роль, которая отводится в будущей «универсальной» литературе другим литературам мира. Подобного рода несоответствие широких заверений и их практических результатов встречается в современных западных работах по истории всемирной литературы нередко (сопшемся хотя бы на ту же книгу Фридериха и Мелона, в которой имеется специальная глава с названием «Все голоса должны быть услышаны», содержание которой ни в малой степени не отвечает этому заглавию). Главная же задача Веллека — привести свою концепцию мирового литературного развития (начиная со времени Гете и с соответствующими ссылками на него) в согласие с той задачей, которую он выдвигает перед современной наукой в изучении истории всемирной литературы: «создание истории литерату-

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ См., например, заключение ко второму тому «Истории критики нового времени», в котором развитие славянских литератур выводится из западных влияний (v. II, p. 338, 339). Отчетливо проявляется эта точка зрения и в интерпретации Веллеком истории чешской литературы (например, в статье «Modern Czech Criticism and Literary Scholarship». — In: «Harvard Slavic Studies», V. II, 1954).

ры как синтеза, истории литературы в наднациональном масштабе»⁷⁰.

Так же формулирует задачи изучения мировой литературы в статье 1958 г. «Сравнительная литература?» А. Герар — тот, кто в цитированной выше книге 1940 г. говорил о значении связей между национальными литературами⁷¹. Теперь же он утверждает, что поскольку сами национальные литературы представляют собой не что иное, как пережиток политического национализма, компаративистика должна отказаться от их изучения, обратив свои силы на изучение самого феномена (phenomen) мировой литературы. Причем, если во «Введении в мировую литературу» Герар пытался разобраться в содержании этого термина с академической обстоятельностью, то теперь для него главное — «изъять» из мировой литературы ее национальное содержание: «Мировая литература это та, — пишет Герар, — которую мы воспринимаем как нашу независимо от того, к какой эпохе или политической ориентации она относится. Термин «мировая» употребляется нами в смысле отрицания национальной ограниченности»⁷².

Эволюция взглядов А. Герара, так же как и направление, в котором развиваются рассуждения А. Пейра о роли «наднационального» аспекта изучения литературы, полностью совпадают в этом отношении с программой, намеченной в «Теории литературы» Веллека и Уоррена.

⁷⁰ R. Wellek and A. Warren. *Theory of Literature*. New York, 1942, p. 42.

⁷¹ A. Guérard. *Preface to World Literature*, p. II.

⁷² A. Guérard. *Comparative Literature?* — «Yearbook of Comparative and General Literature», 1958, VII, p. 3. К этому же взгляду на содержание понятия Weltliteratur склоняется и М. Бодмер в книге «Вариации на тему мировой литературы» (M. Bodmer. *Variationen zum Thema Weltliteratur*. Frankfurt a. M., 1956, S. 9).

Для осуществления этой задачи необходимо, по мнению авторов книги и широко апеллирующих к ней сторонников «наднациональной» концепции всемирной литературы, объединение усилий компаративистики и теории литературы⁷³. Характерно, что усилия историков национальных литератур в расчет при этом не принимаются.

Если главной задачей нового подхода к созданию истории всемирной литературы является, таким образом, «освобождение» (по терминологии Герара, экстирпация) ее от национальной и социально-исторической конкретности, то главным методом, с помощью которого эта задача может быть достигнута, объявляется метод сравнительного рассмотрения явлений.

Значение сравнительного метода исследования в синтетических по своему масштабу и типу работах самоочевидно. Однако абсолютизация его возможностей методологически несостоятельна. Нельзя не отметить также, что, несмотря на то оживление интереса к проблемам истории всемирной литературы, которое заметно в последнее время в филологических кругах Запада, ничего сколько-нибудь нового в разработку научных задач и возможностей этого метода применительно к истории всемирной литературы внесено не было⁷⁴.

⁷³ J. Hankiss. *Théorie de la littérature et littérature comparée*. — «Comparative Literature. Proceedings of the Second Congress». V. I, p. 101.

⁷⁴ Характерно в этом отношении признание, сделанное швейцарским литературоведом М. Верли в его книге «Общее литературоведение» (M. Wehrli. *Allgemeine Literaturwissenschaft*. Bern, 1948): «На практике попытки дать синтез истории европейской и мировой литературы в целостном изложении должны, конечно, оказаться просто компромиссом между личным взглядом и компилирующей хроникой. Если подумать о многомерности проблемы всемирной литературы... то ко всякой «истории мировой литературы» придется отнестись скептически. Подобные работы, которые

Активность того направления в современном буржуазном литературоведении, которое можно назвать «наднациональным аспектом» изучения истории всемирной литературы, была широко продемонстрирована в работе IV Международного конгресса компаративистов (август 1964 г., Утрехт), посвященного проблеме «Национализм и космополитизм в литературе».

Остановимся в этой связи на двух пленарных докладах конгресса — Р. Этьямбля и К. Вайса.

Р. Этьямбль — профессор Сорбонны, историк французской литературы и ориенталист — не раз выступал с критикой европоцентристской позиции в филологической науке, отстаивая необходимость шире включать литературы Востока в сферу изучения мировой литературы. Главная тема его последних работ, связанных с проблемами компаративистики, — необходимость преодолеть национальную ограниченность отношения к мировой культуре. Со многими его добрыми пожеланиями расширения международных литературных связей можно вполне согласиться. Хотелось бы отметить также заинтересованность, какую проявил Этьямбль к началу работы советских литературоведов над «Историей всемирной литературы»: «Предпринятая Институтом мировой литературы работа, — говорит он, — будет вестись с позиций социалистической идеологии; будем ждать ее появления, так как мы достаточно благоразумны, чтобы использовать как то, что будет достигнуто, так и ошибки, которые в работах такого рода неизбежны».

появляются в наше время в сравнительно большом количестве, следует, конечно, признать полезными, но в то же время неизбежно ограниченными и методически слабыми» (М. Верли. Общее литературоведение. М., 1957, стр. 214).

Несравненно более плодотворно работала в этом направлении международная марксистская мысль. Вопрос этот рассматривается нами в другой работе.

Вместе с тем та концепция всемирной литературы, которая была развернута Этьямблем на IV конгрессе компаративистов в докладе «Следует ли пересматривать понятие всемирная литература?», не может не быть подвергнута критике. Хотя Этьямбль не раз подчеркивал, что он не представляет никакой школы и выступает «от себя» (он говорил это и на будапештской конференции по сравнительному изучению литератур⁷⁵), в методологическом отношении его позиция в рассматриваемом вопросе по существу совпадает со многими положениями, о которых говорилось выше.

Говоря о двух привычных толкованиях термина «всемирная литература», имеющего приблизительно одинаковое содержание во французском, немецком и русском языках (*la notion de Weltliteratur recoupe exactement la notion française de littérature universelle, la notion russe de littérature mondiale*) «как многие литературы в их разнообразных контактах или как некая целостность», — Этьямбль отдает предпочтение второму. Он говорит, что это дает возможность более широко ставить такие важные для истории литературы вопросы, как, например, теория жанров (в этом он по существу солидаризируется с позицией Ван Тигема) и связь жанров с социальной, политической, религиозной структурой общества.

Само стремление к синтезирующему пониманию многосложного явления несомненно плодотворно. Но мы уже не раз встречались с тем, что методологическая база, на которой некоторые ученые строили подобный синтез, была настолько шаткой, что синтез этот не мог оправдать возлагавшиеся на него надежды.

Обращает на себя внимание и отсутствие четкости в

⁷⁵ «Acta litteraria Academie Scientiarum Hungaricae», 1962, p. 45.

данном суждении Р. Этьямбля. В нем смешаны два вопроса: о содержании понятия всемирная литература и о том, в каком направлении предлагается ее изучение. И по первому и по второму вопросам позиция Этьямбля вызывает возражения.

Вопрос о содержании понятия всемирная литература Этьямбль сводит все к той же дилемме: свод отдельных литератур *или* некое целое (причем в этом целом, как ясно из дальнейшего хода мысли автора, национально специфическое уже не рассматривается).

Что касается метода изучения мировой литературы, то Этьямбль повторяет здесь ставшее уже в компаративистике традиционным разъединение конкретно-исторического и сравнительного изучения (ставится опять же дилемма: либо одно, либо другое). Вряд ли таким образом вносится что-либо новое в сложную проблему задач, возможностей и методики сравнительного изучения национальных литератур.

Непосредственно связано с вопросом о характере рассмотрения национальных литератур в истории всемирной литературы и то, как ставит Р. Этьямбль проблему отбора материала. Сама проблема действительно насущна! Он справедливо говорит, что проблема отбора это не вопрос количества (стремиться ли сократить список имен и названий до ста или увеличить его до 10 000). Но как же решается им этот принципиальный вопрос? «Нужно сделать выбор, — говорит он, — решив, какие из произведений входят в культуру всех народов, всех наций, всех религий».

Такой принцип отбора не может не вызвать самого серьезного возражения. По Этьямблю получается, что в «Историю всемирной литературы» получают право входа только явления, ставшие мировыми в том смысле, что они непосредственно оказали воздействие на какие-то явления других литератур мира, — позиция, уже хорошо нам известная,

сводящая главное содержание всемирной литературы и главные движущие ее силы к связям и влияниям.

Разумеется, сам по себе замысел — создать историю шедевров мировой литературы — вряд ли может вызвать возражение. Но *историей* литературы, историей духовной культуры это не будет. Кроме того, очевидно, что в такой постановке вопроса есть и социологически совершенно неприемлемый аспект — достаточно представить себе, сколько народов мира были бы при этом лишены права голоса в «Истории всемирной литературы».

Нас интересует в данном случае все та же методологическая проблема: национальное и мировое литературное развитие рассматриваются как два искусственно разделенные объекта исследования, без стремления найти диалектическое их единство, без попытки найти соответствующие методы рассмотрения этого единства. Ссылаясь на слова Гете о том, что человечество вступило в этап создания мировой литературы, Этьямбль говорит, что в этот период национальная специфика литератур не имеет уже существенного значения. А значит, и исследовательское внимание к национальному в мировом литературном процессе снимается как задача.

Один штрих из дальнейших рассуждений Этьямбля любопытен как пример того, к чему практически приводит отказ от попытки раскрыть диалектику национального и международного. Говоря о важности первоклассных переводов на основные языки мира лучших произведений прозы, он, по существу, отказывается рассматривать в сфере мирового литературного развития поэзию. Он говорит, что поскольку по-настоящему понять поэзию можно лишь в оригинале, — это искусство по преимуществу национальное и вряд ли можно согласиться с мыслью Гете, что поэзия есть общее достояние человечества.

Здесь — снова смещение, снова неточности. Не говоря

уже о том, что вырванная из контекста мысль Гете здесь передана неточно (достаточно обратиться к одной из известных его бесед с Эккерманом), вряд ли верна позиция самого Этьямбля. Более чем трудно признать «Фауста», поэзию Байрона или Маяковского явлениями только национальной литературы. (Вопрос о разном характере влияния поэзии и прозы за пределами языка, на котором написано произведение, лежит уже в другой плоскости.)

Вместе с тем хотелось бы подчеркнуть некоторые интересные и справедливые замечания Этьямбля по поводу ряда «Историй» всемирной литературы (имея в виду прежде всего круг вопросов, относящихся к теме данной статьи).

Справедливо настаивая на необходимости иметь более широкую объективную точку зрения, он подвергает резкой критике две вышедшие в ФРГ книги — «Сравнительная хронологическая таблица мировой литературы от средних веков до нового времени» и «Предмет мировой литературы»⁷⁶ за их откровенно германоцентристскую точку зрения: три четверти представленных в этих работах произведений принадлежат немецкой литературе. За это же подвергается критике и «История литератур», изданная в серии «Энциклопедии Плеяды», один из трех томов которой целиком посвящен французской литературе. Вопреки первоначальному плану издателей — представить литературы в общем движении, они споткнулись, говорит Этьямбль, на первом же препятствии и не смогли отказать в привилегии своей литературе. С этим замечанием, как и с замечанием о том, что в двух остальных томах национальные литературы представлены весьма слабо связанными между собой, нельзя не согласиться.

⁷⁶ A. S p e m a n n. Vergleichende Zeittafel der Weltliteratur vom Mittelalter bis zum Neuzeit. Stuttgart, 1951; E. Frenzel. Stoffe der Weltliteratur. Stuttgart, 1962.

В докладе главы западногерманских компаративистов К. Вайса «Космополитизм в литературе на протяжении веков» вопросы создания истории всемирной литературы не затрагиваются непосредственно. Но выраженную в заглавии доклада идею он развивает подчеркнуто, полностью солидаризуясь с той концепцией мирового литературного процесса, в котором национальное его многообразие оказывается растворенным.

История литератур мира интересует здесь К. Вайса лишь постольку, поскольку в них отразились изначальные космополитические идеи и тенденции, сопутствующие, по его словам, человечеству уже на самых ранних ступенях его развития. Литература выступает у него не как явление духовной жизни общества, развивающееся в определенном пространстве и времени и выражающее потребности общественного развития, но как некая независимая от общества сила, устремленная к преодолению «барьеров», которое оно ставит на пути ее развития, «барьеров» социальных, национальных, религиозных. Литература во все века, говорит К. Вайс, стремилась к преодолению всех этих форм ограниченности жизни людей, космополитическое начало является ее лейтмотивом. Истоки космополитической идеи К. Вайс возводит к Диогену; затем следуют киники, восставшие против ограничивающей идеологии античного полиса; затем — Вольфрам фон Эшенбах, заслуга которого в средневековом мире видится в том, что он почувствовал узость христианского мировосприятия и привлек внимание Европы к чуждому ей ранее по вере миру Востока. Главное, что К. Вайс видит в великом этапе ренессансной литературы, — стремление к синтезу христианской и языческой культур. Проблема возникающего здесь исторически нового явления, нового качества художественного сознания формирующихся именно в этот период национальных литератур, здесь и не возникает. К. Вайс, так же как

В. Фридерих и Д. Мелон, не пытается постичь в литературе эпохи Возрождения диалектику национального и интернационального, того, что процесс преодоления старого *orbis terrarum* и выход к всесторонним духовным связям был другой стороной процесса становления национальных литератур; он не видит, что сама плодотворность духовных контактов в сфере искусства во многом зависела именно от того, насколько продвинулась каждая из этих литератур по пути своего национального развития. Постепенно круги становятся все шире, и уже буквально в одной фразе говорится о связях между Римом и Виттенбергом, Италией Медичи и Францией Валуа, Мадридом и Венной, далее — Лондоном и Бостоном, Москвой и Нью-Йорком. Даже подобия того, что речь идет с связях литератур, каждая из которых имеет свое лицо и вносит в развитие мировой художественной культуры неповторимый вклад, здесь нет.

Из приводимых Вайсом литературных сопоставлений и сближений (некоторые из них самоочевидны, иные — весьма произвольны и спорны) ничего не следует для объяснения действительных закономерностей мирового литературного процесса: апокалиптический пафос сближает Беме и Блейка; пафос медитации — Вико, Гердера и Гете как создателя «Западно-восточного дивана»; раздумья о судьбах человечества сближают Ламартина и Уитмена; соприкосновение с жизнью колоний расширяет космополитическое мироощущение Киплинга и Е. М. Форстера; поиски новых выразительных средств языка в современной поэзии Запада Вайс объясняет стремлением сделать эту поэзию понятной африканцам.

Кульминационной точкой доклада является мысль о том, что время диктует рождение космополитизма нового типа, который способен примирить в себе понятия времени и пространства, дать возможность самоопределения куль-

турам различных этнических групп, примирить такие две крайности, как сегрегация и переплавка культур в общем котле. Уже само критическое отношение Вайса к этому, ставшему уже однопным, термину американской реакционной социологии (melting-pot), говорит о том, что тенденция к «универсализации» литератур по образу и подобию западной цивилизации начинает принимать иные, более гибкие формы.

Мы остановились на тех взглядах на соотношение истории национальных литератур с мировым литературным процессом, которые определяют сегодня основные направления работ буржуазных ученых по истории всемирной литературы. И как бы действительно сложны ни были те задачи, которые встанут перед современной филологической наукой в поисках синтеза огромного материала мирового литературного развития, как бы дискуссионны ни были отдельные конкретные (и, может быть, даже некоторые более общие) вопросы или решения — есть все основания утверждать, что рассмотренные работы не открывают в этом отношении новых перспектив.

Такие перспективы могут быть открыты только на основе материалистического учения о единстве мирового исторического процесса, в системе которого развивается литература как одна из форм общественного сознания и общественной деятельности человека, как одна из форм художественного познания и отражения действительности и идейно-эстетического на нее воздействия. Плодотворным может быть лишь такое синтезирующее осмысление истории всемирной литературы, в котором будет схвачена реальная диалектика национального и международного в процессе ее развития.

КОНЦЕПЦИИ СОВРЕМЕННОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА

Говоря о современной литературе как определенном периоде мировой литературы, важно прежде всего выяснить, каковы исторические пределы понятия «современная литература» в советской науке.

В течение довольно длительного времени начальная дата понятия «современная литература» относилась к 1870-м годам и совпадала с тем периодом новейшей истории, который непосредственно предшествовал периоду империализма.

За последние годы наметилась явная тенденция уточнить внутренние этапы этой теперь уже почти столетней эпохи. Опираясь на ленинское учение об империализме как о последней стадии развития капитализма, складывающейся на рубеже XIX и XX вв., советские литературоведы и раньше подчеркивали значение этого рубежа для истории всемирной литературы. Сравнительное рассмотрение процессов разных национальных литератур дает возможность уточнить само понятие «современная литература». Предшествующие процессы, с которыми она органически связана, уходят к рубежу двух столетий, а корнями своими — еще глубже, к концу прошлого века. И собственно «современная» — а не просто новейшая — литература начинается с эпохи Великой Октябрьской социалистической рево-

люции и последовавшего за ней мирового подъема освободительного движения и революционных сил. Представление о современном мировом литературном процессе определяется, таким образом, коренными изменениями в истории человечества, начатыми Великой Октябрьской социалистической революцией.

В советском литературоведении современный литературный процесс уже с начала 20-х годов рассматривается как самостоятельный раздел историко-литературной науки, пользующийся особым вниманием и как предмет преподавания в высшей школе, и как объект изучения. При этом надо подчеркнуть, что научное изучение процессов современной литературы шло и идет параллельно ее осмыслению в критике.

Однако так было не всегда. Дореволюционная наука, как правило, видела в современном литературном процессе нечто столь неустоявшееся, столь далекое от привычных для нее методов изучения, что вообще отбрасывала литературу конца XIX в. за пределы научных интересов. В университетских курсах последних предреволюционных лет, в проблематике монографий ученых того времени своеобразной академической гранью предмета изучения была середина XIX в., точнее — первая его треть, романтизм.

Отрадным исключением был первый курс истории западноевропейской литературы В. М. Фриче¹, охватывавший XIX столетие довольно широко, а также коллективная история западноевропейской литературы XIX в. под редакцией Батюшкова².

Иную точку зрения на современный литературный про-

¹ В. М. Фриче. Очерк развития западных литератур. 1908.

² «История западноевропейской литературы». Под ред. Ф. Батюшкова. Изд. «Мир», 1912—1914.

цесс развивали Г. В. Плеханов, В. В. Воровский, А. М. Горький, А. В. Луначарский. В своих работах они — при различии подхода к материалу — давали принципиально новое научное истолкование современным явлениям мировой и русской литературы, связывали принципиальный взгляд критика, вдохновляемого идеями научного социализма, со стремлением к историческому объяснению явлений современной литературы. Во многом близки им были работы Ф. Меринга, посвященные проблемам литературы конца XIX и начала XX в.³ Следует также отметить роль Г. Брандеса в выработке научного отношения к явлениям современной литературы: он пытался говорить о многих явлениях того же периода в историко-литературном плане, осмысливая их как цельный литературный процесс⁴. Но историко-литературная концепция Брандеса была ограничена его позитивистской методологией, оказавшей, кстати, сильное влияние на «Очерки по истории западноевропейской литературы» П. С. Когана, включившего в них материал конца XIX — начала XX в.⁵ Впоследствии в новых изданиях этой книги П. С. Коган углубил главы о современной литературе.

Уже в курсе лекций А. В. Луначарского⁶ — в этом первом детище советского периода в изучении зарубежной литературы — именно писателям XX в. было уделено особое внимание. Проблематике литературы XX в. отведена часть

³ Ф. М е р и н г. Литературно-критические статьи, т. 2. М., «Academia», 1934 (раздел «Проблема реализма в европейской литературе XIX и начала XX века»).

⁴ Г. Б р а н д е с. Главные течения литературы XIX века. Т. 1—3. М., 1881—1888.

⁵ П. С. К о г а н. Очерки по истории западноевропейской литературы. Т. 1—2. М., 1931—1941.

⁶ А. В. Л у н а ч а р с к и й. История западноевропейской литературы в ее важнейших моментах. В кн.: А. В. Л у н а ч а р с к и й. Собр. соч., т. 4. М., 1964.

предпоследней, двенадцатой лекции и вся тринадцатая лекция курса, в которых содержится материал очень разнообразный и во многом важный для нас и сегодня. Свое изучение современной литературы, начатое им задолго до революции и включенное в традицию преподавания литературы в советской высшей школе, А. В. Луначарский продолжил в позднейших работах 20—30-х годов, составляющих ценный вклад в изучение современной литературы. Много сделал в этой области В. М. Фриче, издавший в 1926 г. свою книгу «Западноевропейская литература XX века в ее главнейших проявлениях»⁷.

В 30-х годах проблемы современной литературы были разработаны в трехтомном учебнике Ф. П. Шиллера⁸, имеющем существенное значение в истории изучения литературы XX в. В учебнике Гальпериной, Запровской и Эйшискиной «История западноевропейской литературы XX века»⁹ многие проблемы отдельных национальных литератур нашего столетия и некоторые общие вопросы их развития были освещены более разносторонне, чем в учебнике Шиллера. Это стало возможным на основе большого количества марксистских работ по отдельным вопросам литературы XX в., вышедших к тому времени. Таким образом, можно сказать, что уже в это время сложилась целая школа ученых, занимавшихся преимущественно вопросами современного литературного процесса. Отметим среди них С. С. Динамова, И. И. Анисимова, И. А. Кашкина, А. А. Елистратову.

⁷ В. М. Фриче. Западноевропейская литература XX века в ее главнейших проявлениях. М.—Л., ГИЗ, 1926.

⁸ Ф. П. Шиллер. Новая и новейшая история западноевропейской литературы, т. 3. М., 1938.

⁹ Е. Гальперина, Г. Запровская, Н. Эйшискина. История западноевропейской литературы XX века. М., 1935.

С 1955 по 1965 г. вышло в свет три учебных пособия по современной литературе, подготовленных различными коллективами¹⁰. Уже это соревнование говорит само за себя.

В течение долгого времени широкий научный интерес к современной литературе и ее включение в программы высших учебных заведений были особенностью советского литературоведения. Буржуазное литературоведение, за отдельными исключениями, по-прежнему относило современную литературу к таким явлениям, которыми следует заниматься критике, а не ученым.

Положение несколько изменилось за последние десятилетия. Появились более или менее содержательные исследования, посвященные современному этапу различных национальных литератур.

Решая общие проблемы построения «Истории всемирной литературы», необходимо осмыслить весь имеющийся опыт изучения современной литературы.

Изучение наиболее примечательных зарубежных работ по истории всемирной литературы, вышедших в последние годы, позволяет сделать некоторые выводы о состоянии изучения современной литературы в зарубежной науке. Каковы бы ни были особенности каждой из этих работ, перед их авторами неизменно встает необходимость осветить и современный литературный процесс. Он освещается теперь шире и подробнее, чем освещали свою эпоху работы по истории всемирной литературы, выходявшие в XIX в. (Так, например, в известной книге И. Шерра

¹⁰ «Курс лекций по истории зарубежных литератур XX века». Часть первая. Изд-во МГУ, 1955; «История зарубежной литературы XX века». М., Государственное учебно-педагогическое изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1963; «Курс лекций по истории зарубежной литературы XX века». М., «Высшая школа», 1965.

«Иллюстрированная история мировой литературы»¹¹ или в книге Отто фон Лейкснера «История зарубежных литератур»¹², как и в «Всеобщей истории литературы», издававшейся под редакцией Корша и Кирпичникова¹³, весь XIX в.—тогдашняя «современность» — дается беглым обзором, превращается нередко в перечень имен, занимает по отношению к другим векам весьма незначительное место.)

Правда, старая традиция в известной мере была присуща и сравнительно новой книге Ван Тигема «История литератур Европы и Америки от Ренессанса до наших дней»¹⁴; и в ней раздел современности, литературы «наших дней», — это наиболее бедные и бледные страницы книги, да и их немного.

Несколько больше внимания литературе современного мира уделено в книге американских ученых В. Фридриха и Т. Мелона «Основы сравнительного изучения литературы»¹⁵. Но и здесь раздел, посвященный современности, заметно урезан и сокращен по сравнению с другими главами.

Однако в целом труды последнего десятилетия, претендующие на охват мирового литературного процесса, уделяют все больше внимания современности. В 50-е годы от издания к изданию разделы о современной литературе со-

¹¹ J. Scherr. *Illustrierte Geschichte der Weltliteratur*. Stuttgart, 1899; И. Шерр. *Всеобщая история литературы*. Т. 1—3. СПб. 1879—1880.

¹² O. von Leixner. *Geschichte der fremden Literaturen*. Bd. I—II. Leipzig, 1898.

¹³ «Всеобщая история литератур». Под ред. В. Ф. Корша и А. И. Кирпичникова. Т. 1—4. СПб., 1880—1892.

¹⁴ P. van Tieghem. *Histoire littéraire de l'Europe et de l'Amérique de la Renaissance à nos jours*. Paris, 1946.

¹⁵ W. P. Friederich (col. of D. N. Malone). *Outline of Comparative Literature from Dante Alighieri to Eugen O'Neill*. Chapel Hill, 1954.

держат все больше явлений и имен. Появляются и самые новые, и самые сложные ее явления, хотя бы регистрируемые авторами. Охват литературного процесса становится шире. Так, относительно широко представлены современные явления преимущественно европейских литератур, а отчасти и восточных в трехтомном французском издании «Истории литератур», вышедшем в серии «Энциклопедия Плейады»¹⁶.

Современная литература не только занимает в рассмотренных трудах все большее место, но и становится объектом все более пристального изучения, все большего беспокойства. Разделы, посвященные ей,— наиболее нервные, скрывающие в себе особенно заметное количество предданных или случайных лакун, нередко в них видна неприкрытая антипатия к современной прогрессивной литературе мира.

Конечно, любой раздел истории литературы является в изданиях такого рода полем борьбы между научными идеями. Но здесь борьба становится особенно откровенной.

При всем том, что внимание буржуазных ученых, стремящихся к созданию обобщенной картины мирового литературного развития, все более подробно останавливается на современности, именно посвященные ей главы в их книгах наименее убедительны и особенно далеко уходят от объективного и научного рассмотрения живого литературного материала. Можно сказать, что в подходе к явлениям современной литературы наиболее ясно раскрывается ограниченность буржуазной науки, ее односторонность, ее неспособность понять закономерности литературного развития, а нередко и предвзятость. Большие и малые

¹⁶ «Historie des littératures». «Encyclopédie de la Pléiade». Paris, Gallimard, 1958.

просчеты и ошибки в этих разделах нередко выглядят как прямые фальсификации.

Рассмотрим, как решаются в этих трудах некоторые проблемы современного литературного процесса. Характерно при этом, что не уточняется само понятие «современная литература». Так, например, в большом трехтомнике «Плеяды» фигурирует просто термин «современная литература» — «*littérature contemporaine*». При чтении соответствующих национальных разделов видно, что для разных литератур это понятие не совпадает в своих хронологических рамках. В книге Г. Трюка «Иллюстрированная история литератур»¹⁷, в разделах, посвященных отдельным жанрам, страницы, касающиеся современности, идут под названием «современное состояние» («*le dernier état*»), но факты, включенные в них, чрезвычайно малочисленны и нередко случайны. В книге Дж. Прампolini «Литературы мира»¹⁸ современная литература рассматривается в ряде глав, посвященных отдельным национальным литературам, под повторяющимся названием «XX век». Просто «XX век» названа и относительно большая (90 страниц) глава в труде А. Бурджо «История литературы»¹⁹. И все же (если даже говорить о количественной стороне) вряд ли оправдано, что сложнейшим процессам мировой литературы XX в. уделено в этой книге не больше внимания, чем, например, романтизму.

В ряде случаев решение этой проблемы как будто бы более целостно, но по сути своей оно глубоко традиционно. Так, западногерманский исследователь Э. Лаатс в своей «Истории мировой литературы»²⁰ придерживается старой

¹⁷ G. Truc. *Histoire illustrée des littératures*. Paris, Plon, 1952.

¹⁸ G. Prampolini. *Le letterature del Mondo*. Torino, 1956.

¹⁹ A. Burgio. *Storia della letteratura*. Milano, Vallardi, 1963.

²⁰ E. Laaths. *Knaurs Geschichte der Weltliteratur*. München, 1953.

традиции немецкого литературоведения и начинает современную литературу с культурного процесса конца XIX в., оперируя старым термином «Jahrhundertwende». Адальберт Шмидт²¹, следуя традиции старой немецкой и швейцарской школы, начинает этот период с натурализма и называет весь раздел «Пути и перепутья современной литературы». В книге Э. фон Тунка «Иллюстрированная история мировой литературы»²² вопрос о современной литературе включен в большую главу «Последнее столетие нового времени», охватывающую эпоху от 1849 г. до 50-х годов XX в. В книге А. Хаузера²³ «Социальная история искусства и литературы» «современность» совпадает с представлением об эпохе империализма.

Совершенно аморфны в определении понятия современной литературы некоторые работы буржуазных востоковедов, например книга Э. Сидла «Литературы Востока»²⁴. Она построена по принципу механического соединения различных глав, посвященных разным национальным литературам. При этом в некоторых главах идет речь и о современном литературном процессе, в других же — о нем не сказано ни слова. Что понимает Сидл под термином «современная литература», видно из следующих его слов: «...переходя к более новым (курсив наш.— P. C.) временам, я дам краткий обзор состояния арабской литературы, начиная от походов Наполеона...»²⁵. Но Сидл

²¹ A. Schmidt. Literaturgeschichte. Salzung — Stuttgart, das Bergland-Buch, 1954.

²² E. von Tunk. Illustrierte Weltliteratur-Geschichte. Bd. III. Zürich, 1954—1955.

²³ A. Hauser. Sozialgeschichte der Kunst und Literatur. Bd. II. München, 1953.

²⁴ E. Ceadel. Literatures of the East. A Survey. New York, Grove Press, 1953.

²⁵ Там же, стр. 43.

недалеко ушел затем от битвы у пирамид, не дав не только «краткого обзора», но и не назвав сколько-нибудь значительных арабских писателей XX в. Таким образом, в современных буржуазных исследованиях по истории всемирной науки отсутствует определенное и единое представление об исторических рамках тех явлений, о которых они говорят как о «современной литературе».

Неспособность — да и нежелание — решить проблему исторических пределов понятия «современная литература» сказывается и на принципах периодизации. В названных работах мы не находим продуманной периодизации, связанной с явлениями исторического и литературного развития. Нередко она заменена ссылкой на самые общие политические даты, например: «литература между двух войн», «литература после второй мировой войны». Странно выглядит «периодизация» истории литературы, опирающаяся на историю мировых войн! При этом не учитывается их действительное значение для творчества многих современных писателей.

В работах Хаузера и Шмидта современный период определяется как «век машин». Насколько эта «периодизация» поверхностна, можно судить хотя бы из того, что ни тот, ни другой не касаются такого явления мировой литературы, как рост научно-фантастических жанров. (Заметим, что вряд ли удачно в трехтомнике «Истории литератур» из серии «Энциклопедия Плеяды» помещен материал о научно-фантастической литературе в одном ряду с заметкой о полицейском романе.) Проблема периодизации современного литературного процесса оказывается вне сферы внимания авторов.

Современное развитие многих национальных литератур и их место в мировом литературном процессе выпадает из поля зрения авторов. Так, например, в некоторых из названных работ выдающиеся явления литератур Азии отра-

жены в частях, посвященных древности или средневековью, а в разделах о современной литературе о писателях стран Азии ничего не сказано, как будто развитие искусства в этих странах прекратилось еще в середине прошлого столетия.

Нельзя не отметить европоцентристской концепции, ясно проявляющейся в современных разделах ряда названных книг. Так, в труде Хаузера последние главы представляют собою преимущественно беглый обзор западноевропейской литературы.

Одной из отличительных черт «Истории литератур» в серии «Энциклопедия Плеяды» является заметное внимание авторов этого издания к современным литературам народов Азии и Африки. Несмотря на неравноценность представленных здесь материалов о современных литературах Востока (например, неоправданно кратко сказано о японской, корейской, индийской литературах), третий том «Истории литератур» из серии «Энциклопедия Плеяды» является исключением на общем европоцентристском фоне большинства трудов по мировой литературе, вышедших за последние годы в капиталистических странах. В целом в этих трудах дается весьма обедненная картина литературного развития в странах Азии за последние столетия, хотя в это время в литературах Азии происходят процессы особенно интенсивного развития, выдвигаются крупные фигуры; здесь рождаются новые литературы и обновляются традиции литературы прошлого.

Довольно произвольно оценен почти во всех рассмотренных нами книгах вклад различных народов в общую сокровищницу мирового искусства. Это особенно наглядно видно в книге Э. фон Тунка (вряд ли оправдано место, которое уделяет он при характеристике венгерской литературы Бабичу — талантливому и в свое время известному, но отнюдь не столь важному для венгерской литерату-

ры XX в., как многие другие писатели; однако о них Тунк не сообщает ни слова). Весьма неясно, по какому принципу он группирует материал отдельных литератур. Автор то оперирует термином «литература Романии», включая в это чисто условное понятие страны, развивающиеся в разных культурных зонах — от Испании до Румынии, то вводит понятие «область английского языка», почему-то, однако, исключая при этом Австралию. Неожиданно появляется термин «восточные нации», к которым отнесены Чехия, Россия и Венгрия. Затем Тунк соблазняется термином «малые народы» (*kleine Völker*), к числу которых он относит народы Иберийского и Скандинавского полуострова. Вряд ли можно считать удачным начало раздела о бельгийской литературе, целиком относящее ее к Франции: «На другом конце Франции лежит Бельгия»²⁶.

Но главные возражения возникают при оценке того, что же считают буржуазные ученые содержанием современного мирового литературного процесса.

В ряде трудов по истории всемирной литературы авторы, дойдя до XX в., переходят к нестройному изложению самых разнородных фактов, к нагромождению нередко случайных сведений о различных писателях и направлениях. Такой фактографический подход уже сам по себе предполагает отсутствие всякой концепции. Последовательность рассмотрения явлений и национальных литератур определена совершенно произвольно. У Прампolini, например, в одной главе идут литературы США и СССР — без объяснения причины; одна из глав у того же Прампolini называется «Немцы и славяне», а другая — «Балтийцы, финно-угры и балканцы». Разделы XX в. в книге А. Бурджо представляют собою эссе, написанные порою

²⁶ E. von Tunk. *Illustrierte Weltliteratur-Geschichte*. Bd. III, S. 533.

не без изящества, но совершенно не связанных друг с другом. Примером произвольности отбора материала может служить в этой книге очерк «Буржуазные романисты в Германии», где рядом с Т. Манном стоит Г. Гессе, почти всю жизнь проживший в Швейцарии, и малоизвестный прозаик Вихерт.

Итак, в одном случае — отсутствие всякой концепции. Но есть работы (отметим здесь некоторых немецких и швейцарских авторов), в которых намечается и определенная концепция. Литература современности — это литература, балансирующая на грани кризиса и катастрофы²⁷, утверждает Э. фон Тунк. Это литература вавилонского смещения языков и идей, говорит Э. Лаатс²⁸. Это литература эпохи тотальных войн, революций, массовых эмиграций, массовых социальных бедствий, характеризует Меллон²⁹.

Этот пессимистический общий колорит, уточненный в отдельных оценках, конечно, связан с идеями Шпенглера, Тойнби, Ортеги-и-Гассета. Он выражен особенно ясно в известной книге швейцарского литературоведа В. Мушга «Трагическая история литературы»³⁰, овеянной идеями немецкого экзистенциализма. Идеи Мушга, усматривавшего в развитии немецкой литературы XX в. прежде всего трагедию с самым плачевным исходом, Тунк и Шмидт переносят на всю мировую литературу. Это характерная концепция определенной группы буржуазных литературоведов, имеющая, как мы видели, международное хождение и достаточно ясные исторические и философские корни.

²⁷ E. von T u n k. Illustrierte Weltliteratur-Geschichte. Bd. III. S. 552.

²⁸ E. L a a t h s. Knaurs Geschichte der Weltliteratur, S. 749—750.

²⁹ W. F r i e d e r i c h (col. of D. N. Malone). Outline of Comparative Literature, p. 362—364.

³⁰ W. M u s c h g. Tragische Literaturgeschichte. Bern, 1957.

Впрочем, и у тех авторов, кто не пытается создать концепцию современной литературы, и у тех, кто создал концепцию литературы нашего времени как литературы «кризисов и катастрофы», есть общая тенденция. Она заключается в особо пристальном внимании ко всем антиреалистическим, декадентским явлениям литературы конца XIX в. и XX в., в явной недооценке реализма или откровенно отрицательном к нему отношении, в необъективности, а порою и враждебности к советской литературе. Э. фон Тунк, например, рассматривает литературу XX в. как смену «воли экспрессионизма», под которым он понимает различные «авангардистские» течения; он любовно повествует о разных формах экзистенциализма, выделяя особо Ясперса и Хайдеггера; вводит в ранг явлений мировой литературы некоего реакционного беллетриста и публициста Гвардини, подчеркивая значение его религиозной концепции. А. Шмидт в число выдающихся прозаиков нашего времени, наряду с Прустом и Джойсом, зачисляет австрийского романиста Х. Додерера, известного своим архиреакционным романом «Демоны», и даже Э. Юнгера, участвовавшего в качестве военного корреспондента в походах вермахта. С преувеличенным вниманием пишут и А. Шмидт, и Э. фон Тунк, и Г. Пикон об А. Жиде и А. Мальро.

Роль, которая отводится в современной мировой литературе названным явлениям, сопровождается резко отрицательным отношением к реализму. В большинстве анализируемых работ проблема реалистического искусства XX в. растворена, крупные писатели-реалисты теряются в различных авангардистских течениях и среди беглых, случайных характеристик второстепенных писателей разных школ и направлений. Многие писатели, составляющие опору подлинной литературы XX в., не удостоены отдельных глав, хотя есть главы, посвященные гораздо менее

значительным писателям. В разделе о французской литературе XX в. в трехтомнике «Истории литератур» из серии «Энциклопедия Пляды», например, есть особые главы об Алене, Моррасе, даже о Дрие де ла Рошеле, но нет глав о Роллане и Барбюсе.

В главе «Творчество и история» А. Шмидт помещает Л. Н. Толстого рядом с нацистом Блунком. Хемингуэй у того же Шмидта оказался экзистенциалистом и попал в общество Кьеркегора; Э. фон Тунк называет искусство Барбюса и Ренна «возрожденным натурализмом»³¹.

Не приходится говорить о сколько-нибудь объективном отношении к великой мировой антифашистской литературе. Ее просто не существует для таких «историков» литературы, как Э. фон Тунк, называющий поражение нацизма «прекращением огня»³².

К сожалению, приходится говорить о том, что и недооценка реализма в литературе XX в. в целом, и враждебная оценка советской литературы присуща многим из рассматриваемых книг. Ни одна из них не смогла, конечно, просто умолчать о советской литературе, но объективной оценки ее завоеваний и ее роли в современном мировом литературном процессе мы не находим.

Во многих книгах предпочтение отдано литературе эмиграции, которая фигурирует в них как якобы подлинно русская литература. При этом происходят забавные недоразумения. Тунк объявляет известного лидера партии конституционалистов-демократов П. Милюкова... продолжателем традиций Пушкина в русской прозе³³ и сообщает, что Бунин, хотя и покинул Россию, но по крайней мере

³¹ E. von Tunk. Illustrierte Weltliteratur-Geschichte, Bd. III, S. 587.

³² Там же, стр. 591.

³³ Там же, стр. 549.

получил премию Нобеля³⁴. Враждебная позиция большинства авторов по отношению к советской литературе, «управляемой из Красного Кремля», по выражению фон Тунка³⁵, есть сгущенное, хотя и зашифрованное выражение неприятия современного реалистического искусства.

Исследуемые в нашей работе западногерманские авторы, как и близкий к ним по настроениям Д. Мелон, просто невежественны в вопросах советской литературы. Этого нельзя сказать о В. Горелом, авторе специального раздела — сорок страниц убористого текста — о советской литературе в трехтомнике «Плеяды». В отличие от многих других зарубежных авторов, Горелый подчеркивает, что наша литература — это многонациональная литература. Он упоминает даже о «марксистском гуманизме». Здесь меньше прямых фактических ошибок, чем в других беглых и небрежных заметках о советской литературе, рассыпанных в книгах, претендующих осветить пути развития мировой литературы наших дней, обходя проблемы социалистического реализма. Но и эта работа грешит необъективностью, набившими оскомину нападками на нашу литературу, полна внутреннего неприятия всего того нового, что достигнуто социалистическим реализмом.

Необходимо отметить, что развитие литературы в социалистических странах в последние годы почти не учитывается в буржуазных изданиях по истории всемирной литературы. Можно судить, насколько обедненно и искажено выглядит при этом ее развитие.

И еще несколько общих замечаний. Разделы, посвященные современной литературе в рассматриваемых изданиях, поразительно бедны содержанием. Вся богатейшая художественная специфика современной литературы, под-

³⁴ E. von T u n k. Illustrierte Weltliteratur-Geschichte, Bd. III, S. 549.

³⁵ Там же, стр. 548.

линное новаторство лучших ее произведений, анализ художественного мастерства, история жанров — все это исчезает со страниц книг, когда дело доходит до литературы современной эпохи. Из того лучшего, что есть в современном искусстве, оказывается вылуценным не только его подлинное общественное и нравственное содержание, но и его высокое эстетическое содержание. Литературы XX в. богаты новаторскими прогрессивными мыслями, насыщены социальной проблематикой и этическим пафосом. Как можно говорить о них, не упоминая о гуманизме Р. Роллана и Т. Манна, Б. Шоу и М. Горького, Р. Тагора и Лу Синя? Но даже в тех немногих случаях, когда речь заходит об этих писателях, гуманистическая сторона их творчества остается как бы не замеченной исследователями. Литература, во многом созданная теми, кто принимал участие в жестоких схватках за будущее человечества, боевая гуманистическая литература XX в. выглядит в большинстве рассматриваемых работ как литература сумерек и отчаяния, нравственного упадка и эгоизма. За исключением Хаузера, ни один из названных авторов, ни одно из названных изданий не нашли нужным осудить фашизм, преступления нацизма, геноцид, кровавую бойню 1914—1918 гг., войны, развязанные империалистической реакцией. А ведь говорить о современной литературе, о ее социальных и нравственных задачах вне этих вопросов невозможно.

Удивительно бедна в разделах, посвященных современной литературе, и библиография: как будто и не существует того богатейшего монографического и обзорного материала по вопросам современной литературы, который накоплен наукой.

В том, как искажены в рассмотренных нами трудах по истории всемирной литературы сложнейшие и ответственные проблемы современного литературного процесса,

полно и наглядно проявляется несостоятельность буржуазной методологии. Многие ученые и сами не скрывают своей растерянности и плохой вооруженности, когда заговаривают о современной проблематике. «Когда говоришь о современной литературе, историк попадает на колеблющуюся почву», — жалуется Э. Лаатс³⁶. А. Шмидт воспринимает современность как нечто овеванное дымкой неисторичного, ссылаясь при этом на Ницше³⁷. В различных формах ссылки на трудности, доставляемые современным материалом, так и сыплются со страниц книг, призванных, казалось бы, осветить сущность литературного процесса этой самой современности.

Знакомство с тем, как решается вопрос о современной литературе в трудах, созданных в капиталистическом мире, не только убеждает в методологической несостоятельности подхода их авторов ко многим проблемам современного литературного развития. Оно заставляет с особой ответственностью отнестись к начатому нами труду по истории всемирной литературы, в особенности к томам, посвященным современности, которые ставят своей задачей дать подлинно научное освещение современного мирового литературного процесса.

³⁶ E. Laaths. *Knaurs Geschichte der Weltliteratur*, S. 694.

³⁷ A. Schmidt. *Literaturgeschichte. Wege und Wandlungen Moderner Dichtung*. Stuttgart, 1957, S. 9.

ДРЕВНЕРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА
В НЕКОТОРЫХ ТРУДАХ
ПО ИСТОРИИ ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Во многих обширных историях мировой литературы, вышедших в свет в капиталистических странах за последнее десятилетие, древнерусской литературе почти не отводится места. Если же она и становится предметом изучения, то чаще всего рассматривается в отдельных (как правило, произвольно выбранных) образцах, с неверных методологических позиций.

Так, например, итальянский ученый А. Бурджо заявляет, будто русская литература родилась под знаменами французского классицизма¹. Автор уделяет две страницы беглому обзору творчества предшественников Пушкина, и лишь с него начинает систематическую историю русской литературы.

Из более ранних произведений упомянуты только былины и «Слово о полку Игореве». При этом автор оставляет открытым вопрос, является ли «Слово» литературной стилизацией XVIII в. подобно оссиановым песням Макферсона или оно — оригинальная древнерусская песня, которая восходит к XII в. и послужила затем образцом для «Задонщины».

¹ А. B u r g i o. Storia della letteratura. Т. II. Milano, 1963, p. 588.

Немногим более полное представление о древнерусской литературе дают две странички во втором томе «Всемирной истории литературы» Э. фон Тунка². Перед читателем — краткий каталог произведений литературы древней Руси: переводные и оригинальные жития киевского периода (без заглавий), Повесть временных лет (по мнению Тунка, — просто адаптация старинных византийских хроник), Поучение Владимира Мономаха (как полагает Э. фон Тунк, — единственное абсолютно оригинальное произведение), «Слово о полку Игореве» (Тунк сопоставляет его со скандинавскими сагами, византийским эпосом о Дигенисе и русскими былинами). После установления татаро-монгольского ига, считает фон Тунк, наступило торжество церковно-религиозной литературы (примеров он не приводит). Неверно характеризуя официальную идеологию Москва — третий Рим как цезаро-папизм, Э. фон Тунк бегло упоминает далее несколько отдельных произведений — Повести о взятии Царьграда турками, Плач о разорении Московского государства 1612 г., Житие Аввакума, — коротко говорит о С. Полоцком как главе писателей, защищавших официальное православие в противовес расколу, и о начале придворного театра под руководством И. Г. Грегори.

Отбросив древнерусскую агиографию и летописание XV—XVII вв., изъяв вопрос о демократической сатире XVI—XVII вв., опустив исторические и бытовые повести, как и поэтическое сказание о Петре и Февронии, Э. фон Тунк создал у читателей своей книги обедненное представление о литературе древней Руси XV—XVII вв. Это усугубляется и тем, что автор отвел древнерусской литерату-

² E. von T u n k. Histoire universelle de la littérature. T. II. Zürich, 1961, p. 390—391.

ре (вместе с литературой Украины) последнее место среди славянских литератур.

Почти так же, хотя и несколько подробнее, представлена древнерусская литература в «Истории литератур», вышедшей в серии «Энциклопедия Плеяды». Как указывает в предисловии редактор второго тома Р. Кено, русская литература — сравнительно недавнего происхождения. Восходя к древности как отпрыск старославянского языка, она исчезает с монгольским нашествием и появляется вновь лишь в XVIII столетии³.

В соответствии с этой точкой зрения, глава о древнерусской литературе, написанная К. Вильчковским, делится на четыре раздела. В первом из них рассматриваются истоки древнерусской литературы, затем следуют разделы: «Золотой век средневековой литературы» (XI—XII вв.), «Период застоя (XIII—XVI вв.) и «Переходный период» (XVII в.)⁴.

Как и большинство западноевропейских славистов, К. Вильчковский подчеркивает, что ранний расцвет киевской литературы — результат взаимодействия двух факторов: во-первых, тесного общения и связей Руси с Болгарией (через посредство ее — с Византией) и с Западом, а во-вторых, раннего развития национального устного творчества (обрядовая лирика, загадки, пословицы, сказки, былины, духовные стихи). Из древнерусских произведений XI—XII вв. автор упоминает Повесть временных лет, проповеди Иларiona и Кирилла Туровского, Хождение игумена Даниила, Поучение Владимира Мономаха и «Слово о полку Игореве» (вершина киевской литературы, по определению К. Вильчковского).

³ «Histoire des littératures». «Encyclopédie de la Pléade». Т. 2. Paris, 1958, p. XIII.

⁴ Там же, стр. 1451—1460.

Некоторые частные утверждения автора не выдерживают никакой критики. Приведем лишь два примера. По мнению Вильчковского, Владимир Святославич Киевский — не русский, а варяжский князь. К. Вильчковский также полагает, что особенности древнерусского феодального строя состоят в следующем: во-первых, западноевропейские связи облегчили развитие духа независимости и свободы, свойственного славянам; во-вторых, в отличие от болгарских князей русские не разыгрывали из себя базилевсов и приспособились к более гибкому социально-политическому образу правления, оставив широкое поле действия народной инициативе, обеспечившей гармоническое развитие общества⁵.

Антипсторизм Вильчковского особенно ярко выступает в характеристике XIII—XVI столетий как периода сплошного застоя. По его мнению, последнее поэтическое произведение русской средневековой литературы — «Задонщина», воспевающая Куликовскую битву, — лишь бледное подражание «Слову о полку Игореве». По категорическому и ложному утверждению Вильчковского, древнерусская литература к концу XVI в. переживала фазу старческого склероза⁶.

Но сделанное автором беглое перечисление отдельных памятников русской литературы этой поры (Великие Четыи Миней митр. Макария, летописи, Повесть о Петре и Февронии, Степенная книга, Хождение за три моря Афанасия Никитина, Домострой, переписка Ивана Грозного с А. М. Курбским и произведения Максима Грека — «редкое исключение», по К. Вильчковскому) вступает в противоречие с высказанной им точкой зрения.

⁵ «Histoire des littératures». «Encyclopédie de la Pléiade». Т. 2, р. 1451—1452.

⁶ Там же, стр. 1457.

Из всего наследия русской литературы XVII в. Вильчковский выделяет «патетические записки Аввакума, мученика старообрядчества» как произведение, которое ныне живет и волнует. Бегло указано на развитие повествовательных жанров (переводных и оригинальных) на стыке фольклора и литературы (без конкретных примеров); отмечена роль ученых монахов Украины и Белоруссии в перенесении на русскую почву виршевого стихотворства и драматургии по образцу польской литературы. Именно они положили, по его мнению, начало первому литературному направлению в России (какому именно — барокко? классицизму? — К. Вильчковский не уточняет).

Во многом похож в своем подходе к истории русской литературы на главу, написанную Вильчковским, однотомник «Литературы мира в их устной и письменной форме», изданный В. фон Эйнциделем⁷. Редактор фельетопов в «Фоссише Цейтунг» в 1933—1934 гг., издатель «Нейе Рундшау» в 1936—1937 гг., он затем эмигрировал в Англию, где занимался сравнительным литературоведением, а с 1958 г. живет в ФРГ (Мюнхен). Эйнцидель привлек к работе над книгой В. Леттенбауэра, написавшего статью о русской литературе, и Д. Чижевского, представившего статью об украинской литературе.

Опыт Эйнциделя показал, как необходима для трудов подобного типа согласованная общая концепция у авторов разных глав. В результате отсутствия такой согласованности в этой книге одни и те же произведения литературы Киевской Руси (древнерусские княжеские жития, произведения Кирилла Туровского, Повесть временных лет) рассматриваются то как памятники общеславянской

⁷ «Die Literaturen der Welt in ihren mündlichen und schriftlichen Überlieferung». Hrsg. v. W. von Einsiedel. Zürich, 1964.

литературы на церковно-славянском языке⁸, то как памятники литературы древней Руси⁹, то как памятники древней украинской литературы, к которой Д. Чижевский относит, впрочем, и «Слово о полку Игореве».

В отличие от К. Вильчковского, В. Леттенбауэр (профессор славянской филологии в Мюнхене) отрицает непосредственную связь литературы древней Руси с национальной устной поэзией, считает, что литература древней Руси сложилась на византийской основе через посредство южных славян. Он намечает два периода в развитии древнерусской литературы: Киевская Русь и Московское государство. По его мнению, резкое отличие древнерусской литературы от новой состоит в том, что древнерусская литература основана на византийских образцах вплоть до произведений XVI в., в то время как новая русская литература создавалась по нормам современной ей западноевропейской литературы.

Несостоятельность этой «научной» концепции, давно оставленной передовой европейской наукой, не требует комментариев. Пренебрежительное отношение к культуре и литературе славянских народов, в их числе — и русского народа, нашли в ней яркое выражение.

Книга австрийского слависта И. Матла (профессор университета в г. Граце) «Европа и славяне» односторонне трактует взаимоотношения славян и западноевропейской культуры¹⁰. По мнению проф. И. Матла, все славянские народы (в их числе и русский) были только воспринимающей стороной. Уделив целиком вторую главу своей работы рассмотрению в славянских литературах повествовательных сюжетов, распространенных во всей Европе (Алек-

⁸ «Die Literaturen der Welt in ihren mündlichen und schriftlichen Überlieferung» (глава написана И. Ханом).

⁹ Там же, стр. 737 (глава написана В. Леттенбауэром).

¹⁰ J. Matl. Europa und die Slaven. Wiesbaden, 1964.

сандр Македонский, Римские деяния, Акир премудрый. Дигенис Акрит, Физиолог, рыцарские романы и так далее), И. Матл ни разу не обратил внимания на творческий характер обработок переводных произведений, на связь их с национальной традицией в каждой стране.

Между тем многие русские исследователи, начиная с А. Н. Пыпина, А. Н. Веселовского, А. Д. Григорьева, давно раскрыли процесс русификации переводных повестей, перенос действия в русскую бытовую обстановку, сближение с национальным эпосом и русской литературной традицией. Новейшая работа советских филологов показала, как своеобразно была обработана на Руси в XV в. так называемая «сербская» «Александрия»¹¹.

И. Матл не поставил даже вопроса об интересе западноевропейских писателей к славянским странам. Между тем хорошо известно, что славянская (в частности, и русская) тема в XVI—XVII вв. нашла отражение у западноевропейских писателей (Д. Флетчер, П. Флеминг, Лопе де Вега).

Вряд ли можно также соглашаться с мнением И. Матла, что крупнейшими знатоками культурно-исторических связей славян с Европой являются такие историки, как А. Тойнби, Ф. Хеер, А. Вебер и т. п. Никак не могут помочь решению задач научного исследования обширные цитаты из работ историков типа А. Тойнби или Ф. Альтгейма¹².

Антиславянская (в частности, и антирусская) тенденция звучит и у И. Матла, хотя и подспудно, но достаточно отчетливо. Поэтому вряд ли его книга будет содействовать «духовному сближению немцев и славян, выравнивая» и преодолевая существующие между ними противоречия

¹¹ Серия «Литературные памятники». «Александрия», роман об Александре Македонском по русской рукописи XV века. Издание подготовили М. Н. Ботвинник, Я. С. Лурье и О. В. Творогов. М.—Л., 1965.

¹² J. Matl. Europa und die Slaven, S. 159—160 и др.

и разделяющее их чувство недружелюбия», как он писал в своем предисловии.

Среди просмотренных мной историй всемирной литературы до некоторой степени исключением являются три главы о литературе древней Руси, написанные Ж. Люспани (профессор факультета литературы и гуманитарных наук в Бордо) для «Всеобщей истории литератур» под редакцией проф. Жоана, выпущенной парижским издательством Кийе. В первом томе этого труда помещена глава, охватывающая период от былин и начала письменности до конца XV в., во втором — две главы о русской литературе XVI и XVII вв.¹³ Помимо хорошего знания материала, эти главы обращают на себя внимание многочисленными разнообразными иллюстрациями (снимки рукописей, миниатюр, фресок, икон, произведений зодчества, шитья и т. п.), которые, несомненно, очень полезны западноевропейскому читателю для более отчетливого представления о культуре древней Руси.

Ж. Люспани начинает каждую из трех глав очерком истории древней Руси данного периода и, подобно советским исследователям, рассматривает литературу Киевской Руси как общее наследие русского, украинского и белорусского народов. Ж. Люспани знает исследования по истории и литературе древней Руси, излагает научные споры по отдельным проблемам (время создания «Слова о полку Игореве») и, желая дать непосредственное представление французскому читателю о древнерусской литературе, приводит цитаты из важнейших произведений.

Автор сумел в значительной степени выполнить первую задачу издания, сформулированную редактором, проф. П. Жоаном в предисловии, — проследить связи русской

¹³ «Histoire générale des littératures». Т. I—III. Paris, Quillet, 1961.

литературы XI—XVII вв. с породившей ее исторической действительностью. К сожалению, недостаточное внимание к истории классовой борьбы в древней Руси XVII в. помешало Ж. Люсиани раскрыть причины демократизации русской литературы этой поры и широкого развития в ней социальной сатиры.

В меньшей мере удалось Ж. Люсиани выполнить вторую задачу издания — показать, что древнерусская литература — страница в истории общечеловеческой культуры. Упоминания о хорошо известных на Западе операх на древнерусские сюжеты («Князь Игорь» Бородина, «Сказание о граде Китеже» Римского-Корсакова, «Борис Годунов» и «Хованщина» Мусоргского), конечно, — не решение вопроса.

Дело в том, что Ж. Люсиани не попытался соотнести развитие русской литературы XI—XVII вв. с развитием литературы других стран, показать их взаимодействие, не проследил преемственности в развитии литературы древней Руси и нового времени.

Но несмотря на эти очевидные просчеты и пробелы, три главы Ж. Люсиани в трехтомнике «Всеобщая история литератур» выгодно отличаются полнотой фактической информации от аналогичных глав в других книгах по истории мировой литературы.

Этот краткий и неполный обзор показывает, какие важные, нерешенные в зарубежных историях всемирной литературы, задачи стоят перед исследователями, которые стремятся включить русскую литературу XI—XVII вв. в контекст мирового литературного процесса.

В истории литератур славянских народов, у которых устное народное творчество продолжало жить наравне с литературой еще в первой четверти XX в., нельзя обойти проблему взаимоотношений фольклора и литературы. В русской литературе этот вопрос важен на протяжении

всего ее развития от Повести временных лет до Некрасова, Достоевского и советской поэзии.

Предстоит еще найти решение вопроса об общеславянском (отчасти и общеевропейском) фонде переводной литературы (Востока, античности, эллинизма, Византии) и показать, какое значение имела она в развитии отдельных национальных литератур.

При написании истории русской литературы XI—XVII вв. в составе истории всемирной литературы нельзя ограничиться изучением пышного и быстрого расцвета русской литературы в XI—XII вв., отбросив последующие четыре столетия как период застоя, и произвольно выделить затем из наследия XVII в. лишь житие Аввакума как единственное произведение, достойное внимания. Научная несостоятельность и антиисторизм такой попытки наглядно видны на примере рассмотренной выше работы К. Вильчковского¹⁴. Сопоставление этой работы с главами, написанными Ж. Люснани, показывает, насколько плодотворнее (при всех отдельных промахах) исторически не прерывающееся, хотя и сжатое, изложение литературного процесса по сравнению с обзором произвольно отобранных шедевров.

Ни в одной из проанализированных в этой статье глав из истории всемирной литературы русская литература XI—XVII вв. не была рассмотрена в ее взаимосвязях с другими литературами. А материал для этого накоплен, он ждет обобщения. Начиная с 1890-х годов и русские и зарубежные исследователи все чаще обращаются к вопросу об обратном воздействии древнерусской литературы на славянские. В XIII в. серб Доментиан по образцу «Слова о законе и благодати» митр. Илариона создал жития сербских святых Симеона и Саввы. В XV в. польский хро-

¹⁴ «Histoire des littératures». «Encyclopédie de la Pléiade». Т. II.

нист Ян Длугош изучал русский язык и читал древнерусские летописи. С другой стороны, известна плодотворная деятельность на Руси Пахомия Сербя, митр. Киприана, Максима Грека, братьев Лихудов.

На протяжении XI—XVII вв. русская литература оставалась средневековой литературой, хотя у нас и были известны некоторые произведения гуманистов. Но в течение этих семи столетий она продолжала интенсивно жить и эволюционировать по законам средневековой литературы¹⁵. В ее недрах вызревали идеи глубокого патриотизма, человечности и гражданственности, которые позднее ярко и полно выявились в творчестве писателей нового времени. В рукописных поэмах XVII в. были впервые сформулированы элементы учения о трех стилях, развитые в эпоху классицизма. С демократической рукописной сатирой и пародией XVII в. преемственно связаны сатира Кантемира, рукописная драматургия разночинных полупрофессиональных театров, журнальная проза Н. И. Новикова. Раскрытие этих преемственных связей — одна из важных задач современной советской науки о литературе.

¹⁵ Подробнее см.: Д. С. Л и х а ч е в. В чем суть различий между древней и новой литературой.— «Вопросы литературы», 1965, № 5, стр. 170—186.

КОНЦЕПЦИИ ИСТОРИИ
СЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУР
В РАБОТАХ ЗАРУБЕЖНЫХ ЛИТЕРАТУРОВЕДОВ

Необходимость критического рассмотрения концепций истории славянских литератур в их отношении к мировому литературному процессу вызывается многими обстоятельствами. Славянские литературы имели и имеют важное значение в развитии мировой литературы, что доказывается их многовековой историей. Их роль еще более возросла в наши дни. Между тем место и роль славянских литератур в мировом литературном процессе изучены еще недостаточно. Нередко этот вопрос освещался неправильно или грубо тенденциозно, что характерно в первую очередь для работ ученых Западной Германии, США, Англии, Дании. Причины этого заключаются не только в идейной направленности исследований, но нередко в простой неосведомленности их авторов во многих процессах и фактах истории славянских литератур. Научно объективное решение вопроса о месте и роли славянских литератур в мировом литературном процессе будет способствовать выяснению общих закономерностей мирового литературного процесса.

Славянские литературы — группа литератур, связанных между собой генетически-этническим происхождением народов, родством их языков и культурной общностью.

Это определило и известное сходство их литературного развития, корни которого уходят в народное творчество, имеющее у славян много общего в отражении народных воззрений, жанрах, сюжетах, типах героев, в образности и системе выразительных средств.

В течение многих веков западные и южные славяне находились под иноземным владычеством (Турции, Венгрии, Австрии), что наложило отпечаток на их духовную жизнь, культуру и искусство. Это сказалось, с одной стороны, в насильственном давлении господствующих классов этих стран на культуру и языки славянских народов, а с другой — в необходимости для этих народов отстаивать самостоятельность и самобытность своего языка и своей культуры (в том числе и литературы).

Особенности исторической судьбы славянских народов отразились и на подходе зарубежных ученых к изучению культуры, искусства и литературы славян. Так, славянские литературы в работах этих ученых редко рассматривались в связи с тем вкладом, какой они внесли в мировой литературный процесс. Развитие их объявлялось несамостоятельным, в историко-литературных работах о славянских литературах чаще всего говорилось лишь как об объекте влияния, и притом непременно «благотворного», западноевропейских литератур — французской, немецкой, английской и итальянской. С этим влиянием только и связывалось развитие в славянских литературах классицизма, сентиментализма, романтизма, реализма, натурализма, символизма и т. д. Уже в этом сказывается отрицание своеобразия славянских литератур.

В то же время в славянских странах, например в России, более объективно относились и к зарубежным литературам и к зарубежной науке о литературе. В России интерес ко всеобщей литературе был весьма велик. В русских университетах уже с 20-х годов XIX в. читались

курсы лекций с обзорами иностранных литератур. Зарубежные работы по истории всемирной литературы очень скоро после их выхода из печати переводились в России.

В 1832—1834 гг. в Москве вышел перевод книги Адриена Жарри де Манси «История древних и новых литератур, наук и изящных искусств». В 1836 г. в Петербурге был издан перевод книги Веклера «Руководство по всеобщей истории литературной культуры»; в 1843 г. на французском языке был выпущен «Очерк всеобщей литературы» Шарля Сент Илера. Но ни в одной из этих книг о славянских литературах не говорилось. Впервые славянские литературы были поставлены в ряд с западноевропейскими лишь в книге Иоганна Грессе «История литератур всех известных народов от древнейших до новейших времен», которая появилась в русском переводе в Петербурге в 1860 г.

При переводе ряда книг по истории всеобщей литературы русские ученые включали в них и славянский материал. Так, в переводившуюся много раз в России «Всеобщую литературу» Иоганна Шерра, где литературы механически ставились одна за другой и о славянских литературах говорилось очень кратко, были включены главы о славянских литературах, написанные К. И. Арабажиновым, П. И. Вейнбергом и П. О. Морозовым. Однако и в этих вставных главах славянские литературы освещались неполно и схематично. Внимание заслужили только русская, польская, чешская, сербская и хорватская литературы; болгарская, словацкая и словенская были обойдены.

В 1885 г. в Петербурге вышел перевод «Всеобщей истории литературы» Адольфа Штерна. В предисловии к нему говорилось, что эта книга, в отличие от книги Шерра, уже не собрание отдельных историй национальных литератур;

она «имеет задачей поставить развитие национальных литератур, преимущественно европейских, с точки зрения последовательного, и так сказать, параллельного развития их под влиянием главнейших культурных идей и начал, которыми характеризуется историческое движение вперед европейских народностей» (стр. 1—2). Однако и в этой книге славянские литературы представлены не были. Высказывалась лишь общая мысль, что они, как и другие литературы, прошли в своем развитии определенные фазы. В русском издании в книгу Штерна были введены главы о славянских литературах, написанные на основе книги Пыпина и Спасовича.

С 70-х годов XIX в. в западноевропейских странах появляется все больше работ, посвященных всеобщей литературе (работы Дьеркса, де Губернатиса, Харта, Поснета, Карпелеса, Летурно и др.). Книги Карпелеса и Летурно были переведены на русский язык¹. Во всех этих работах славянские литературы или обходились, или изложение их прерывалось на древнем периоде и дело не доходило до широкого освещения этих литератур. Не касается их и Летурно, хотя высказывает ряд важных положений о всеобщей истории литературы и критикует те труды, в которых авторы забывали, что «должно обнимать весь человеческий род от австралийца до наиболее цивилизованного европейца» (стр. 3).

В 1878 г. в Дрездене вышла книга Густава Дьеркса «Литературные таблицы»². В ее восьми синхронистических таблицах сопоставляются литературы разных стран. В послед-

¹ Г. Карпелес. Всеобщая история литературы от начала до настоящего времени. Одесса, 1900; Ш. Летурно. Литературное развитие различных племен и народов. СПб., 1895.

² G. Dierks. Literatur-Tafeln. Synchronistische Darstellung der Weltliteratur in ihren hervorragenden Vortreten. Dresden, 1878.

ней графе каждой таблицы указываются основные даты мировой истории данного периода. Для сопоставления избраны три эпохи: античность, средние века и новое время (до середины XIX в.). Славянские литературы появляются в таблицах только с нового времени, то, что было создано в этих литературах ранее, не учитывается. Кроме литературы, в таблицы введены наука и философия. В предисловии Дьеркс говорит, что ставит своей целью сопоставить литературы и литературные течения. В восьмой таблице центром сопоставления служит романтическая школа. Творчество писателей характеризуется путем указания разрабатываемых ими родов и жанров литературы: проза, поэзия, драма; далее — роман, новелла, баллада, поэма. Из славянских литератур в особые графы выделены русская и польская, а затем под рубрикой «малые литературы» идут сербская, чешская, словацкая. Прочие славянские литературы не упоминаются. Автор таблиц в основном верно определяет характер творчества писателей. Этого нельзя сказать о двухтомной «Истории иностранных литератур» (Лейпциг, 1898) Отто Лейкснера³. Положительно в ней то, что изложению литературы автор предпосылает характеристику народного творчества славян. Но в книге есть путаница фактов, видно слабое знакомство с материалом. Так, Краледворскую рукопись Лейкснер все еще считает оригинальным произведением чешской народной поэзии и восхваляет Ганку за ее открытие.

В XX в. на изучении славянских литератур в зарубежных странах сказываются характерные для этого времени явления: с одной стороны, общий прогресс науки, а с другой — усиление реакционности буржуазной идеологии, усиление национализма и возникновение расистских теорий,

³ O. Leixner. Geschichte der fremden Literaturen. Bd. I—II, Leipzig, 1898.

что особенно сказалось в Германии в связи с развитием империализма.

Появляющиеся с начала XX в. работы, с одной стороны, более широки по концепции и более обстоятельны в освещении фактов истории славянских литератур, а с другой стороны — явно их принижают по сравнению с немецкой. Это свойственно, например, появившейся в 1910 г. в Лейпциге двухтомной «Всеобщей истории литературы» Отто Хаузера⁴.

Заявив, что «раса в жизни народов является важнейшим фактором» (стр. VI), автор построил свою книгу по группам литератур родственных языков. Особо выделены и славянские литературы, хотя к их кругу автор относит румынскую и балтийские литературы.

В книге есть серьезные фактические ошибки. Славянские литературы не показаны в их взаимных связях с мировой литературой.

В 1910 г. в Лейпциге вышла книга К. Буссе⁵, которая тотчас же была переведена в России и с дополнениями Ф. А. Брауна и Ф. Ф. Зелинского издана в Петербурге в трех томах под названием «История мировой литературы». Книга заканчивалась веком Просвещения. Истории славянских литератур в развернутом виде в ней не было. В ее строении смешаны деления по литературам и по эпохам. Во втором томе немецкого издания одна из глав посвящена славянским литературам: русской, польской и чешской. В конце обзора неожиданно появляется раздел «Народные песни сербов». Самобытные черты славянских литератур не раскрыты; эти литературы рассматриваются главным

⁴ O. Hauser. Weltgeschichte der Literatur. Bd. I—II. Leipzig und Wien, 1910.

⁵ K. Busse. Geschichte der Weltliteratur. Bd. I—II. Leipzig, 1910.

образом по отношению к немецкой, причем, по мнению Буссе, они даже не могут творчески усвоить опыт немецкой литературы. Если для романских литератур соприкосновение с немецкой — счастье, жизнь, то для славянских — несчастье, смерть.

В книге Адольфа Бартеля «Введение в мировую литературу»⁶ из 2620 страниц текста трех томов славянским литературам отведено лишь 26. Причем и здесь эти литературы освещены главным образом с точки зрения восприятия ими немецкого и французского влияния. Русская литература, по мнению автора, начинается только после реформ Петра и лишь продолжает то, что возникает в европейских литературах.

В издании, посвященном характеристике периодов европейской литературы, вышедшем под редакцией проф. Сенсбери⁷, десятый том посвящен «Романтическому движению». В нем 15 страниц отведено славянским литературам. В польской литературе на первый план выдвинуты французское влияние и национализм; в русской — к романтизму отнесены Державин, Фонвизин, Озеров и Карамзин.

В начале XX в. вышли работы Баумгартена, Моультона и Мейера⁸, а также книга П. Виглера⁹, которая переиздавалась много раз. П. Виглер говорит о русской, чешской и польской литературах и совсем коротко о южнославянских, однако и у него славянские литературы освещаются со многими важными пропусками.

В период между двумя войнами появился ряд трудов по

⁶ A. Bartels. Einführung in die Weltliteratur. Bd. I—III. München, 1913.

⁷ «Periods of European literature». Ed. by prof. Saintsbury. V. X. «The romantic revolt». New York, 1907.

⁸ A. Baumgarten. Geschichte der Weltliteratur. Bd. I—III. Freiburg, 1901—1911; K. Moulton. World Literature. London, 1911; R. M. Meyer. Die Weltliteratur im 20. Jahrhundert. Stuttgart, 1913.

⁹ P. Wiegler. Geschichte der Weltliteratur. Berlin, 1914.

истории всемирной литературы. Славянские литературы по-прежнему представлены в них неудовлетворительно. Показательным примером может быть книга Эд. Энгеля «Что остается? Мировая литература» (Лейпциг, 1928). Автор с пренебрежением относится к славянским литературам, не видит в них ничего ценного, что останется для будущего¹⁰.

В книге Дж. Мэси¹¹ мировая литература разделяется на четыре периода: древность, средние века, новая литература (до XIX в.), XIX век и современность. В четвертой части характеризуется русская литература XIX в., взятая отдельно от других славянских литератур. В главе высоко оценивается русский роман и вообще русское искусство, даны портреты Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева, Достоевского, Толстого, Чехова, Горького, Андреева, Куприна, Короленко, Арцыбашева.

После второй мировой войны за рубежом вышло немало книг по всеобщей истории литературы, их можно разделить по интересующему нас вопросу на три группы: труды, в которых вообще не упоминаются славянские литературы (книги Сегюра и Риско)¹²; обзоры, в которых о славянских литературах говорится бегло и невразумительно (книги Клубунда и Коэна)¹³, работы, в которых славянские литературы представлены по существу только русской литературой (книги Эделя и Фридриха)¹⁴.

¹⁰ E. Engel. Was bleibt? Die Weltliteratur. Leipzig, 1928.

¹¹ J. Macy. The Story of the World's Literature. New York, 1925.

¹² N. Segur. Histoire de la littérature européenne. Paris, 1950; A. Risco. Historia de la literatura española y universal. Madrid, 1956.

¹³ Klubund (A. Henschke). Geschichte der Weltliteratur. Leipzig, 1929; J. M. Cohen. A History of Western Literature. London, 1961.

¹⁴ L. Edel. The Psychological Novel. 1900—1950. New York,

В книге Клабунда о славянских литературах говорится лишь в порядке упоминания. Так, из словенских писателей названы Прешерн, Стрипар, Грегорчич, но творчество их не охарактеризовано. Коэн прилагает к книге синхронистические таблицы с 1100 г. до 1950 г. Есть в них упоминания и о фактах из истории славянских литератур, в самом же тексте книги русской литературе отведено 13 страниц, польской — всего полстраницы, на которых сказано о западном влиянии на творчество Словацкого, Красицкого, Мицкевича. В романтизм зачислены Фонвизин, Державин, Крылов.

Эдель и Фридерих говорят о русской литературе лишь очень бегло, допуская курьезные неточности (так, драматическая трилогия А. К. Толстого названа трилогией исторических романов).

Бедна в освещении славянских литератур и книга А. Николл «Мировая драма»¹⁵. Весьма неясно представлено в этой книге развитие русского реализма: Грибоедов и Гоголь отнесены к «романтическому театру», творчество Островского и Тургенева — к началу развития реализма. Что касается расцвета реализма, то он связан лишь с творчеством Ибсена. Нарушается историческая последовательность изложения материала: Озеров поставлен после Пушкина и Лермонтова. Кроме русских писателей, здесь упомянуты польские (Кохановский и Словацкий) и сербский (Йовап Стерия Попович). Комедия последнего «Лаж и Паралажа» («Враль и Подвирало») охарактеризована довольно подробно: отмечено ее сходство с русскими пьесами в изображении героев и социальной среды.

Невниманием к славянским литературам отмечена и

1955; W. P. Friederich. (col. of D. Malone). Outline of Comparative Literature... Chapel Hill, 1954.

¹⁵ A. Nicoll. World Drama. London, 1951.

книга Дж. Дринкуотера «Очерк литературы»¹⁶. Автор стремится дать общее представление о жизни литературы в исторической перспективе, пытается систематизировать и перподизировать материал от зарождения литературы до современности. Из 39 глав только половина одной отведена русской литературе (6 страниц из 958), польская литература представлена 17 строками, других славянских литератур для автора будто бы не существует, хотя он пытается вести речь о мировом литературном процессе.

Примером полного отсутствия историзма в освещении славянских литератур, не говоря уже о многочисленных фактических ошибках, может быть книга Г. Трюка «Иллюстрированная история литератур»¹⁷. Охватывая литературы с древнейших времен до наших дней, она, понятно, могла дать лишь самую беглую их картину. Но дело не в схематичности изложения, а в отсутствии в нем логики и в явном незнании фактов (Перун назван Перкусом, Жуковский — Суровским; роман Достоевского «Униженные и оскорбленные» имеет в скобках пояснение «Бедные люди»). Славянские литературы начинаются с раздела «Славянские эпосы», которому отведено полстраницы. Тут названы два цикла русских былин: киевский и новгородский. Особая группа эпосов — историческая (очевидно, имеются в виду исторические песни) — определяется так: «...говорит о Москве и князе Владимире» (стр. 43). Главный же недостаток — неверное толкование творчества писателей, произвольное построение книги. Так, например, после русского романтизма, куда отнесен Пушкин, идет португальский романтизм, а затем уже югославский (Прешерн) и чешский (Коллар).

¹⁶ J. Drinkwater. The Outline of Literature. London, 1950.

¹⁷ G. Truc. Histoire illustrée des littératures. Paris, 1952.

Творчество Тургенева рассматривается после творчества Толстого и Достоевского, а затем творчество Гоголя. Русский роман оценивается очень высоко. Говоря о великих русских романистах Толстом и Достоевском, о «величии русского романа», Г. Трюк главным в нем считает выражение «русской души» (стр. 181).

Испанская книга по истории всеобщей литературы Лео́на Санса и Елены Вильямана¹⁸, изданная в Малаге в 1956 г., рассматривает национальные литературы, начиная с восточных и античных. Из 41 лекции славянским литературам посвящены две с половиной — всего 17 страниц. Есть общий обзор «Славянские литературы», где на трех страницах написано о югославской, чешской и словацкой литературах, отдельно выделена польская литература. Книга по существу завершается периодом романтизма, поэтому и о русской литературе сказано только в связи с романтизмом, хотя автор касается творчества Тургенева, Достоевского и Толстого. При ряде верных положений книги (упоминание о связи русской литературы с народным творчеством; указание на Отечественную войну 1812 г. и восстание декабристов как на факторы, обусловившие подъем литературы в 20-е годы XIX в.) в ней есть и немало противоречий. Так, с одной стороны, говорится о замкнутости русской литературы, а с другой — о влиянии на нее украинской, польской, латинской и болгарской литератур.

Совершенно неудовлетворителен раздел о польской литературе. Тут и фактические ошибки (так, имя Болеслав принято за фамилию, а Прус — за имя), и фальсифицирующая действительный процесс концепция ее развития. Утверждается, например, что расцвет польской литературы начинается с 1918 г.

¹⁸ L. Sanzy, E. Villamana. *História de la literatura universal*. Málaga, 1956.

В книге Э. Лаатса «История мировой литературы»¹⁹ из 800 страниц славянским литературам уделено 8. В изложении дооктябрьской литературы выделен Блок.

В работе «Всеобщая история литературы», часть которой, посвященная реализму и натурализму, вышла в Стокгольме в 1962 г.²⁰, раздел «Славянский реализм» (около 50 страниц) написан проф. Стендер-Петерсеном. Это довольно беглый обзор, начинающийся общими замечаниями о романтизме и реализме в славянских литературах, за которыми следует рассмотрение польской литературы, затем русской и чешской. Материал представлен отрывочно: в главе о польской литературе после Яна Кохановского сразу идут Прус, Ожешко, Сенкевич, Запольская; в изложении нет никакой системы.

Более серьезными трудами следует признать «Иллюстрированную историю мировой литературы» Э. фон Тунка, «Литературы мира» Дж. Прампolini и «Всеобщую историю литератур» под редакцией П. Жуана.

Понимая свою задачу как изложение истории литературы «всех времен и народов»²¹, Э. фон Тунк пытается построить синхронизованную картину литературного развития. В центр он ставит европейские литературы, считая главной из них немецкую. Непоследовательно строение книги: разделы о периодах чередуются с разделами о течениях, жанрах, странах, писателях.

В первом томе славянские литературы почти не упоминаются. Лишь о Яне Гусе сказано как о деятеле протестантского движения, который стремился писать по-чеш-

¹⁹ E. Laaths. Knaurs Geschichte der Weltliteratur. München, 1953.

²⁰ «Allmänna literatur historia». Stockholm, Bonnier, 1962.

²¹ E. von Tunk. Illustrierte Weltliteratur-Geschichte. Bd. I. Zürich, 1954, S. 11.

ски, способствуя этим развитию литературных языков славянских народов.

В главе «Народы европейского Востока» отмечено византийское влияние на славянские литературы, кратко сказано о чехах, поляках, южных славянах и русских.

В третьем томе некоторые явления славянских литератур получают высокую оценку. Пушкин и Мицкевич названы двумя новыми звездами; о русских реалистах говорится как о великих писателях. Но в разделах, посвященных XX в., характеристика славянских литератур, данная Э. фон Тунком, явно неудовлетворительна.

В книге Дж. Прампolini²² по старому обычаю идут одна литература за другой. В каждой главе о национальной литературе читатель снова возвращается к древнейшим временам; 82-я глава о русской литературе, а в 87-й неожиданно соединены советская и североамериканская литературы. Следует отметить страницы о болгарской и сербской литературах. Здесь показана связь литературы с фольклором, отмечена роль идеи национально-освободительной борьбы в развитии литератур, прежде всего — для становления романтизма. В целом же славянские литературы рассматриваются разрозненно. В книге нет единой концепции.

Великолепно иллюстрированная «Всеобщая история литератур» под редакцией проф. Жоана²³ уделяет славянским литературам больше внимания, нежели другие работы. В 10-й главе первого тома освещаются русская, польская, чешская и южнославянские литературы в древний период; во втором томе славянские литературы рассматриваются в трех главах: XV—XVI вв., XVII—XVIII вв. и первая половина XIX в.

²² G. Prampolini. *Le letterature del mondo*. Torino, 1956.

²³ «Histoire générale des littératures». T. I—III. Paris, Quillet, 1961.

В книге есть определенная объективность изложения, стремление установить общие и своеобразные черты славянских литератур.

Так, в первом томе показаны связи между древними славянскими литературами, развитие литератур объяснено условиями феодализма и принятием христианства, верно охарактеризованы русские былины, значение деятельности Яна Гуса, глаголическая хорватская письменность; во втором томе уделено внимание русской сатирической литературе XVII в. Приведен богатый материал об украинской и польской литературах, говорится о «гоголевском» периоде русской литературы, о романтизме в славянских странах, о его связи с национальным возрождением. В третьем томе история литературы дана в связи с историческими событиями, характеризуется гражданская поэзия и поэзия «чистого искусства», верно оценены чешские маевцы и борьба старой и молодой Словении. Авторы пытаются определить национальные особенности и крупнейшие достижения славянских литератур.

Среди существенных недостатков книги можно отметить недооценку некоторых явлений древних литератур. Так, сербский эпос определен как подражание «Песне о Роланде»²⁴, автор раздела прямо сопоставляет князя Лазаря и Шарлеманя, Милоша и Роланда, Вука и Ганелона. Во втором и третьем томах авторы глав нередко оперируют неисторическим понятием «поколение писателей», видя в этом основу общности их творчества (поколение 1860 г. в русской литературе, поколение 90-х годов XIX в. и 1914 г. в чешской). В третьем томе нет ясных исторических критериев периодизации.

Буржуазная наука, несомненно, имеет некоторые результаты в изучении славянских литератур. Лучшие уче-

²⁴ «Histoire générale des littératures». Т. I, p. 335.

ные стремятся осознать место и роль славянских литератур в мировой литературе, рассматривают сходство и различия в развитии славянских и других литератур. Однако методологически рассмотренные работы весьма уязвимы.

Прежде всего мы не видим в них четкости в самом понятии «всемирная литература». Они не раскрывают отношений славянских литератур между собою и к другим литературам, не показывают их вклад в мировую художественную культуру.

Недооценка роли славянских литератур в мировой литературе не преодолена. Она сказывается и в неоправданных пропорциях в распределении материала и в трактовке многих конкретных явлений. Она проявляется и в том, что эти работы, как правило, не учитывают серьезных накоплений, сделанных в изучении славянских литератур марксистской наукой.

КОНЦЕПЦИИ РЕАЛИЗМА И ЛИТЕРАТУРА XVIII ВЕКА

Проблема реализма — одна из центральных в концепции всемирной литературы. Характеризуя пути развития методов, направлений и стилей в национальных литературах, отдавая должное усилиям выдающихся мастеров слова, использовавших различные средства художественного выражения, советские литературоведы, работающие над «Историей всемирной литературы», внимательно прослеживают процессы, связанные с разными этапами реализма. Процессы эти протекают в литературе сложно, и в истолковании их в нашей науке не раз возникали спорные точки зрения.

На дискуссии о реализме, состоявшейся в Москве в 1957 г., был поставлен вопрос о хронологических границах возникновения и формирования реализма. Некоторые историки литературы продолжали настаивать на том, что реализм — это открытие XIX в. Другие исследователи начинали историю реализма с Шекспира и Сервантеса, третьи — с античности и, наконец, четвертые полемически подчеркивали реалистический характер древнейших наскальных изображений в пещерах, тем самым утверждая, что реализм — это черта, которая присуща искусству на всех этапах его развития с момента возникновения образного мышления человека.

Решение этого спора — в признании эволюции реализма, в точной характеристике разных его исторических этапов.

Конечно, такого реализма, каким отмечена проза Стендаля или Толстого, до XIX в. не было. Но реализм исторически изменялся, и на более ранних этапах (например, у Шекспира или Фильдинга) он имел другое качество, обладал такими чертами, которые позднее были утрачены.

В связи с проблемой реализма в мировой литературе большой интерес вызывает литературная эпоха, связанная с идеями Просвещения.

Просвещение — идеология, а не литературное направление; более того, просветительские идеи нашли выражение в творчестве писателей, принадлежавших к разным направлениям (классицизм, сентиментализм). Вместе с тем просветительский этап в развитии мировой литературы отмечен известным единством художественного выражения. Это единство строится на общности идейных задач, связанных с осуждением устаревших феодальных порядков и утверждением новых общественных принципов и новой морали, выдвинутых в ходе формирования буржуазного общества, а также на общности философско-эстетических тенденций (признание активной воспитательной роли искусства, требование жизненной правды, интерес к героям — рупорам идей автора).

Поэтому можно говорить о новом качестве реализма, характерном для просветительского этапа. Просветительский реализм существенно отличается и от более раннего — ренессансного, и более позднего — критического.

Хотя самое понятие Просвещения давно принято в литературной науке и теоретики разных школ пользуются этим термином, как устоявшимся и традиционным, однако наследие мыслителей и писателей XVIII в. остается предметом острой борьбы на протяжении полутора веков.

Как известно, пересмотр идей XVIII в. был начат сразу же после Французской революции, прежде всего романтиками. На протяжении XIX в. было создано немало легенд вокруг имен просветителей, типа легенды о Лессинге, которую разоблачил Ф. Меринг. Открытая борьба реакции (от Ж. де Местра до декадентов) против передовых идей Просвещения сочеталась с усилиями буржуазных либералов приспособить эти идеи к очередным задачам буржуазного общества.

В наше время эта картина идейной борьбы вокруг наследия эпохи Просвещения усложнилась. Эпоха стремительных перемен, раскола мира на два лагеря действительно поставила человечество перед такими сложными проблемами, для решения которых просветительская идеология XVIII в., казалось, уже бессильна что-либо подсказать. В буржуазной идеологии послевоенных лет стала господствующей мысль о кризисе сознания. В этом плане, например, современные экзистенциализм или неотоцизм полемически противостоят вере просветителей в прогресс. Для К. Ясперса «время культа Гете миновало», и Гете, по его мнению, не в состоянии помочь современному человеку дать ответы на загадки бытия¹.

Этому смятению и растерянности перед переменами марксисты противопоставляют научно-обоснованное представление о кризисе капитализма и начале новой эры — эры социализма. Но это ясное и точное осмысление исторического рубежа и переворота отнюдь не означает отказа от культуры прошлого. Наоборот, в резком отличии от Ясперса Бехер провозгласил: «Вперед, к Гете, вперед, вместе с Гете!»² Эти две точки зрения полярно противостоят одна другой.

¹ K. Jaspers. Unsere Zukunft und Goethe. Zürich, 1948, S. 34.

² И. Бехер. В защиту поэзии. М., 1959, стр. 120.

Разумеется, далеко не все ученые на Западе следуют модным теориям экзистенциализма или прагматизма. В академической литературной науке Западной Европы и Америки наблюдается гораздо более сложная картина. Характер оценки литературного наследия разных эпох, в том числе XVIII в., складывается при этом самый различный. Многие ученые, стремящиеся к добросовестному рассмотрению историко-литературных фактов, в своем анализе больших литературных процессов нередко остаются эмпириками, избегая теоретических обобщений, эклектически соединяя обрывки разных концепций. Этот эмпиризм особенно ясно обнаруживает свою несостоятельность, когда он связан с изучением такой боевой эпохи, как XVIII в.

Литература XVIII в. отличалась активным характером, она открыто служила целям изменения тогдашнего феодального мира.

В эстетической мысли настойчиво подчеркивались воспитательные цели художественного творчества. И своеобразие реализма Просвещения может быть изучено только в органической связи с этими общественными и политическими задачами.

В трудах западных ученых, посвященных всемирной литературе, XVIII век занимает значительное место, ибо, конечно, нельзя скороговоркой пробежать период, прославленный столь великими именами. Однако в этих книгах мы не находим четкого определения просветительского этапа истории литературы. Во многих работах этот период искусственно разорван и оказывается, с одной стороны, концом классицизма, неким привеском к XVII в., а с другой — преддверием романтизма, прологом к XIX столетию. Это прежде всего объясняется невниманием и к самой идеологии Просвещения и к эстетическим открытиям XVIII в., связанным с просветительским реализмом. Именно реализм, его специфика — как эпохальная, так и нацио-

пальная — остаются вне поля зрения исследователей. Нельзя сказать при этом, что авторы историй всемирной литературы активно выступают против традиции реализма или как-то грубо фальсифицируют его историю, что они умалчивают о заслугах многих писателей в развитии реализма.

Так, Д. Коэн пишет о Дидро: «Он... отстаивал новую форму трагикомедии с реалистическим сюжетом и характерами, которые должны быть представлены не просто как индивидуальности, а скорее как лица, занимающие определенное место на социальной лестнице»³.

В книге П. Ван Тигема термины «реализм» и «реалистический» часто появляются при анализе европейского романа XVIII в. При характеристике романов Дефо говорится о «реалистической смелости, о точности изображения детали». Отмечается, что Мариво в романах «Жизнь Марианны» и «Разбогатевший крестьянин» сочетал наблюдение нравов и характеров в повседневной жизни с реализмом, при этом добивался очень тонкого анализа чувств. Справедливо также Фильдинг назван «первым мастером реалистического романа»⁴.

Э. фон Тунк⁵ нередко говорит о близости к жизни, о верности характеров (например, у Лессинга, у Ленца), но не связывает эти успехи с историей реализма. Два смежных раздела Э. фон Тунк озаглавил: «Век французской классики» и «На пути в Веймар». Разумеется, проблема классицизма в литературе XVIII в. является одной из самых важных. Однако нельзя видеть суть литературного

³ J. Cohen. A History of Western Literature. London, 1956, p. 215—216.

⁴ P. van Tieghem. Histoire littéraire de l'Europe et de l'Amérique de la Renaissance à nos jours. Paris, 1946, p. 126—128.

⁵ E. von Tunk. Illustrierte Weltliteratur-Geschichte. Zürich, 1954—1955, Bd. II.

процесса лишь в окончании гегемонии Франции и развитии самостоятельной концепции классицизма (хотя эта мысль сама по себе интересна). Выпадает все же главное — специфика Просвещения. Не показана борьба за новое понимание правды в искусстве. Кстати, и само французское влияние в XVIII в. было шире и многообразнее. Оно связано не только с классицизмом, но и с эстетикой и творчеством Дидро и Руссо.

Аналогичная тенденция дает о себе знать и в «Иллюстрированной истории литературы» Г. Трюка. В истории европейской драмы он, как и фон Тунк, проходит мимо тех важных завоеваний на путях развития реализма, которыми отмечен XVIII в. Этому веку посвящено полторы страницы в главе «Классицизм во французской драме», где речь идет о «конце классицизма» и лишь в последнем абзаце перечислены пьесы Мариво, Лесажа, Седана, Дидро и Бомарше. Этот перечень нужен автору, чтобы закончить его словами: «Время величия прошло»⁶.

Правда, в другом разделе («Критика») отмечаются, например, заслуги Лессинга: «Лессинг требует от театра простоты, естественности, наконец, самой жизни»⁷. Но и здесь автора не заинтересовала органическая связь эстетики Лессинга с художественной практикой эпохи (произведения Гете и Шиллера почему-то целиком включены в следующий раздел: «Романтический театр»). Между классицизмом и романтизмом в книге Трюка как-то затерялись борьба просветителей за реалистический театр, заслуги Дидро, Бомарше, Гольдони, писателей «бури и натиска». Дело в том, что Г. Трюк рассматривает историко-литературный процесс строго по видам и родам. От-

⁶ G. T r u c. Histoire illustrée des littératures. Paris, 1952, p. 83.

⁷ Там же, стр. 232.

дельные разделы посвящены лирике, драматургии, роману, красноречию, критике, литературе дидактической, особо историкам, моралистам и знаменитым авторам эпистолярного жанра. (В каждом разделе материал исследуется от античности до XX в.)

Понятия «реализм» и «реалистический» чаще всего появляются в тексте раздела VI («Повествовательная литература. История романа»). Глава «Современный роман» начинается характеристикой двух романов: «Принцесса Клевская» и «Опасные связи». На отдельных примерах прослеживаются разные подходы к изображению жизни. Поставив целью дифференцировать книги по жанровому принципу, автор как бы разносит их по разным рубрикам: отдельно рассматривается «роман нравов», «роман философский», «роман любовный» (в эту рубрику попадают и «Мапон Леско» и «Новая Элоиза»). В кратком обзоре автор иногда ограничивается короткими эпитетами: роман Стерна — «юмористический», роман Фильдинга — «популярный», и т. д. Это один из примеров того, как формально-жанровый подход мешает автору представить цельную картину развития литературы в тот или иной период. Термин «реалистический» является в этом случае синонимом слова «жизненный» или «демократический» (по материалу) — речь идет чаще всего не о методе художественного изображения, а о характере сюжета и героев.

Во «Всеобщей истории литератур» под редакцией Пьера Жюана (1961) в анализе художественных явлений XVIII в. также не раз ставится вопрос о реализме и даже говорится о некоторых тенденциях его развития, например отмечается новое качество метода Фильдинга в сравнении со Скарроном и Лесажем⁸. При рассмотрении основных черт французской литературы после 1715 г. (дата

⁸ «Histoire générale des littératures». Т. II. Paris, Quillet, 1961, p. 317.

смерти Людовика XIV) особо выделен, наряду с «духом критическим» и «духом научным», «дух реалистический». Однако это понятие автор по существу трактует не как эстетическое, а скорее как социальное качество: «реалистический дух или скорее дух буржуазного реализма», законченным типом которого он считает Жиль Бласа, героя романа Лесажа (т. е. речь идет не о художественном методе писателя, а о трезвом — «реалистическом» — взгляде на жизнь его героя). Таким образом, и в этой, одной из наиболее серьезных работ по истории всеобщей литературы, вопрос о судьбах реализма не привлек внимания авторов и редактора. Трехтомнику предпослано краткое, но весьма концентрированное по мысли введение, написанное П. Жоаном. Здесь ставятся (или же перечисляются) многие важные вопросы: о сюжетах и жанрах, о связях, объединяющих отдельные литературные явления в идейные движения, об отношениях между национальными литературами, о социальной почве, на которой действуют авторы и публика, об искренности писателей, о разном восприятии явлений литературы современниками и потомками, а также и многие другие очень интересные и важные моменты. Их следует иметь в виду авторам истории всемирной литературы. Однако процессы формирования и развития реализма не нашли в этом перечне заслуженного места.

Наиболее интересная попытка представить реализм XVIII в. в движении дана в английском разделе книги Дринкуотера. В этом разделе нет вводной главы, в которой ставились бы общие проблемы историко-литературного процесса XVIII в. Но из отдельных глав складывается довольно ясная картина развития реализма в английской литературе. Показано значение публицистики Стиля и Аддисона, которые придали очерку социальную остроту, сделали его содержанием повседневную жизнь. Значение

Дефо определяется в книге Дринкуотера его стремлением к точности в изображении факта, мастерством создания иллюзии действительной жизни. Исследователю ясно, что здесь речь идет не о наивном воспроизведении реальных событий, а именно о методе писателя, его умении «выдумывать правду», умении создавать характеры героев, действующих и разговаривающих, как в жизни. «Робинзон Крузо» рассматривается как ранний опыт реалистического искусства, а «Мемуары кавалера» — как форма исторического романа, предвосхищающая В. Скотта и А. Дюма (особенно в том, как в романе объединяются реальные исторические и вымышленные герои)⁹.

В следующей главе говорится о Ричардсоне и его эпистолярная форма сопоставляется с «биографическим методом Дефо». Более того, Ричардсон как прозаик соотносится с французскими романистами начала XVIII в. Лесажем и Прево, подчеркивается его роль как создателя английского романа. Следующий этап в эволюции романа как жанра автор связывает с деятельностью Фильдинга. Значение Фильдинга при этом определено ясно: «Фильдинг был реалист». Далее приводится высказывание Хэзлита о нем: «Как художник реальной жизни он был равен Хогарту; а в своих наблюдениях над человеческой природой он стоял немногим ниже Шекспира». Именно как реалистическое произведение роман «Том Джонс» назван одним из величайших романов в литературе английского языка.

Важно также и то, что в этом разделе большая глава посвящена Р. Бернсу.

Характерно, однако, что при рассмотрении неанглийского материала Дринкуотер не делает таких попыток.

⁹ J. Drinkwater. The Outline of Literature. London, 1950, p. 316.

И дело не только в том, что, как и в ряде других работ, материал своей национальной литературы разобран более обстоятельно, чем иноземный. У Дринкуотера отсутствует концепция литературного процесса в XVIII в., не раскрыты общие исторически обусловленные тенденции в разных национальных литературах. Даже сопоставление с Лесажем и Прево в английском разделе остается частным примером. О реализме во французском, итальянском, немецком Просвещении мы не узнаем ничего существенного, остается без объяснения, были ли «Том Джонс» Фильдинга исключением в XVIII в. или это художественное открытие как-то вписывается в общую картину европейской литературы.

Ряд теоретических проблем, в том числе вопрос о месте реализма в общем процессе развития мировой литературы, поставил в своей работе «Введение в мировую литературу» Альбер Герар (Нью-Йорк, 1940). При всей эклектичности подхода к явлениям искусства, идеалистическом истолковании тех или иных эстетических понятий, автор делает много интересных наблюдений, пытается наметить некоторые ориентиры для того, чтобы как-то разобраться в огромном наследии всемирной литературы. Эти ориентиры спорны, условны, но каждый из них заслуживает внимания. В частности, Герар пишет о «тенденциях, жанрах и периодах» как понятиях, на основе которых возможно изучение всемирной литературы.

Главными «тенденциями» он считает классицизм, романтизм, реализм и символизм. Но эти «тенденции» он рассматривает антиисторично как некие постоянные компоненты литературного процесса.

Целая глава посвящена сопоставлению реализма и символизма как двух противоположных, по его мнению, тенденций в литературе. Нетрудно убедиться, что реализм он сближает с натурализмом. Камнем преткновения в по-

нимании реализма становится для него проблема типического. Приравнивая реализм к фактографическому изображению, Герар стремится доказать, что на этом пути художник неизбежно оказывается в тупике: или он изображает случайное, не поднимаясь до обобщения, или вынужден прибегнуть к символу и тем самым отказаться от реализма. «Чистый реализм, — пишет Герар, — самая не-реалистическая абстракция. Ничего нет глупее отдельного факта: чистого факта, самого по себе, не существует ни в литературе, ни в науке»¹⁰.

В отличие от реализма, который, по мысли Герара, имеет дело только с чистыми фактами, символизм интересуется тем, что означают эти факты. Автор приводит имена Данте, Мильтона, Гете (как автора «Фауста»). Все они занимались, по его словам, не описанием каких-то фактов, а вкладывали в свои творения нечто большее. Ценность этих художественных произведений лежит за пределами факта, значение их выходит за рамки собственно литературные. Герар ссылается на Данте, который говорил о четырех значениях своего труда: литературном, аллегорическом, моральном и аналогическом.

Так, многозначность образов, богатство смысловых ассоциаций, многогранность изображения жизни автор связывает прежде всего с понятием символизма. Он не хочет замечать, что реалистический образ отнюдь не является механическим слепком с того или иного частного факта жизни. Это именно образ в том диалектическом смысле, как его понимал Гегель, т. е. единство всеобщего и единичного. Воплощая характерное в действительности, отображая общественные тенденции своего времени, обобщая жизненный опыт своего создателя, реалистический

¹⁰ A. Guérard. Preface to World Literature. New York, 1940, p. 169.

образ вместе с тем остается конкретным, глубоко индивидуальным, чего нельзя сказать о символе, в котором это единство нарушено и общее превалирует над единичным.

В конечном счете Герар приходит к довольно эклектическим выводам: «Подобно классицизму и романтизму, реализм и символизм не исключают взаимно друг друга и тем более не являются антагонистическими. Это — два аспекта неразделимого целого. Для любого произведения искусства невозможно не быть одновременно реалистическим и символистским; и величайшее искусство состоит в том, чтобы одновременно быть и самым реалистическим и наиболее символичным»¹¹.

Вместе с тем автор допускает возможность конфликта, острого противоречия между тенденциями к символизму и к реализму. И когда он переходит к конкретным явлениям, то вынужден, вопреки собственной концепции, частично признать историческое значение реализма. Например, ссылаясь на художественный опыт XVII—XVIII вв., Герар говорит об элементах символизма в классицизме (он имеет в виду односторонность образов, абстрагирование тех или иных черт героя) и начавшейся реакции против рационализма классицистических произведений. «Нельзя отрицать, — соглашается Герар, — что в XVIII столетии вспыхнул бунт против абстрактного стиля и началась борьба за более точное, графическое, реалистическое изображение»¹².

Оказывается, что реализму не всегда следует сочетаться с символизмом, признается, что в эпоху Просвещения реализм сыграл некую конструктивную роль в процессе преодоления устаревших эстетических норм.

В принципе Герар не отрицал возможности разного

¹¹ A. Guérard. Preface to World Literature, p. 169.

¹² Там же, стр. 179.

подхода к проблеме реализма. Особо отмечая, что каждый термин (в том числе и «реализм») можно считать как обозначение доктрины, школы, периода или постоянной тенденции, он в своем исследовании интересовался только этим четвертым аспектом, т. е. рассматривал реализм вне времени.

Таким образом, хотя Герар больше многих других исследователей занимается вопросом реализма, он больше других и запутывает его. Для концепции всемирной литературы позиция автора бесплодна прежде всего потому, что он бессилён объяснить развитие литературы. Здесь можно сделать и общий вывод: всякая измена историзму, абстрагирование эстетических понятий от общественной почвы подрывают любой замысел создания истории всемирной литературы, превращают историю литературы в список имен и названий.

Многими чертами выгодно отличается от работ типа Герара «История литературы» под редакцией Р. Кено (серия «Энциклопедия Плеяды»). Во введении ко второму тому поставлен вопрос о реализме. Он представлен здесь иначе — как конкретная историческая категория, как период в развитии европейских литератур, пришедший на смену романтическому искусству в середине XIX в. Предшествующие этапы рассматриваются под знаком других методов и направлений (барокко, классицизм, романтизм).

Так, литература XVIII в. дана в главе «Классицизм после XVII века» (автор А. Пейр). И хотя обстоятельно излагается процесс преодоления классицизма во второй половине XVIII в. во Франции, вопрос о реализме не поднимается. Сохраняется, таким образом, традиционная антитеза: романтизм, приходящий на смену классицизму¹³.

¹³ «Histoire des littératures». «Encyclopédie de la Pléiade». Т. II. Paris, 1956, p. 131—133.

В концепции Кено, однако, возникает противоречие. Автор английского раздела Андре Мезонев одну из глав, посвященных XVIII в., называет «Классицизм, изображение (действительности) и чувствительность». Неопределенное обозначение «изображение» (*représentation*) избрано, по-видимому, для того, чтобы не прибегать к термину «реализм», который отнесен только к явлениям XIX в. По ходу изложения в этой главе говорится о заслугах Дефо, Свифта, Ричардсона, Фильдинга и других писателей и делается важный вывод: «Между 1740 и 1790 годами роман переживает пору быстрого подъема. Любопытно отметить, что он предвосхищает почти все его формы, которые разовьются позднее»¹⁴. Об этом подъеме романа сказано много важного и существенного, но вопрос о завоеваниях английского реализма XVIII в. здесь не ставится.

Самое главное, вопрос о реализме, как впрочем и о других методах, не осмыслен в широком аспекте их развития в мировой литературе. Не поставлен вопрос о единстве процесса развития реализма даже в европейских литературах. Уже не приходится говорить о том, что литературы Востока никак не соотносены с литературами Запада, не сделана попытка ответить на вопрос, нет ли общего в типе реализма в эпоху Возрождения или в XVIII в. в литературах стран Дальнего Востока: Китая, Японии, Кореи — с литературами европейскими.

Нет необходимости увеличивать число примеров: историки всемирной литературы на Западе не проявляют серьезного интереса к разработке теории и истории реализма. Можно стоять на разных философских, методологических позициях и по-разному интерпретировать то или иное литературное явление. Так, например, существуют разные

¹⁴ «Histoire des littératures». «Encyclopédie de la Pléiade». Т. II, р. 430.

концепции барокко или романтизма. Здесь можно спорить и противопоставлять свои аргументы доводам противника. Но если о реализме молчат или высказывают мимоходом отдельные соображения, не образующие стройного и ясного учения, если даже честно излагают успехи реалистической литературы, избегая, однако, называть ее реалистической, или же (умышленно или от недостаточного внимания к фактам) механически отождествляют реализм с патурализмом, то дискуссия едва ли возможна. Спор переносится в другую плоскость — не по поводу самих концепций реализма, а скорее по поводу общей тенденции западной науки — нежелания заниматься этой проблемой. Это, конечно, тоже концепция.

По-видимому, не последнюю роль играет здесь то обстоятельство, что исследование проблем реализма ставит ученого перед более широким комплексом общественных, философских и эстетических вопросов, чем исследование любого другого метода и направления.

Если говорить о XVIII в., то характерно, что, избегая постановки вопроса о реализме эпохи Просвещения, авторы рассматриваемых трудов не предлагают и никаких других эстетических критериев и понятий, чтобы оценить значение этого этапа, определить выдающийся вклад просветителей в развитие мировой литературы. И хотя многие деятели академической науки, очевидно, не согласились бы с Ясперсом, свысока отвергнувшим наследие XVIII в., невнимание к специфике Просвещения объективно означает пренебрежение самым главным в наследии той литературы, что лежит, по мнению многих, между классицизмом XVII в. и романтизмом XIX в.

Это, в частности, сказывается и на периодизации литературы XVIII в. Правда, эта проблема — одна из труднейших. Сложный, нередко противоречивый характер отражения в литературе общественных отношений не позволяет

механически соотносить явления литературы и события общественной жизни. В Западной Европе в XVIII в., например, на протяжении ряда десятилетий происходили глубинные процессы, внешне не всегда выделявшиеся, но подготавливавшие великие перемены, каким явилась Французская революция. Нелегко, в частности, объяснить, почему именно в начале 70-х годов начинается такое мощное движение в Германии, как «буря и натиск».

Иногда совпадают даты ряда примечательных книг и создается впечатление о начале нового этапа, но задача исследователя состоит в том, чтобы разобраться в существе совпадающих явлений и объяснить, что здесь случайно и что закономерно.

Например, Э. фон Тунк называет 1748 год как дату рождения нового искусства. Какие же факты служат доказательством? В 1748 г. выступает с первым романом Т. Смолетт, в 1748 г. появляется «Задиг» Вольтера, т. е. книга, открывающая путь Вольтера-повествователя. В 1748 г. «Человек-машина» Ла Меттри начинает историю французского материализма. В том же году выходит заключительный труд Монтескье — «Дух законов». Само по себе такое наблюдение может быть интересно. Но поскольку этот эмпирический перечень фактов не осмысливается теоретически, дата повисает в воздухе.

Тот же фон Тунк обозначает крупные разделы в своей книге как эпохи больших иноземных влияний. Так, большой раздел европейской литературы XVII—XVIII вв. озаглавлен «Эпоха французского классицизма». Факт определяющего на многие десятилетия французского влияния отрицать, разумеется, нельзя. Но в периодизации не учитывается существенная разница между влиянием классицизма, в частности эстетики Буало, и влиянием просветительских идей XVIII в.

Отсутствие четких критериев в распределении материа-

ла дает о себе знать у большинства авторов обзорных глав по XVIII в.

В книге «История западных литератур» Дж. Коэна материал по XVIII в. распределяется между двумя главами: «Ранний роман, царство разума и появление чувствительности» и «Оживление в Италии в век Гете». Уже в названии глав не чувствуется единого принципа, четкой концепции. Это относится и к одностомной «Мировой литературе» Дж. Прампolini (Турин, 1956), где главы чаще всего обозначены по именам крупнейших писателей: «Дефо и Свифт», «Вольтер и Руссо» и т. д.

В этой статье нет возможности остановиться подробно на тех достижениях в разработке проблемы просветительского реализма, которыми отмечены советская наука и марксистское литературоведение в целом. Начиная с 30-х годов советские ученые (Н. Я. Берковский, И. Е. Верцман, В. Р. Гриб, А. А. Елистратова, С. С. Мокульский, Ф. П. Шиллер и др.) своими работами помогли осмыслить широкий круг вопросов, связанных с реализмом XVIII в.

Глубоко анализируя противоречия просветительского мировоззрения и просветительской эстетики, советские исследователи раскрыли специфику художественных открытий великих западноевропейских мастеров XVIII в., новаторство их образной системы, определяемой, с одной стороны, материалистическим пониманием внешней среды, а с другой — тезисом о решающей роли воспитания.

В исследованиях Н. И. Конрада и других советских востоковедов поставлена и другая важная проблема — о некоей общности тенденций развития просветительской идеологии на Западе и Востоке, что не противоречит признанию особых, исторически-обусловленных путей, которыми шло развитие китайской, японской, корейской, вьетнамской и других литератур Востока.

Естественно, что в этом случае проблема Просвещения и просветительского реализма выходит за рамки XVIII в.

Если для Западной Европы можно почти с точностью до одного года датировать границы Просвещения в XVIII в., то уже для стран Восточной Европы эти сроки существенно сдвигаются и некоторые просветительские задачи решаются в XIX в. На Дальнем Востоке (например, в Японии и Китае) аналогичные процессы протекают более медленно и, начавшись в середине XVII в., завершаются в основном во второй половине XIX в. Просветительские черты имеют и некоторые литературные явления в XX в. (так, в Индии с просветительскими идеями связано творчество Р. Тагора).

Разумеется, разрешение многих вопросов истории реализма все еще остается задачей, требующей к себе внимания. Продолжаются дискуссии о связях русской литературы XVIII в. с Просвещением. Много нерешенных вопросов еще в истории литератур тех стран, изучение которых началось сравнительно недавно.

Задачи изучения реализма в мировой литературе велики и ответственны, но для решения их у нас накоплен немалый опыт. Освобождаясь от догматических представлений, наша наука получила возможность ставить перед собой задачи теоретического осмысления обширного материала мировой литературы.

И когда мы внимательно знакомимся с опытом создания работ по всемирной литературе в буржуазной науке, мы ценим отдельные удачи и находки, но вместе с тем приходим к выводу, что задачи синтеза буржуазная наука решить не может.

Подлинно научный синтез возможен только на основе монистического взгляда на процесс развития общественной и художественной жизни, на основе исторического материализма.

ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИЕ ЛИТЕРАТУРЫ В ИСТОРИЯХ ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В 1961 г. в Бразилии состоялся Второй конгресс бразильских критиков и историков литературы. На одном из заседаний этого конгресса завязался знаменательный спор. Литературовед Жоан Алейшандре Барбоза выступил с докладом «История литературы и построение истории бразильской литературы». После обзора различных методов, применяемых историками литературы (культурно-исторический, стилистический, интуитивистский и др.), уже не удовлетворяющих многих бразильских ученых, стремящихся к глубокой разработке проблем национальной литературы, Барбоза высказал следующую мысль: «Сама литературная наука сделала возможным появление гетевской идеи «всемирной литературы», которая с начала XIX в. и особенно в наши дни реализуется в форме сравнительного изучения литератур. Сравнительное изучение представляется единственным способом синтезирования, который должен решить все проблемы истории литературы. Действительно, сравнительное изучение национальных литератур может подвести к более глубокому познанию неистощимых источников литературного творчества. Однако чаще всего компаративизм стремится свести проблему к вопросу о взаимоотношениях писателей, хронологическому установлению таких связей, не

принимая во внимание ту общность между явлениями однотипными, но разного национального происхождения, которую можно обнаружить». И далее докладчик мечтает о таком курсе сравнительного изучения литератур, где «были бы установлены содержательные связи между национальными литературами, которые способствовали бы выяснению наших характерных черт»¹.

Выступивший во время обсуждения доклада литературовед Вильсон Мартинс счел самый этот проект утопическим, ибо «современная концепция сравнительного изучения литератур включает в себя только изучение международных влияний, т. е. только то, что переходит границы национальных литератур. Следовательно, в рамках этой концепции невозможно ждать помощи для построения нашей истории бразильской литературы»². Здесь интересна, конечно, не критика современного компаративизма сама по себе — она не нова. Важно и знаменательно то, что серьезные историки бразильской литературы не удовлетворены тем арсеналом исследовательских средств, который предоставляет им современная буржуазная наука. В истории всемирной литературы они видят такой тип исследования, который мог бы стать основой для обобщающей работы в области национальной литературы.

Изучение фактов национальной истории литературы в ряде стран Латинской Америки (Бразилия, Мексика, Чили и др.) в последние годы развернулось довольно широко. С подъемом национально-освободительного движения связано пристальное внимание к истории всех форм национального сознания. Но построить историю любой из национальных литератур, исходя только из фактов данной литературы, даже тщательно собранных и изученных,

¹ «Segundo Congresso brasileiro da crítica e história literária». São Paulo, 1963, p. 170—178.

² Там же, стр. 183.

невозможно. Нужен еще широкий контекст мирового литературного развития, нужны типологические сопоставления с другими литературами, только тогда факты обретут подлинный исторический масштаб и будут осмыслены как проявление общей закономерности. Об этом и идет речь в докладе бразильского ученого. Но какую опору для разработки национальной проблематики найдут литературоведы из Бразилии или любой другой страны Латинской Америки, обратившись к последним трудам по истории всемирной литературы, где, если судить по самому термину, история литературы каждого континента должна рассматриваться в связи с общим движением литературы?

К сожалению, чаще всего, знакомясь с разноязычными историями всемирной литературы, сталкиваешься с пренебрежением к латиноамериканским литературам и, грубо говоря, невежеством в их истории. Бессмысленно перечислять все те труды, где вообще не упомянута Латинская Америка³. Проще и целесообразнее выделить только те книги, где латиноамериканским литературам посвящено хотя бы несколько строк. Что же это за строки?

Один абзац отведен всем латиноамериканским литературам в «Кнаурсовой истории всемирной литературы» (входящей в серию знаменитых кнаурсовых «лексиконов» и историй различных видов искусства)⁴. В этом абзаце в один ряд поставлены Машадо де Ассиз, Гуиральдес, Рубен Дарио — писатели разных стран, направлений и даже разных исторических эпох. Впрочем, это не является досадным исключением. Так же обошлись авторы этой кни-

³ J. M. Cohen. A History of Western Literature. London, 1961; J. Drinkwater. The Outline of Literature. London, 1950; J. de Bernardi. Storia della letteratura italiana e lineamenti di letteratura straniera. Milano, 1959.

⁴ E. Laaths. Knaurs Geschichte der Weltliteratur. München, 1953.

ги с испанской и португальской литературами. Все развитие этих литератур в течение XIX в. бегло суммировано в главе «Рубеж веков». Там упоминается, например, Эспронседа, а в главе «Романтизм» он (как и все другие испанские, португальские и латиноамериканские романтики) отсутствует. В книге Э. фон Тунка «Иллюстрированная история всемирной литературы» в главе о романтизме три четверти отведенного бразильской литературе места занимает невесть каким образом выдвинувшийся на первый план второстепенный бразильский поэт Гонсальвес де Магальяэс⁵. Перечисление подобных несообразностей можно продолжить.

Но дело не только в незнании или в пренебрежении к культуре этих стран. Дело еще и в принципе построения истории. На смену принципу построения по жанрам пришло «проблемное».

Преимущества такого типа рассмотрения особенно вероятны в разделах о современности: выделение крупных содержательных проблем может помочь проследить развитие важнейших художественных идей во всех видах и жанрах и во всех национальных литературах. Но здесь возникает и опасность субъективного выбора проблем. Например, в книге А. Шмидта «История литературы. Пути и превращения современной поэзии»⁶ есть главы «Поэзия и вера», «Человек и бытие» и т. п. Совершенно ясно, что темы эти подсказаны опытом европейских литератур и отражают определенные явления этих литератур (возможно, что европоцентризм сказывается здесь неосознанно). Самый яркий и показательный материал для раскрытия этих вопросов предоставляют литературы Ев-

⁵ E. von Tunk. Illustrierte Weltliteratur-Geschichte. Zürich, 1954—1955.

⁶ A. Schmidt. Literaturgeschichte. Wege und Wandlungen Moderner Dichtung. Zürich, 1959.

ропы и США. А многие национальные литературы с богатством их особых этических и эстетических проблем просто не находят себе места в структуре исследования. Из этого положения попытался выйти Э. фон Тунк — он присоединил к проблемным главам главу «Голос малых народов». Здесь сказано о Гарсии Лорке, Габриэле Мистраль, о финских, скандинавских и других писателях XX в. Изложение невольно (при таком охвате) получается слишком беглым и ограничивается несколькими большими фигурами, чьи голоса прозвучали для всего мира как «голоса малых народов». К тому же сама формулировка темы как бы подсказывает определенный аспект анализа: писатели малых стран рассматриваются не в своей национальной обусловленности, не как выразители конкретного этапа духовной истории своих наций, а как единый разряд неких «несовершеннолетних», за которыми признано определенное право на то, чтобы представлять умудренному европейскому уху наивно-прелестные звучания.

Но оставим в стороне подобные — и слишком частые — случаи некомпетентности. Обратимся к тому, как оценивается латиноамериканская литература там, где она действительно рассматривается.

Один из способов рассмотрения представлен на страницах вышедшей в Париже книги Гонзага Трюка «Иллюстрированная история литератур». Вот характернейшая фраза: «Мексиканец Гамбо соединил Гонкуров и Золя»⁷. Это, конечно, наиболее лаконичный и наглядный пример определенного метода: говорить о новых явлениях, исходя не из них самих, не из их жизненной и художественной конкретности, а из уже известного, обозначая новое через старое, латиноамериканское — через европейское.

⁷ G. T r u c. Histoire illustrée des littératures. Paris, Plon, 1952, p. 188.

Можно, разумеется, писать о влияниях, ими оправдывая такую связь имен, но ведь дело далеко не исчерпывается этим. Золя действительно влиял на мексиканскую, да и на бразильскую литературу 80-х годов. Однако ни историко-литературное значение Гамбо или Алуизио Азеведо, ни художественное содержание их творчества никак не может быть сведено к золяистским подражаниям, пересказам или перепевам. Латиноамериканским «натуралистам» принадлежит особое место в процессе формирования реалистической литературы их наций. Литературное развитие в Мексике или Бразилии — бурно ускоренное после веков социальной заторможенности и консервации — складывалось так, что натурализм появился одновременно с первыми шагами критического реализма. Увлечение доктринами Золя осталось кратковременным эпизодом, скорее биографическим, а действительные завоевания писателей, считавших себя натуралистами, оказались по своей сути в русле становления реализма. Конечно, это специальный и достаточно сложный вопрос, детальный ответ на него может быть дан в монографическом исследовании или в истории национальной литературы. И все же как обойтись без этого, как охарактеризовать любого латиноамериканского писателя без попытки хоть как-то наметить глубокое своеобразие формирования национальных литератур? Без этого ученый неминуемо скатывается к порочному методу прямых аналогий (имярек — аргентинский Золя или мексиканский Бальзак и т. п.).

Конечно, чем ближе к нашему времени, тем очевиднее оригинальность латиноамериканских литератур, тем труднее исследователю пользоваться привычными ярлыками. Но и здесь своеобразие литератур понимается главным образом как тематическое. В книге Дж. Прампolini «Литературы мира» современная мексиканская литература «сосредоточилась на проблемах, связанных с землей и земель-

ной собственностью»⁸. Литературовед как будто не допускает мысли о том, что тематическое своеобразие — это только «первый слой» художественного своеобразия литературы, что, кроме особого жизненного материала, латиноамериканские литературы выработали еще свой путь художественного исследования этого материала, свой образный мир, свою систему средств.

Наиболее основательные, богатые фактическим материалом труды последних лет — две французские истории всемирной литературы⁹. Материал продуманно систематизирован, поэтому здесь не может возникнуть недоумение по поводу целой пропущенной литературы или периода. Специальные главы посвящены и испано-американским, и бразильской литературе.

«История литератур», вышедшая в серии «Энциклопедия Плеяды», не упрекает латиноамериканские литературы в несамостоятельности и подражательности. Наоборот, подчеркнуто, что уже в эпоху романтизма латиноамериканскую литературу отличал «чисто американский акцент». В разделе о современности восторженно говорится о величии Пабло Неруды, Габриэлы Мистраль и Сесара Вальехо, при этом их общечеловеческая ценность объясняется тем, что «великая испано-американская поэзия никогда не отдалялась от человеческих и социальных проблем»¹⁰. Однако такие признания далеко не всегда подтверждаются глубоким и детальным знанием, точностью и полнотой характеристик. Так, в разделе о современной бразильской литературе названо лишь имя Жоржи Амаду, который

⁸ G. Prampolini. *Le letterature del mondo*. Torino, 1956.

⁹ «Histoire des littératures». «Encyclopédie de la Pléiade». Paris, Gallimard, 1958; «Histoire générale des littératures». T. I—III. Paris, Quillet, 1961.

¹⁰ «Histoire des littératures». «Encyclopédie de la Pléiade». T. II, p. 723.

представлен как «художник народных кругов Баия», что справедливо, но совсем не исчерпывает общенационального значения творчества такого писателя, как Амаду.

Проблема национального своеобразия латиноамериканских литератур оказывается ответственнойшей, а пути ее решения, как мы уже видели, едва ли не наиболее показательны в том смысле, насколько хорошо «вооружен» исследователь в своем методе. Национальное своеобразие не ускользнуло из поля зрения авторов «Энциклопедии Плеяды». Они видят его в том, что латиноамериканский роман — «по преимуществу реалистический». «Эти писатели, когда они обращаются к национальным проблемам, абсолютно оригинальны. Они создают документы огромного значения, необходимые, чтобы познать человека тех стран, что играют сейчас на мировой сцене роль первой величины»¹¹. Это, разумеется, хорошие и верные слова. Но историку литературы мы вправе задать и более специальные вопросы. Как же сложились судьбы латиноамериканских литератур в отличие от литератур других стран, что сделало их такими, в каких конкретных художественных формах проявляется их реалистичность и социальность? Обо всем этом в «Истории литератур» ничего не сказано. А ведь именно в ответе на такие вопросы состоит задача истории всемирной литературы. Утверждение о реалистическом и социальном характере латиноамериканских литератур давно стало общим местом (при всем желании некоторых европейских и североамериканских критиков невозможно представить латиноамериканские литературы как преимущественно герметические и модернистские). История всемирной литературы может и должна показать закономерность именно такого пути внутри общего развития литературы, может доказать эту закономерность,

¹¹ «Histoire de littératures». «Encyclopédie de la Pléiade». Т. II, р. 729.

сопоставив близкие или сходные явления в литературах различных стран.

Некоторый шаг в этом направлении попытались сделать авторы «Всеобщей истории литератур», подготовленной издательством Кийе под редакцией профессора Жюана. Прежде всего здесь развитие литературы связано с историческими судьбами стран и всего континента. Каждому разделу предпослано небольшое введение, где рассказывается об общественной и политической обстановке этого периода. Отмечается значение для духовной жизни народа таких исторических сдвигов, как мексиканская революция, указывается на важную роль особых общественных проблем (например, индейской проблемы в Андских странах). Конечно, составляется эта картина политической и идейной жизни весьма выборочно, а иногда и просто поверхностно. Например, революционные веяния среди латиноамериканской интеллигенции XX в. проиллюстрированы только одним примером — деятельностью перуанского философа Айа де ла Торре, начавшего с декларации своей приверженности к марксизму, а кончившего пропагандой расовой исключительности народов Латинской Америки, их мессианской роли в современном мире. И это по отношению к Латинской Америке, где почти все большие писатели XX в. были и продолжают быть участниками решающих социальных битв! Ничего не сказано об антиколониализме, столь существенном для облика культуры всех стран и определяющем для культуры центральноамериканских стран, и о многих других важнейших общественных и идейных движениях.

«Всеобщая история литератур» богата фактическим материалом, в ней довольно трудно найти фактические ошибки или пропуски существенных явлений или имен. (Авторами рассмотрен даже такой малоисследованный и немногими отмеченный факт, как возросшая роль театральной

драматургии в развитии послевоенной бразильской литературы. Хотя и здесь сказалась уже знакомая нам абберрация: оживление бразильского театра связывается по преимуществу с недавними гастролями зарубежных трупп, например «Комеди Франсез», а о таком решающем факторе, как связь с фольклорным театром бразильского Северо-Востока, ничего не сказано.) Вообще же здесь сохраняется подчеркнутая объективность тона и оценок, неизменная внимательность ко всему, что есть в латиноамериканских литературах оригинального, художественно ценного и общечеловечески интересного.

Но когда мы поставим вопрос: какова же здесь общая концепция исторического развития латиноамериканских литератур, в чем авторы видят принципиальное и закономерное своеобразие этих литератур в отличие от нескольких десятков других литератур, рассмотренных рядом? — то окажется, что ответить на этот вопрос по крайней мере очень трудно.

Факты сообщаются щедро, с уважением к точности, а выводы из них либо вообще не делаются, либо выглядят попросту убого... Возьмем для примера раздел, посвященный XVIII в. Известно, что бразильское Просвещение явилось одной из блестящих страниц в истории латиноамериканских литератур и составило важный этап в их становлении. О выдающемся поэте и мыслителе бразильского Просвещения Томасе Антонио Гонзаге сказано лишь, что он был поэтом любви и что перенесенные им страдания (он был осужден как один из вдохновителей и участников антипортугальского заговора!) способствовали эмоциональному углублению его лирики. О творчестве Клаудио Мануэла да Коста говорится, что он воспевал муз, пастушескую жизнь, что он испытал влияние Камюсса, Гарсиласо и Петрарки. Наконец, об эпической поэме Ж. де Гамы «Уругвай» написано: «автор раскрывает свой

сюжет в реалистической манере, простым, почти повседневным языком»¹². Только и всего! Авторы не говорят ничего об идейном смысле поэзии бразильских просветителей, о переосмыслении просветительской идеи «естественного человека» в той же поэме «Уругвай», не говорят об открытии родной природы в лирике да Косты и Гонзаги, о переосмыслении поэтического идеала «Аркадии» и новом наполнении жанра пасторали, о просветительской сатире Гонзаги и зарождении элементов просветительского реализма в его поэме «Чиллийские письма», словом, обо всем том, из чего слагается конкретное содержание бразильского Просвещения.

Подобным же образом — через собрание частных фактических сведений и связей — представлена во «Всеобщей истории литератур» эпоха романтизма. О Жозе де Аленкар сказано, что он с большим интересом относился к творчеству Гюго, Шатобриана, Дюма и Бальзака. Затем следует замечание: «...этот писатель более всего связан с провозглашением независимости». Но в какой художественной идее выразилась связь Аленкара с независимостью, каково не тематическое (в книге отмечается, что Аленкар черпал сюжеты из истории завоевания страны, освоения ее территории и т. д.), но художественное содержание его исторического романа?

И такой вопрос — что это дало национальной литературе? с каким методом было связано? — можно задать в отношении каждого писателя, каждого названного произведения. Изложение течет от имени к имени, от одного исторического периода к другому, но движение литературы, процесс ее формирования не ощутим, побудительные силы этого движения не раскрыты.

¹² «Histoire générale des littératures». Т. II, p. 456.

Описательность побеждает и в разделе, посвященном послевоенной литературе. Очевидно, боясь всякой тенденциозности и стремясь соблюсти бесстрастную объективность, автор этого раздела вообще отказывается от всяких акцентов, выделения ведущих тенденций или противопоставления борющихся направлений. Получаются следующие «протоплазмические» характеристики: «...в Мексике, Эквадоре или Аргентине сосуществуют социальный реализм, мужественный и боевой, сознательно связавший себя с политической борьбой, и психологический роман, часто экзистенциалистского плана, отмеченный более или менее глубоким влиянием Сартра, Камю или даже Кафки»¹³. О какой из современных западных литератур нельзя сказать такую фразу?

* * *

Особый интерес представляет сравнительное изучение латиноамериканских литератур. Для изучения взаимосвязей и взаимовлияний литератур латиноамериканские страны являются исключительно перспективной сферой. Не только потому, что история их литератур полна примерами взаимосвязей и влияний, и не только односторонних влияний, как это принято думать. Предпринятая недавно работа советского исследователя Л. А. Шура показала, что в XIX в. к латиноамериканской литературе неоднократно обращалась русская общественная и художественная мысль, и это обращение помогало выполнению собственных задач русской литературы¹⁴. Еще более существенно то, что в истории латиноамериканской литературы проблема влияний

¹³ «Histoire générale des littératures». Т. III, p. 726.

¹⁴ «Художественная литература Латинской Америки в русской печати». Составл. и предисл. Л. А. Шура. Изд-во Всесоюзной книжной палаты, 1960.

тесно сплелась с проблемой становления национального характера литературы. На протяжении многих десятилетий иностранные влияния играли особую роль эстетической школы или арсенала художественных средств для движимого прежде всего внутренними национальными потребностями развития литературы. Изучая, к кому обращались латиноамериканские писатели на разных этапах литературной истории, как воспринимались и оценивались европейские влияния, можно подойти к пониманию коренных черт литературного процесса, самой сердцевины его. Почему, например, в эпоху романтизма при явном подражании латиноамериканских романтиков Шатобриану, Вальтеру Скотту, Байрону, потом Гюго все это воспринималось как свое, найденное, необходимое, и чужеземные уроки впитывались, не вызывая раздвоения творческого сознания? А на рубеже XX в. в соотношении национального и заимствованного осознается сложность и противоречивость, в Бразилии возникает и остро дебатруется в критике проблема «пересадки» (*transplantação*) литературы¹⁵. Много других подобных же вопросов ставит каждый этап истории латиноамериканских литератур, вопросов, которые от пестрой картины литературных интересов, подражаний ведут к выработке концепции всего хода развития литературы.

Но компаративизм как будто просто еще не открыл латиноамериканского материка. Конечно, отдельные работы по частным вопросам выходят и в самих странах Латинской Америки, и в США, но авторы их не поднимаются до обобщения фактов. В капитальных трудах и сборниках компаративистских работ последних лет латиноамериканский материал почти не учитывается.

¹⁵ N. Werneck Sodré. *História da literatura brasileira*. Rio, Olympio, 1960, p. 430—443.

В трудах Второго конгресса Международной ассоциации компаративистов (1958) мы находим только одну работу американского испаниста Энглkirка по интересному, но поставленному узко вопросу: «Гейне в Латинской Америке». В первом же разделе сборника, где собраны общетеоретические статьи, освещающие сегодняшние проблемы сравнительного литературоведения, латиноамериканский материал вовсе не привлекается (за одним исключением, о котором мы скажем ниже). Вот, к примеру статья Р. Чеклтона «Сравнительное литературоведение и Просвещение». Основную мысль своей работы автор определяет так: «Интернациональный характер Просвещения делает его столь же, а быть может, и более, чем любой другой период, подходящим объектом для исследования при помощи средств сравнительного литературоведения»¹⁶.

Далее, перечисляя возможные конкретные поиски и исследования, раскрывающие «интернациональный характер» Просвещения, Чеклтон даже не упоминает Латинскую Америку. А ведь заслуживает исследования хотя бы история обращения бразильских интеллигентов, участников антиколониального республиканского заговора, к Франклину, обнаружение у них при обыске североамериканской революционной литературы, или же вопрос о философских источниках трактата Гонзаги «Естественное право». Пока что единственной работой, анализирующей идейные источники латиноамериканского Просвещения и их переосмысление в эпоху борьбы за независимость, является статья советского ученого К. Державина¹⁷.

¹⁶ R. Chackleton. Comparative Literature and the Enlightenment. In: «Comparative Literature. Proceedings of the II Congress of the International Comparative Literature Association». V. I. Univ. of North Carolina Press, 1959, p. 56.

¹⁷ К. Н. Д е р ж а в и н. Мексикапский плутовской роман (Лисарди и французское Просвещение).— «Язык и латература». Л., 1930, вып. 5, стр. 61—86.

Единственный вопрос, привлечший внимание компаративистов, — это вопрос о влияниях на современную латиноамериканскую литературу. Этому было посвящено выступление аргентинского ученого Гильермо да Торре на Втором конгрессе Международной ассоциации компаративистов. Этому же коснулся Фридерих в статье «Сравнительное литературоведение в Соединенных Штатах», опубликованной в сборнике «Исследовательские проблемы сравнительного литературоведения» под редакцией К. Вайса и Ф. Эрнста.

Точка зрения Фридериха отличается политической недвусмысленностью: «...не только внутреннеполитически, благодаря «плавильной печи» бесчисленных иммигрантских масс, но также и внешнеполитически, хотя бы уже по своему географическому положению, Соединенные Штаты представляются, с компаративистской точки зрения, идущими навстречу великому будущему. Насколько сильным было в XIX в. прямое общение между Европой и Центральной и Южной Америкой (пример — влияние французских романтиков или натуралистов на аргентинцев или бразильцев), настолько же изумляет сейчас то, что этот путь проходит прежде всего через Соединенные Штаты. В последние двадцать лет Вашингтон, наконец, начал политически достойно обращаться с республиками-сестрами южнее Рио-Гранде, а это означает, что теперь и духовное общение стало оживленнее и богаче. В результате, Соединенные Штаты стали важны не только собственными литературными ценностями, но и в качестве перевалочного пункта европейских идей на пути в Южную Америку. И не только в отношении Центральной и Южной Америки достойна внимания все возрастающая роль Соединенных Штатов, но и в отношении ко всему тихоокеанскому миру»¹⁸. Прямо

¹⁸ W. Friederich. Zur vergleichender Literaturgeschichte

надо сказать, что маститый ученый здесь выдает желаемое за действительное. Роль Соединенных Штатов в духовной жизни латиноамериканских наций совсем не так плодотворна, как это изображено Фридрихом. (Разумеется, мы не имеем в виду творчество выдающихся американских писателей-реалистов XX в., вызывающее глубокое уважение латиноамериканской интеллигенции.) Сошлемся здесь хотя бы на коллегу Фридриха — Гильермо да Торре, выступившего на Втором конгрессе Международной ассоциации компаративистов. Он тоже говорит о потоке культурной продукции, текущем из США на юг через Рио-Гранде: «Правда, кино, покет-буки, детективы, дайджесты и комиксы и другие подобные им произведения не являются лучшими и благородными творениями духа. Но происходит так, что именно они широко распространяются, снижая и без того не очень высокий уровень массовой культуры». Но и то лучшее, что идет из США, продолжает да Торре, «воспринимается не прямо, как это происходит с произведениями испанцев и даже французов, а посредством переводов, т. е. уже отраженно». Как же можно говорить о роли перевалочного пункта по отношению к идеям, идущим из Франции?

Концепция да Торре тоже весьма тенденциозна и необъективна. Он рассматривает взаимосвязи как «диалог литератур». В этом диалоге у латиноамериканской литературы были якобы три собеседника: Испания (ныне молчащая), Европа, в частности Франция, остающаяся наиболее активным партнером, и США. Роль США в диалоге литератур особая в силу того, что «культурное влияние Соединенных Штатов является направленным, постоянным. Эта страна не пускает все на самотек, не предоставляет все свободной игре спроса и предложения, а имеет свою куль-

in der Vereinigten Staaten. In: «Forschungsprobleme- der verglei- chenden Literaturgeschichte». Tübingen, 1958, S. 190.

турную политику»¹⁹. Да Торре, однако, замечает, что США нужно еще преодолеть недоверие и предвзятое отношение латиноамериканцев ко всему, что идет из США. Автор спешит пояснить, что сам-то он не присоединяется к тем, кто кричит об «империализме янки», но, что делать, многие латиноамериканцы обвиняют США в империалистической экспансии во всех областях, в том числе и в культуре.

В числе собеседников латиноамериканских литератур да Торре не называет ни русскую классическую, ни советскую литературы. Можно привести огромное количество фактов, сослаться на свидетельства крупнейших латиноамериканских писателей и ученых, незнанием которых ученому, специально изучающему литературные связи, трудно отговориться. Да Торре не касается и обратной связи — роли латиноамериканских литератур в современном литературном процессе. А ведь здесь неминуемо пришлось бы показать мировое значение писателей социалистического реализма. Таким образом компаративистское представление о месте латиноамериканских литератур в мировом литературном процессе нельзя признать ни научно точным, ни объективным.

* * *

Мы, разумеется, не рассмотрели все проблемы, связанные с освещением Латинской Америки в историях всемирной литературы. Остается, например, важный вопрос о периодизации литературной истории. Очевидно, периодизация, примененная «Всеобщей историей литератур», наиболее соответствует латиноамериканскому материалу. Середина XIX в. (второй том этой истории оканчивается 1848 г.)

¹⁹ G. da Torre. *Diálogo de las literaturas*. In: «Comparative Literature. Proceedings...», p. 86.

почти для всех стран Латинской Америки — время становления романтического направления (кроме Аргентины, где романтизм утвердился несколько ранее, уже в 30-х годах). Такая периодизация, выдвигающая в качестве основы решающие сдвиги в художественном сознании (Просвещение, утверждение романтизма), безусловно, позволяет глубже и точнее исследовать литературный процесс, нежели традиционная периодизация, введенная культурно-исторической школой (колонпальная эпоха, затем эпоха независимости). В последние годы эта традиционная периодизация подверглась резкой критике, например в Бразилии, со стороны ученых стилистической школы. Глава стилистической школы А. Коутиньо в специальной работе дал обоснование, почему он считает неверной периодизацию истории литературы в соответствии с периодами политической истории страны²⁰. Термины «колониальный период», «национальный период», с его точки зрения, ошибочны и ненужны потому, что бразильская литература с первых своих шагов является национальной, самостоятельно существующей литературой. «Бразильская литература начинается в тот момент, когда начинается Бразилия. Она «бразильская» с самого начала так же, как был бразильцем человек, который начал формироваться здесь после проникновения европейцев»²¹. Это — новое положение, его, во всяком случае, нельзя отбрасывать при разработке истории латиноамериканской литературы. Коутиньо считает старую периодизацию неприемлемой и потому, что она не учитывает собственно эстетических стадий развития литературы. Но и периодизация, выдвинутая стилистической школой и основанная на смене литературных стилей, не может быть признана удовлетворительной, ибо создаст механистиче-

²⁰ А. Coutinho. *Conceito da literatura brasileira*. Rio, 1960.

²¹ Там же, стр. 23.

ское представление о литературном процессе, уничтожает живую диалектику развития и борьбы направлений. Один стиль бесповоротно сменяет другой. После первой мировой войны, когда, по мнению Коутиньо и его единомышленников, в качестве господствующего стиля эпохи выдвигается модернизм (и весь период носит название «модернистского»), реализму остается только роль продолжающего существовать по инерции рудимента прошедшей литературной эпохи. Выработка периодизации истории латиноамериканских литератур, соответствующих и конкретному материалу, и требованиям соотнесения с мировым литературным процессом, остается насущной задачей литературоведения.

Рассмотренные нами труды не дают материала для обсуждения многих других проблем истории латиноамериканских литератур. Совершенно не ставится в историях всемирной литературы вопрос о правомерности общего понятия «латиноамериканская литература», о моменте выделения отдельных национальных литератур, о различиях в национальном характере наиболее развитых литератур, об этнической сложности происхождения некоторых литератур и др.

Концептуальная бедность, плоско-позитивистское собрание фактов (к тому же часто односторонне подобранных) — вот что снижает ценность даже самых солидных западных историй всемирной литературы. Намного глубже анализируется история литературы в работах многих латиноамериканских ученых, принадлежащих к кругам национальной буржуазной интеллигенции. Ни давно себя дискредитировавший европоцентризм, ни пренебрежение к «малым литературам», ни даже добросовестное описание фактов не удовлетворяют уже многих ученых латиноамериканских стран. На втором конгрессе бразильских критиков и историков литературы, с которого мы начали наш обзор, почти в каждом из докладов и выступлений выражалось

стремление к новому типу науки о литературе (критика как синтез, интегрирующая критика — все это различные формулы одного желания: соединить на какой-то новой основе тонкость формальных анализов, присущую весьма влиятельной в Бразилии стилистической школе, и проникновение в социальную содержательность литературного творчества). Без преувеличения можно сказать, что в бразильской критике 1960—1963 гг. было движение навстречу марксистскому методу. Один из наглядных тому примеров — единодушно высокая оценка книги старейшего критика-марксиста А. Перейры «Машадо де Ассиз» — первого развернутого марксистского исследования творчества одного из классиков бразильской литературы.

Серьезная разработка проблем истории латиноамериканских литератур, установление закономерных связей этой истории с мировым литературным процессом, раскрытие своеобразия общественной и духовной жизни латиноамериканских народов, ставшего источником художественной оригинальности их литератур, — такая история всемирной литературы, где будет проделана эта работа, безусловно, окажет большое влияние на литературную и теоретическую жизнь в странах Латинской Америки и будет способствовать укреплению марксистского метода в латиноамериканском литературоведении.

К ПРОБЛЕМЕ
ОСВЕЩЕНИЯ ЛИТЕРАТУР ВОСТОКА
В ИСТОРИЯХ ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Отнюдь не отрицая ценности многих имеющихся работ по истории всемирной литературы, приходится подчеркнуть, что в большинстве из них слова «история», «всемирная» или «литература» следовало бы взять в кавычки. Само собой разумеется, что литературу необходимо изучать в тесной связи с другими формами общественного сознания, но при этом стоит вспомнить многочисленные книги, основанные на слишком широком понимании литературы, рассматривающие ее вместе с философией, наукой, религией, изобразительным искусством, театром, фольклором и так далее¹. Такой энциклопедизм почти всегда оборачивается краткостью в изложении истории самой литературы и недооценкой ее специфики.

В последние десятилетия эта тенденция заметно ослабела, но не исчезла. Она лишь стала выражаться менее открыто, нередко в чрезмерной увлеченности религиозными,

¹ См. J. Andres. Dell'origine, progressi e stato attuale d'ogni litteratura. T. I—VII. Parma, 1782—1799; J. G. T. Crässe. Handbuch der allgemeinen Literaturgeschichte. Bd. I—IV. Leipzig, 1845—1850; H. M. Chadwick, N. K. Chadwick. The Growth of Literature. V. I—III. Cambridge, 1932—1936; A. Hauser. Socialgeschichte der Kunst und Literatur. Bd. I—II. München, 1953.

философскими и другими памятниками. Особенно соблазнительно подменять предмет при разговоре о малоизученных литературах — это заметили еще в конце прошлого века. Например, известный русский литературовед С. Венгеров критиковал В. Ф. Корша за сухой, филологический подход к древнееврейской и индийской литературам², а журнал «Русская мысль» в рецензии на книгу А. Штерна с полным правом недоумевал: «Почему-то составителю понадобилось в истории литературы привести сочинение, описывающее Китай в физико-географическом отношении; для этого он избрал большой труд Рихтгофена, доступный только специалистам — географам, геологам и притом еще не оконченный»³.

Другая неприемлемая тенденция — смешение истории литературы с теорией, хотя к теоретическому осмыслению материала должен стремиться всякий исследователь. Вряд ли можно назвать, например, «историями литературы» (а не историями жанров) книги, построенные по родам и видам (эпос, лирика, драма и т. д.). Наибольшее распространение такая композиция получила у французских историков литературы, начиная с книг XIX в. (Ф. Паже, Л. Лемерсье, П. Хеннекена, А. Фери) и кончая вышедшей в 1952 г. «Иллюстрированной историей литератур» Г. Трюка⁴. Известный французский компаративист Ф. Бальдансперже добавил к работам этого типа труд о «становлении

² С. Венгеров. Русская история всеобщей литературы.— «Неделя», 1860, № 33, стр. 1052—1053, 1055.

³ А. Штерн. Всеобщая история литературы. Перевод с нем. СПб., 1855.— «Русская мысль», 1885, кн. III. Библиографический отдел, стр. 21.

⁴ См. F. X. Pagés. Nouveau traité de littérature ancienne et moderne. T. I—III. Paris, 1802; L. Lemerrier. Cours analytique de littérature générale. T. I—IV. Paris, 1817; P. Henneguin. Cours de la littérature ancienne et moderne. T. I—IV. Moscou, 1821; G. Truc. Histoire illustrée des littératures. Paris, 1952.

и развитии» литературы⁵, построенный по проблемам (на- пример, «влияние литературы на общество»).

Весьма заманчиво звучит название книги немецкого ли- тературоведа Р. Унгера «История литературы как история проблем»⁶, но историей литературы в собственном значе- нии этого предмета она не является.

Неплодотворное (если иметь в виду задачи истории все- мирной литературы) разделение рассматриваемого мате- риала по родам и видам было подхвачено, например, в работах Дж. Сибояра, А. Герара⁷. Последний автор окон- чательно убеждает в том, что у многих западных ученых нет четкого представления о грани между историей и тео- рией литературы. Вряд ли удачны и часто встречающиеся в трудах литературоведов США такие неопределенные названия, как «Очерк литературы», «Введение во всемир- ную литературу» и другие, скрывающие неопределенность задач этих работ и неполноту материала.

Здесь мы подходим к проблеме широты охвата материа- ла. Этот вопрос я собираюсь раскрыть подробнее на при- мере литератур Востока. Место, которое уделяется им в имеющихся историях всемирной литературы, не соответ- ствует действительной их роли в этом процессе.

Понятия «Восток» и «Запад» кажутся мне плодотвор- ными, соответствующими двум взаимосвязанным в их исто- рическом развитии мирам, хотя известно, что эти термины издавна наполнялись самым различным содержанием. На- пример, с точки зрения западноевропейских и американ- ских ученых, «Восток» включает в себя Россию, которая

⁵ F. Baldensperges. La littérature. Création. succès, durée. Paris, 1913.

⁶ R. Unger. Literaturgeschichte als Problemgeschichte. Berlin, 1924.

⁷ G. E. Se Boyar. Outline of Literature. New York and London, 1929; A. Guérard. Preface to World Literature. New York, 1940.

была частью «Запада» для жителей Восточной Азии. В ряде советских исследований под Востоком понимаются страны Азии и Африки, что также условно, хотя и отражает многие сходные моменты в историко-литературном развитии этих континентов.

Некоторые литературоведы склонны исключить из понятия «Восток» Африку и отождествить его с Азией. Признавая известную логичность этого (с географической точки зрения), следует заметить, что подобное положение трактуется иногда тенденциозно. Встречающийся отказ от понятия «Восток» позволяет неправомерно объединять пути литератур Азии и Африки и Латинской Америки. Нельзя не видеть также появления наряду с традиционным термином «европоцентризм» понятий «азие»- и «африкоцентризм», отражающих объективно существующие и крайне опасные идеологические тенденции. Это как бы укрупненный национализм, который не только противопоставляет свою страну другим, но и ищет себе союзников. В то же время он отмежевывается от явного расизма, прибегая к географической фразеологии. Более верным представляется сохранить понятие «Восток» и «Запад», которые (не только благодаря Р. Кипплингу) стали традиционными, насытить их антиимпериалистическим смыслом.

Сейчас уже никому не приходит в голову разделять всемирную литературу на творчество черной, желтой и белой рас, как это сделал Ш. Летурно⁸. Однако проблема литературных регионов до сих пор не решена. Большая часть авторов рассматривает Восток просто по странам, в весьма произвольном порядке. Отдельные литературоведы различают только Ближний и Дальний Восток⁹, забывая о Сред-

⁸ См. Ш. Летурно. Литературное развитие различных племен и народов. СПб., 1895.

⁹ См. А. Eggebrecht. Weltliteratur. Ein Überblick. Berlin, 1948.

нем Востоке, а также о странах (например, Юго-Восточной Азии), которые с трудом вмещаются в эти понятия. Здесь советским ученым еще предстоит серьезная работа.

Говоря о восточном материале, я имею в виду главным образом разделы по Азии и Африке¹⁰ в западных и русских историях всеобщей литературы. Кроме того, интересно выяснить, как освещается история всемирной литературы на самом Востоке. Но эту сторону «восточной проблемы» можно показать лишь в нескольких специальных статьях: не потому, что на Востоке написано очень много работ по истории всемирной литературы, а потому, что современное состояние востоковедения не дает еще возможности обобщить пути развития многих литератур на всем протяжении их истории.

Необходимо отметить характерный для большинства работ по всемирной литературе европоцентризм. Речь идет не только о книгах XIX в., но и о работах XX века: уже упоминавшейся «Литературе» Бальденсперже, «Беседах по истории всеобщей литературы» Ф. де Ла Барта¹¹, шведской «Истории всеобщей литературы»¹² и других книгах. Самые недалёковидные из буржуазных литературоведов прямо пытались доказать ненужность восточного материала¹³. Другие на словах признавали вклад Востока¹⁴, а

¹⁰ Африки я касаюсь гораздо меньше, поскольку ей посвящена специальная статья И. Д. Никифоровой и Ю. В. Палиевской.

¹¹ Ф. де Ла Барт. Беседы по истории всеобщей литературы. Изд. 2-е, переработанное и дополненное. М., 1914.

¹² Bonniers allmänna literatur historia. Stockholm, 1959. Здесь Восток представлен одной древнееврейской литературой.

¹³ См., например, «История литературы древнего и нового мира». Под ред. А. Милюкова, т. I. СПб., 1862—1863, стр. IX.

¹⁴ Ф. Де Ла Барта. Беседы по истории всеобщей литературы, стр. XI. То же видим мы и в книге: J. Masu. The Story of the World's Literature. New York, 1925 и 1936, p. 23—25, который освещает Восток очень кратко.

на деле опускали его или представляли крайне неполно. Третьи, напротив, освещали восточный материал весьма подробно, однако общая его оценка была крайне тенденциозной. Примером могут служить книги Ш. Летурно и К. Буссе¹⁵. В работах последних десятилетий восточные литературы искажаются уже не столь грубо, однако по существу отношение к ним остается прежним. Остановлюсь здесь лишь на некоторых общих вопросах.

Одним из таких вопросов является принятое на Западе толкование «всемирной литературы» (*universal literature*). Этот термин пришел на смену термину «всеобщая литература» (*general literature*), но он часто наполняется даже более узким содержанием. Например, по бытующему в США взгляду, всеобщая литература «существует для наиболее полного расширения нашего кругозора; она охватывает все литературы всех веков... без подчеркивания их единства или их связей. Всемирная литература ограничивается лишь теми произведениями, которые приносят наслаждение всем: в идеале всему человечеству, а практически — представителям нашей собственной культуры, европейской или западной»¹⁶.

Что это пренебрежение к литературам, стоящим вне европейской традиции, не является случайным, подтвер-

¹⁵ См. Ш. Летурно. Литературное развитие различных племен; К. Буссе. История мировой литературы. Т. 1—3. СПб., 1913—1914. Для характеристики прогрессивных русских ученых следует отметить предисловие Н. Евстифеева к последней книге, представляющее собой настоящий памфлет на европоцентризм.

¹⁶ A. Guérard. Preface to World Literature. New York, 1940. Это кажущееся многозначительным, а на самом деле весьма неточное деление очень напоминает «различие» между так называемым общим и сравнительным литературоведением, которое проводится в современной компаративистике (см. «Взаимосвязи и взаимодействие национальных литератур». М., 1960, стр. 19, 66 и др.).

ждает и позиция западногерманского литературоведа В. Мильха, более откровенно говорящего о своем идеале. Он с неудовольствием замечает: «Наши обычные так называемые истории всемирной литературы описывают одну за другой китайскую, индийскую, египетскую, греческую, английскую, русскую, немецкую, шведскую, американскую литературы, как будто все они в равной мере были национальными»¹⁷.

Из статьи Дж. Ременьи «Понятие мировой литературы» становится особенно ясно, что буржуазные ученые Запада по-прежнему склонны представлять всемирную литературу неким гармоническим единством, вращающимся вокруг Атлантического океана и стоящим над «литературой вообще». Новое состоит главным образом в усилении космополитических тенденций и в сведении национальных отличий к формальным частностям: «Значение мировой литературы велико, и безразличие к ней в нашем полифоническом мире равносильно безразличию к ритму, форме и порядку»¹⁸.

* * *

Выше уже отмечалось, что и в старых и в новых западных историях всемирной литературы немало ценного: важный, иногда забытый материал, интересные повороты мысли, обусловленные рассмотрением знакомых писателей в сравнительно широкой перспективе. Но гораздо чаще мы сталкиваемся с противоположным явлением, которое критиковал еще русский журнал «Библиограф» в рецензии на «Всеобщую историю литературы» А. Штерна: «Китайской литературе уделено только 2 стр., индийской — около

¹⁷ W. Milch. Über Aufgaben und Grenzen der Literaturgeschichte. Wiesbaden, 1950, S. 65.

¹⁸ J. Remenyi. The Meaning of World Literature. In: «World literatures». Pittsburgh, 1956, p. 2.

6 стр., а иранской — немного более 1 стр. О литературах египетской, ассирийской, вавилонской и древней армянской совсем ничего не упомянуто»¹⁹.

Почти та же картина и во многих изданиях XX в.²⁰

Иногда мировая литература рассматривается прежде всего как фон, на котором излагается история данной национальной литературы. Так, некоторые испанские труды посвящают название историй «всемирной и испанской литератур».

В ряде работ (как XIX в., так и современных) отчетливо виден избирательный подход к странам Востока. Одни авторы предпочитают весьма кратко говорить о так называемых «мертвых» литературах (египетской, шумеро-вавилонской и др.), другие — о литературах народов желтой и черной расы, третьи — о сравнительно поздно возникших литературах, четвертые — о литературах «малых» народов. При этом нередко дается искаженная характеристика этих литератур. Так, говорится о предельной сухости, религиозном фанатизме и примитивности египетской литературы²¹, о не меньшем фанатизме, примитивности и изолированности индийской литературы²², о полной изолированности и педантизме²³ (иногда, наоборот, — чрезмерной чувстви-

¹⁹ Н. С.-н. Всеобщая история литературы. Сост. А. Штерн. Перевод с нем., дополненный библиографическими указаниями. СПб., 1885.— «Библиограф», 1885, № 2, стр. 33.

²⁰ См. Э. Ф а г е. История всеобщей литературы. СПб., 1914.

²¹ Ф. Ш л е г е л ь. История древней и новой литературы. Ч. 1. Перевод с нем. СПб., 1829, стр. 21; И. Ш е р р. Всеобщая история литературы. Т. I, стр. 7; Ш. Л е т у р н о. Литературное развитие различных племен и народов, стр. 163, 167 и др.

²² В. П л а к с и н. Руководство к познанию истории литературы. СПб., 1833, стр. 16, 53; Ш. Л е т у р н о. Литературное развитие различных племен и народов, стр. 247, 232, 248 и др.

²³ Ф. Ш л е г е л ь. История древней и новой литературы. Ч. 2, стр. 201; И. Ш е р р. Всеобщая история литературы. Т. I, стр. 7, 13—14; А. Ш т е р н. Всеобщая история литературы, стр. 2—3;

тельности²⁴) китайской литературы, об отсутствии всякого оригинального начала в арабской, турецкой, монгольской литературах²⁵. Подобных случаев, к сожалению, достаточно много.

Характерные примеры более тонких методов принижения восточных литератур или весьма произвольного к ним подхода дает работа западногерманского автора Э. Лаатса. Так, говоря уважительно о китайской литературе²⁶, он выше оценивает индийскую и персидскую литературы на том основании, что их создатели ближе к европейцам по языковому и расовому признакам²⁷. Отмечая ценность персидской и арабской классики, Э. Лаатс называет их литературами восточного «империализма»²⁸ (с явным намерением оправдать империализм западный).

Многие буржуазные литературоведы ограничивают Восток не только в пространстве, не только в художественных идеях, но и во времени. До сих пор живуча манера считать «всемирными» главным образом древние (иногда — средневековые) памятники восточных литератур, как будто в последующие эпохи здесь не было создано ничего достойного. «Позднейшая искусственная поэзия китайцев не выдерживает никакого сравнения с народной поэзией Ши-кин-

J. Hart. Geschichte der Weltliteratur und des Theaters. Bd. I. Neudamm, 1894, S. 30—34; Ш. Л е т у р н о. Литературное развитие различных племен и народов, стр. 141, 144—145; 151—156; К. Б у с с е. История мировой литературы. Т. 1, стр. 20, 26, 28—29 и др.

²⁴ J. Reményi. The Meaning of World Literature, p. 11.

²⁵ См. В. П л а к с и н. Руководство к познанию истории литературы, стр. 50; Ш. Л е т у р н о. Литературное развитие различных племен и народов, стр. 129—130, 141, 158, 185—214; К. Б у с с е. История мировой литературы. Т. I, стр. 35, 39—40, 121.

²⁶ E. Laaths. Knaurs Geschichte der Weltliteratur. München, 1953, S. 206.

²⁷ Там же, стр. 169.

²⁸ Там же, стр. 144.

га²⁹. Идеал посредственности произвел свои плоды, он нашел свое осуществление в застое и неподвижности»³⁰, — писал, например, И. Шерр.

В буржуазном литературоведении продолжается недооценка литературы Востока, хоть сколько-нибудь близкой современной³¹. В то же время меняется и характеристика восточной классики. «С девятого по шестнадцатый век ни одна нация не могла сравниться с арабами в ценности их интеллектуальных достижений. Но затем они пали так же быстро, как поднялись, и сейчас являются еще более грубыми варварами, чем тысячу с лишним лет назад»³², — писал в 1902 г. американский литературовед. В 1956 г. сходная мысль подается иначе: арабов уже не называют варварами, а проникновение колонизаторов на Восток изображается как благородный возврат восточной культуры в ее первоначальную обитель³³.

* * *

Но в западном литературоведении имеется и немало работ, для которых характерно более или менее объективное отношение к литературам Востока. Еще автор шеститомной «Истории всемирной литературы» А. Баумгартнер подчеркивал, что персидская, индийская, китайская и другие восточные литературы отнюдь не замерли на этапе древно-

²⁹ Имеется в виду «Книга песен» («Шицзин», XI—VI вв. до н. э.) — первый памятник китайской художественной литературы.

³⁰ И. Шерр. Всеобщая история литературы. Т. 1, стр. 17.

³¹ См., например, J. Drinkwater. The Outline of Literature, p. 20.

³² «The Literature of all Nations and all Ages». Ed. by J. Hawthorne and others. V. I. Chicago, New York, Melbourne, 1902, p. 14.

³³ Ph. K. Hitty. Arab Literary Contributions to Western Thought and Culture. In: «World Literatures», p. 15—25.

сти, а продолжали расти, особенно за счет «народной литературы»³⁴.

В ряде работ русских, польских, итальянских, французских ученых³⁵ рассмотрение литературы Востока доводится до XVIII—XIX вв., а иногда и до XX столетия. Кроме сравнительно известных литератур (египетской, шумеровавилонской, санскритской, китайской, персидской, арабской, турецкой, японской), начинают постепенно освещаться менее изученные литературы: новоиндийские, корейская, вьетнамская, бирманская, камбоджийская, индонезийская, тибетская, монгольская и так далее. В части этих трудов Восток занимает весьма значительное место (до одной трети), но назвать их настоящими историями всемирной литературы все же нельзя: они не только по-прежнему слабо отражают современность, но и рассматривают восточные литературы в отрыве как друг от друга, так и от литератур других стран. Причины этого различны — и откровенно расистская позиция, и ограниченность общей методологии исследования.

«По своим идеям и формам восточные литературы так отличаются от западных, что краткий обзор их был сохранен для отдельной главы»³⁶, — говорил в 1929 г. американский ученый Дж. Сибоар. Почти то же повторяет А. Герар

³⁴ А. Ваумгартнер. *Geschichte der Weltliteratur*. Bd. 1, T. 1. Breslau, 1897, S. IX. Характерно, что здесь же автор ссылается на Гердера, положившего начало верным взглядам на литературы Востока.

³⁵ См. «Всеобщая история литературы». Под рук. В. Ф. Корша. Т. 1—4. СПб., 1880—1892; J. A. Święciński. *Historia literatury powszechnej w monografiach z ilustracyami*. T. I—VII. Warszawa, 1901—1903; G. Prampolini. *Storia universale della letteratura*. T. 1—3. Torino, 1933—1936; «Histoire des littératures». «Encyclopédie de la Pléiade». T. I—III. Paris, 1955—1958.

³⁶ G. Se Boayr. *Outline of Literature*. Pt. 2, p. 235.

в 1940 г.³⁷, а также швейцарский литературовед Э. фон Тунк в 1954—1955 гг.³⁸ Подобные высказывания весьма близки всевозможным теориям об особой «душе» и «сверх-специфике» Востока, которые являются одним из важнейших доводов неоколониализма³⁹.

Как же показать несомненное единство историко-литературного процесса? Прежде всего здесь встает, по-видимому, вопрос об общей периодизации. Без нее история литературы остается лишь суммой национальных историй, как бы их ни перетасовывали. Это понимает даже А. Герар⁴⁰, хотя предлагаемое им решение носит откровенно космополитический характер.

Создать всемирную литературную периодизацию пытались еще на рубеже XVIII—XIX вв., включив части Востока в европейскую периодизацию. Например, итальянский аббат Х. Андрес едва ли не впервые решился отделить античность от средневековья главами об арабах и их влиянии на Европу⁴¹. Почти то же делали К. Тюрле, А. Леви, А. Ботта, В. Ф. Корш, Л. Герман и др.⁴² С конца XIX в. к арабскому «разделителю» (или «соединителю») постепенно добавляют персидскую, турецкую, китайскую, монголь-

³⁷ A. Guégard. Preface to World Literature, p. 3.

³⁸ «Только в XIX в. произошла единственная встреча Востока с Западом, которые не имеют никаких параллелей в истории литературы». См. E. von Tunk. Illustrierte Weltliteratur-Geschichte. Bd. 3. Zürich, 1954—1955, S. 370.

³⁹ См. «Народы Азии и Африки», 1963, № 5, стр. 6—7.

⁴⁰ «Внутри этого единства (всемирной литературы.— В. С.) существуют два типа делений: в пространстве и во времени, по нациям и по периодам. С точки зрения культуры, периоды (хотя они и не так четко разграничиваются) более реальны чем нации, и создают лучшие возможности для изучения». См. A. Guégard. Preface to World Literature, p. 16.

⁴¹ J. Andres. Dell'origine, progressi e stato attuale d'ogni letteratura. T. 1.

⁴² C. Turles. Tableau historique des littératures anciennes et

скую, японскую литературы⁴³. Но этой полезной операции подвергалось главным образом средневековье, которое по-прежнему рассматривалось как в основном европейское. Сейчас подобное представление⁴⁴ является уже глубоким анахронизмом.

Еще архаичнее выглядит принятое в ряде работ XIX в. разделение истории всемирной литературы на «древность», «средневековье» и «новое время»: не потому что эти категории в принципе неплодотворны, а потому, что тогда они отождествлялись с перподами европейской истории и сопровождались необыкновенно «точной» датировкой. Например, рубежом между древностью и средневековьем во всемирном масштабе называли либо «начало христианского летоисчисления», либо «начало переселения народов» (400 г. н. э.), либо «падение Рима» (476 г. н. э.); рубежом между средневековьем и новым временем — падение Византии (1453 г.) или просто 1500 г.⁴⁵ Такие же рубежи намечались внутри великих эпох.

modernes. Paris, 1827; A. Lévi. Esquisses littéraires. Paris, s. a.; A. Botta. Handbook of Universal Literature. 15th ed. Boston, 1875; «Всеобщая история литературы». Под рук. В. Ф. Корша. Т. 2; L. German. Przegląd dziejów literatury powszechnej. T. 2. Lwow, 1901—1903.

⁴³ J. Hart. Geschichte des Weltliteratur und des Theaters. Bd. 4; Klaunder. Literaturgeschichte. Wien, 1929.

⁴⁴ См., например, E. Laaths. Knaurs Geschichte der Weltliteratur. München, 1953; Agra Cadarsó. Literatura universal e hispánica. 3-ra ed. Madrid, 1959.

⁴⁵ См. P. J. Brunns. Allgemeine Literaturgeschichte. Helmstädt, 1804, S. 10—30; J. G. Eichorn. Geschichte der Weltliteratur. Bd. I. Göttingen, 1805—1811. Bd. 1, S. XII—XVI, 1—3, 113; L. Wachler. Handbuch der Geschichte der Literatur. Bd. 1. Frankfurt a. M., 1822, S. 1—5; K. Förster. Abriss der allgemeinen Literaturgeschichte. Bd. 1—2. Dresden, 1828; J. G. T. Grässe. Handbuch der allgemeinen Literaturgeschichte: Б. Петранович. История книжественности поглавитих на свету народа одъ найстарихъ времена до сѣдашняго вѣка. Нови Садъ, 1858.

В ряде современных работ мы встречаем подчас настоящую пародию на периодизацию всемирной литературы. Например, авторы десятитомного американского труда «Литература всех наций и всех эпох» разделили каждую из литератур на весьма произвольные периоды, а затем еще произвольнее перемешали их. В результате, в одном томе объединяются такие писатели, как Калидаса, Эсхил, Боккаччо или Аристофан, Хафиз, Мильтон. Фактически же восточная литература доведена здесь в лучшем случае до XV в.⁴⁶ К более тонкой мистификации прибег профессор Страсбургского университета Р. Лавалетт, преподававший в США. Эффекта «всемирности» он добился с помощью того, что разбросал часть древнего и средневекового наследия Востока по тем периодам западной литературы, когда оно использовалось европейцами⁴⁷.

Лишь в последние два десятилетия на Западе появляются работы, охватывающие литературы Востока относительно более последовательно и широко. Это «Литературы мира» Дж. Прампolini и «История литературы» А. Бурджо, «Иллюстрированная история всемирной литературы» Э. фон Тунка, объемистая «Всеобщая история литератур», написанная коллективом французских ученых и выпущенная издательством Кийе⁴⁸. Авторы всех этих работ стремятся довести рассмотрение литературы до наших дней и наметить в ее развитии известные этапы (последняя тенденция слабее всего выражена у итальянских ученых). Э. фон Тунк выделяет свои этапы гораздо решитель-

⁴⁶ См. «The Literature of All Nations and All Ages». V. 1—X.

⁴⁷ R. Lavalette. Literaturgeschichte der Welt. Zürich, 1948.

⁴⁸ G. Prampolini. Le letterature del mondo. Torino, 1956; A. Burgio. Storia della letteratura. Milano, 1963; E. von Tunk. Illustrierte Weltliteratur-Geschichte. Zürich, 1954—1955; «Histoire générale des littératures». T. I—III, Paris. Quillet, 1961.

нее («Духовный мир античности и средневековья», «Литература распавшегося Запада и литература Востока», «От романтиков до современности»), но допускает массу натяжек: древнееврейскую литературу рассматривает в разделе греческой; сирийскую и эфиопскую — римской, арабская и персидская литературы излагаются попеременно с каролингским и оттоновским «Ренессансами», и т. д. Этого недостатка в значительной степени лишена французская «Всеобщая история литератур», которая делится на три тома: 1 т. — «Древность. Средневековье»; 2 т. — «XVI—XVIII века. Романтизм»; 3 т. — «С 1848 года по наши дни».

Во всех этих томах Восток рассматривается относительно синхронно с Западом и вместе с тем сохраняет свою целостность. Название первого тома вполне подходит как для Запада, так и для Востока. Заглавия второго и третьего томов (особенно слово «романтизм» в применении к началу XIX в. и 1848 г. как историко-литературный рубеж) не обладают этим преимуществом, но частично оправдываются идеей авторов о гегемонии европейской литературы в последние века⁴⁹. Кроме того, если рубеж «1848» заменить менее строгим — «середина XIX века», он окажется приемлемым и для Востока. Смущает другое: почти полный отказ от понятия «новое время» и затушевание истинного начала «современности» — Великой Октябрьской революции. Впрочем, особенно удивляться этому не следует. Мы уже не раз убеждались, что даже лучшие буржуазные ученые неспособны дать до конца объективное представление об историко-литературном процессе.

⁴⁹ См. «Histoire générale des littératures». Т. II, livre 6.

ПРОБЛЕМЫ
ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА ИНДИИ
В ИСТОРИЯХ ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ¹

Одной из главных особенностей многих современных работ буржуазных литературоведов, посвященных литературе Индии, рассматриваемой в связи с историей мировой литературы, является недооценка литературы Индии нового времени. Эта традиция, восходящая еще к концепциям XIX в., приобретает в настоящее время вполне определенный политический аспект — нежелание считаться с процессами, связанными с новым этапом антиколониальных движений.

В работах по истории всемирной литературы, написанных в конце XIX в., индийская литература представлена обычно лишь литературой Индии древнего периода. Такое одностороннее освещение индийской литературы объяснялось прежде всего тем, что главное внимание европейских индологов прошлого века было направлено на изучение древнеиндийской литературы. Исследования английских санскритологов Джонса, Вильсона, немецких — Вебера, Макса Мюллера, французских — Бюрнуфа, Гарсена-де-Тасси, заложившие основу санскритологии как науки, привлекали внимание самых широких кругов общественности

¹ В подготовке материалов для настоящей статьи участвовали А. Гнатюк-Данильчук, З. Петруничева, Н. Пригарина, Л. Стрижевская, А. Сыркин, Ю. Цветков, Ю. Тупикова.

многих стран к богатейшей литературе древней Индии. В то же время эти классические работы, раскрывшие сокровищницу культуры древней Индии, способствовали распространению мнения о том, что Индия может гордиться лишь своим прошлым и что в настоящее время творческий гений индийского народа иссяк. «Литература на современных языках индусов состоит главным образом из подражаний и переводов с санскрита, персидского и английского языков», — заявляет американский литературовед Анна Линч Ботта в своей краткой истории мировой литературы². Вся литература Индии представлена здесь главой «Литература индусов или санскритская».

Можно сослаться также на работу английского литературоведа Р. В. Фрейзера «Литературная история Индии»³, в которой из 470 страниц лишь две посвящены индийской литературе XIX в., причем автор ограничивается перечислением имен некоторых бенгальских писателей. Он утверждает, что индийская литература вступает в полосу обновления только в результате влияния английской литературы.

Буржуазные авторы первых десятилетий XX в., как правило, проходят мимо революционных изменений в индийской литературе, вызванных к жизни бурным развитием в 20—30-е годы национально-освободительной борьбы. В трудах таких видных исследователей индийской литературы, как Грирсон, Рену, Винтерниц, вышедших в свет в 20—30-е годы, почти не уделяется внимания литературе Индии нового времени.

Мало что изменилось в европейском буржуазном литературоведении и за последнее время. Это относится и к

² Anne Lynch B o t t a. Hand-book of Universal Literature. Boston, 1875.

³ R. W. F r a z e r. A Literary History of India. London, 1898.

собственно индологическим работам (так, известный индолог из ФРГ Глазенап в «Литературе индийцев»⁴ отводит литературе Индии нового времени только одну восьмую часть книги), и к освещению индийского литературного процесса в трудах западноевропейских и американских литературоведов, посвященных истории всемирной литературы.

Об индийской литературе нового времени говорится обычно скороговоркой, без какого-либо анализа ее идейно-эстетического содержания. Так, например, в «Иллюстрированной истории всемирной литературы» Э. фон Тунка, вышедшей в свет в Цюрихе в 1955 г.⁵, вся новая и современная литература Индии умещается на двух страницах (370—372) и ограничивается краткими упоминаниями лишь о Бонкимчондро Чоттопадхая и Рабиндранате Тагоре. Автор обращает внимание лишь на некоторые особенности стиля этих писателей, даже не пытаясь в какой-либо мере проанализировать идейное содержание их творчества, их мировоззрение, показать роль и место этих писателей в развитии новой и новейшей индийской литературы.

В то же время следует отметить, что вопреки традициям так называемой «классической индологии» западноевропейские и американские исследователи начинают обращаться к литературе Индии нового времени. Однако большинству этих работ свойственно тенденциозное освещение процесса развития новой индийской литературы.

В книгах по истории новой и новейшей литературы Индии, принадлежащих перу буржуазных ученых Запада, нельзя не заметить влияния колонизаторской идеологии, заключающегося прежде всего в преувеличении «просветительской миссии» англичан, якобы освободивших Индию

⁴ H. Glaserapp. Die Literaturen Indiens. Stuttgart, 1961.

⁵ E. von Tunk. Illustrierte Weltliteratur-Geschichte. Zürich, 1954—1955.

от средневековой спячки и приобщивших ее к новейшей цивилизации. Подобная концепция берет свое начало еще в прошлом веке. Так, например, перечисляя имена выдающихся литературных деятелей бенгальского просвещения, таких, как Раммохана Рая, Кешобчондро Сена, Бонкимчондро Чоттопадхая, Тору Датга, еще в конце XIX в., Р. В. Фрейзер пишет, что «... все они навсегда останутся незабвенными как памятное свидетельство заботы Англии об Индии»⁶.

Особенно наглядно проявляются европоцентристские концепции в оценке литературы Индии нового времени в работах европейских исследователей-миссионеров, рассматривающих завоевание Индии англичанами как «абсолютное благо». Английский индолог Ф. Е. Кэй, член церковно-миссионерского общества в Джабальпуре, в своей книге «История литературы хинди»⁷, изданной одновременно в Лондоне, Нью-Йорке и Калькутте, заявляет, что «мир и безопасность, которые принесло Индии английское владычество после долгого периода междоусобных войн и беспорядков в стране, дали возможность утвердиться гению индийской литературы, возродившемуся после упадка, имевшего место в XVIII в. ... С XIX в., по словам Кэя, начинается «возрождение» (ренессанс) индийской литературы благодаря контакту Индии с Западом»⁸.

Не пробуждение национального самосознания народов Индии и включение их в освободительную борьбу, а «... деятельность различных миссионерских обществ, занимавшихся переводами религиозной и светской литературы с английского языка на хинди и другие местные языки»⁹ сыграли, по мнению Кэя, решающую роль в развитии

⁶ R. W. Frazer. A Literary History of India. London, 1898.

⁷ F. E. Keay. The History of Hindi Literature. London, 1920.

⁸ Там же, стр. 87.

⁹ Там же, стр. 7.

новой индийской литературы. Автор повторяет избитую мысль о том, что честь создания современного литературного языка хинди принадлежит Джону Гильхристу, директору колледжа Форт Вильям, созданного колониальными властями в Калькутте с целью подготовки английской колониальной администрации. Но такие важнейшие произведения индийских авторов XIX в., как поэма «Гибель Мегхнада» бенгальского поэта и драматурга Мадхушудона Дотто или драма «Зеркало Индиго» Дино Бандху Митты, наполненные патриотическим, свободолюбивым духом, а «Библия», — продолжает Кэй, — была единственной книгой, которая получила большое распространение в Индии и благодаря огромному тиражу оказала серьезное влияние на жизнь ее народов... Индийцы даже не подозревают, — пишет он, — что многими успехами в области социальных и политических свобод и религиозных реформ они обязаны христианским идеалам, которые вдохновляли их на борьбу»¹⁰.

Ясно, что подобная миссионерско-христианская концепция развития литературы и общественной мысли Индии нового времени лишена сколько-нибудь научной основы.

В настоящее время в буржуазной индологии Европы и Америки делаются попытки раскрыть национальное своеобразие индийской литературы, определить ее место в общей перспективе истории мировой культуры и общественного сознания. Нужно сказать, что подобные работы современных буржуазных индологов Запада зачастую опираются на некоторые предвзятые представления о характере индийской культурной традиции.

Вслед за Шопенгауэром, до сего времени считающимся на Западе «открывателем индийской мудрости», некоторые буржуазные авторы пытаются отождествлять индийский

¹⁰ F. E. Keay. The History of Hindi Literature, p. 95.

национальный характер с реакционной брахманской идеологией.

Беспристрастное, бесчувственное отношение к окружающему, пассивное созерцание его, взгляд на жизнь лишь как на подготовительную стадию к небытию — все это считается «индийской мудростью», основным и главным в определении индийского национального характера. Исходя из такого тенденциозного понимания индийского национального характера, буржуазные литературоведы Запада утверждают, что литература, связанная с жизнью, с действительностью, могла возникнуть в Индии лишь в результате европейского влияния, сыгравшего якобы решающую роль не только в зарождении и развитии новой и новейшей литературы, но и в коренном изменении в Индии общественного сознания. Характерным примером в этом отношении может служить книга американского литературоведа Дорти М. Спенсера «Индийская художественная литература на английском языке» (аннотированная библиография)¹¹, изданная в Филадельфии и переизданная в Индии (Бомбей) и Пакистане (Карачи). Библиографии предпослано обширное введение, в котором делается попытка раскрыть национальное своеобразие современной индийской литературы и найти ее место в системе мировой литературы. Данная работа представляет для нас большой интерес потому, что в ней как бы аккумулированы взгляды многих исследователей по различным проблемам развития современной индийской литературы. Для подкрепления своих положений автор все время ссылается на мнения этих исследователей. Он пытается наметить связи между индийской и европейской литературой, причем главное его внимание привлекает проблема западного влияния. Говоря о

¹¹ Dorti M. Spenser, *Indian Fiction in English*. Philadelphia, 1960.

складывании в индийской литературе нового времени новых литературных жанров, Д. М. Спенсер утверждает: «Художественная литература в Индии, особенно роман, является продуктом западного влияния, потому что литературная форма романа с акцентом на художественный образ... не свойственна темпераменту индийцев». Эту же мысль высказывает и другой американский литературовед А. Л. Кроубер в своей статье «Роман в Азии и Европе». Он считает, что развитие романа в Индии тормозилось «склонностью индусов к событиям повседневной жизни, к земному существованию человека»¹².

В подобных утверждениях буржуазные литературоведы опираются на работы индийских ученых — выразителей идеологии ортодоксального брахманства. А. Л. Кроубер в подтверждение своей точки зрения на причины медленного развития жанра романа в индийской литературе приводит мнение индийского литературоведа С. К. Де из его истории бенгальской литературы XIX в. о том, что индийцам не свойственны «чувство наслаждения счастьем на земле и страсть к энергичным действиям», т. е. черты характера, которые, как считает С. К. Де, способствуют прогрессу цивилизации и развитию материальной культуры. Сравнивая европейскую литературу с индийской, Д. М. Спенсер пишет, что в противоположность европейской литературе в индийской нет «взаимобусловленности между развитием характера и событиями». В то время как писатель Запада, замечает он, должен «все знать о своем герое, индийский писатель не обнаруживает стремления к глубокому и всестороннему изучению человеческой натуры». Для подтверждения этого тезиса Спенсер пытается распространить на весь индийский народ взгляды английского индолога Г. М. Карстайрса, который полагает, что «брамины не пи-

¹² «The Sense of Culture». Chicago, 1952, p. 72.

тересуются чувствами друг друга, что основным для них является выполнение долга перед их кастой»¹³.

Основываясь на таких сомнительных рассуждениях, автор делает вывод, что в настоящее время «взаимоотношения между национальным характером и литературой в Индии очень сложны и их почти невозможно раскрыть».

Литература может служить надежным источником познания действительности, пишет Д. М. Спенсер, но в то же время он считает, что индийская литература зачастую искажает действительность, причем это делается индийскими писателями как сознательно, так и по традиции.

Спенсер проходит мимо ряда важных явлений, свойственных индийской литературе нового времени. Так, например, с достаточным основанием считая, что «... жанр исторического романа в Индии появился в значительной степени под влиянием западной литературы», он далее бездоказательно утверждает, будто бы этот жанр заглох после 50 лет развития, потому «что индийские писатели не заинтересованы в создании реалистической картины жизни общества в прошлом»¹⁴. В данном случае автор игнорирует такие реалистические произведения 40—50-х годов нашего столетия, как роман известного прозаика хинди Вриндаванлала Вармы о героине индийского народа Лакшми Бай, павшей в борьбе за свободу родины во время великого народного восстания 1857—1859 гг., роман Паникара «Лев Кералы» о борьбе за независимость народа Махараштры под руководством Шиваджи. Он проходит мимо книг Рахуля Санкритьяяны, Рапгея Рагхава, Яшпала и многих других современных прогрессивных индийских писателей, авторов исторических романов, реализм которых не вызывает со-

¹³ G. M. Carstairs. The Twice-born. A Study of a Community of High-caste Hindus.

¹⁴ Dorti M. Spenser. Indian Fiction in English, p. 25.

мнения. Являясь важным звеном во всей современной индийской литературе, играя большую роль в становлении в ней реализма, все эти произведения полностью вписываются в общий процесс развития мировой литературы. Игнорировать их — значит исключать индийскую литературу из общемирового литературного процесса.

Буржуазные исследователи индийской литературы не уделяют должного внимания раскрытию большого социального смысла современной индийской литературы, подчеркивая в ней традиционность, отрыв от острых социальных проблем действительности, склонность к мистицизму и иррационализму. Так, в монографии «Стихи индийских поэтесс»¹⁵, вышедшей еще в 1923 г., английский исследователь Маргарет Мак Николл рассматривает произведения 56 поэтесс Индии, отмечая сентиментальный характер их творчества. Как будто в то время не жили и не творили Сароджини Найдю и Субхадра Кумари Чаухан, чьи стихотворения и песни явились отзвуками той борьбы, которую вел индийский народ за освобождение родины от колониального рабства, и были глубоко созвучены антиколониальной поэзии многих других стран.

Искажение процесса развития индийской литературы нового и новейшего времени усугубляется еще и тем, что европейские исследователи, преувеличивая роль и значение творчества тех индийских писателей, которые пишут на английском языке, оставляют без внимания широкопопулярных в Индии писателей, пишущих на национальных языках.

В работе П. Рекнагеля «Взгляд на современную индийскую литературу»¹⁶ новая и современная литература наро-

¹⁵ M. Mac Nicoll. Poems by Indian Women. London, 1923.

¹⁶ P. Recknagel. Indian ohne Schleier. Einblick in der Indische Gegenwartsliteratur.— «Die Nation», 1959, Heft 11, p. 786—803.

дов Индии представлена именами классиков Бонкимчондро Чоттопадхайя, Рабиндраната Тагора, Премчанда, а из всей современной литературы упоминаются лишь имена писателей, пишущих на английском языке,— Мульк Радж Ананда, Бхабхани Бгаттачария и прозаика урду Ахмада Аббаса.

Естественно, что одной из причин преувеличения роли современных писателей, пишущих на английском языке, является недостаточная осведомленность буржуазных литературоведов о творчестве писателей Индии, пишущих на национальных языках. На Западе иногда говорят о том, что лишь индийских писателей, пишущих на английском языке, следует считать общеиндийскими, так как их произведения доступны индийцам всех штатов, к тому же именно они представляют индийскую литературу за рубежом.

Эта точка зрения решительно опровергается в Индии. Так, например, один из секретарей литературной Академии Индии К. М. Джордж пишет: «Если еще «вчера» общеиндийскими писателями считались индийцы, пишущие на английском языке, то теперь общеиндийскую известность получили авторы, пишущие на национальных языках страны». Этот прогрессивный индийский литературовед также отмечает, что «растущее сознание того, что индийская литература едина, хотя она и создается на многих языках, является особенно примечательной чертой литературной жизни после получения страной независимости»¹⁷.

Существует еще и другая точка зрения на творчество индийских писателей, пишущих на английском языке, мнение, будто эти писатели «вносят вклад в развитие английской литературы». Этот взгляд находит иногда поддержку

¹⁷ «The Third All Indian Writers Conference». Madras, 1959.

как в Европе, так и в Индии. Он, в частности, выражен в книге индийского исследователя Шриниваса Айенгара «Вклад индийцев в английскую литературу»¹⁸.

При таком подходе к оценке индийской литературы на английском языке получается, что неразрывно связанное с индийской действительностью, имеющее глубокие национальные корни, оплодотворенное идеями национально-освободительной борьбы творчество таких писателей современной Индии, как Сараджини Найду, Хариндраната Чаттопадхайя, Мульк Радж Ананда, Бхабхани Бхаттачария, Г. Н. Нараяна, отрывается от индийской литературы и рассматривается как часть английской литературы. Таким образом, игнорируется такое важнейшее качество литературы, как ее национальная принадлежность.

Проявление различных оттенков европоцентризма при освещении литературного процесса в современной Индии является характерной особенностью многих работ буржуазных литературоведов. Вместе с тем было бы ошибочно считать, что на Западе нет серьезных исследований литературы Индии нового времени, таких, в которых делается попытка связать крупнейшие явления индийской литературы с мировым литературным процессом. В качестве примера можно привести фундаментальные труды английского индолога Е. Томпсона о Рабиндранате Тагоре, работы англичанина Р. А. Никольсона и итальянца Баузани о Мухаммаде Икбале¹⁹, — книги об индийских писателях, творчество которых прежде всего привлекло внимание европей-

¹⁸ K. R. Srinivasa Iyengar. *The Indian Contribution to English Literature*. Bombay, 1945.

¹⁹ E. Thompson. *R. Tagore, His Life and Work*. London, 1921; E. Thompson. *R. Tagore — Poet and Dramatist*. London, 1948; M. Iqbal. *The Secrets of Self*. Introduction by R. A. Nicholson. London, 1920; Bausany. *Iqbal, His Philosophy of Religion and the West*. London, 1955.

ских и американских читателей. Этим работам свойственно стремление раскрыть национальное своеобразие творчества Тагора и Икбала, показать их связь с мировой литературой.

Никольсону удалось обосновать органическую связь поэзии Икбала с традицией классической персидской литературы и прежде всего с Руми, а также проследить влияние на его творчество философии Гегеля и Ницше. Тагор в работах Томпсона показан как писатель, наполнивший индийскую литературу духом новаторства. Однако и эти фундаментальные труды страдают рядом существенных недостатков прежде всего из-за нечеткости идейно-эстетических позиций их авторов.

В работах Томпсона о Тагоре отражаются многие концепции, свойственные западным литературоведам, которые рассматривают индийскую литературу в системе мирового литературного процесса. Это, в частности, сказывается на том, как поставлена проблема влияния на этих писателей западноевропейской литературы.

В трудах Томпсона прежде всего затушевывается социальная значимость творчества великого писателя, почти ничего не говорится о связи его произведений с национально-освободительной борьбой индийского народа, о реалистических тенденциях его творчества.

У Томпсона проявляются также европоцентристские, прежде всего англофильские, взгляды на роль, которую играла европейская культура в формировании творчества и мировоззрения индийского писателя. Справедливо отмечая влияние на Тагора поэзии Шелли, Томпсон в то же время преувеличивает это влияние, утверждая, что «Гимн интеллектуальной красоте» Шелли писал как будто бы специально для того, чтобы воздействовать на Тагора, и что влияние этого стихотворения ощущается постоянно на всем

раннем творчестве индийского писателя²⁰. Рассматривая драму Тагора «Раджа и Рани», Томпсон объясняет ее прямым влиянием английской драматургии елизаветинской эпохи, которая, по его словам, «являлась моделью для индийского поэта»²¹.

Томпсон стремится связать творчество Тагора и с современной европейской литературой, пытаясь, в частности, найти общность между традиционно-индийскими морально-этическими и философскими концепциями и ультрасовременными европейскими. Он без всякого основания связывает тагоровскую концепцию «божества жизни» (дживан девата) с фрейдистским психоанализом. Томпсон вообще пытается приписать индийскому писателю большую абстрактность и отвлеченность общественно-политических взглядов, чем это имело место в действительности²². Тагор писал в одном из своих писем, что работа Томпсона о нем «написана с позиций школьного учителя, поучающего своего ученика»²³.

В работах Томпсона о Тагоре отражается еще одна ложная концепция, свойственная современному западному литературоведению. Согласно этой концепции творчество Тагора, Икбала, Премчанда — классиков индийской литературы первых четырех десятилетий XX в. — в настоящее время устарело, потеряло свою актуальность, что оно сегодня может интересовать лишь историков литературы, а современная индийская литература нуждается в обновлении, которое может ей дать лишь буржуазная модернистская литература.

²⁰ E. Thompson. R. Tagore, His Life and Work. London, 1921, p. 39.

²¹ Там же, стр. 91.

²² Там же.

²³ «Жизнь и творчество Р. Тагора». Т. 1—4. Под ред. П. К. Мук-караджи. Калькутта, 1952 (на яз. бенгали).

Совсем по-иному оценивают классическое наследие своей литературы прогрессивные писатели Индии. Выступая на Первой Всеиндийской конференции писателей Комитета афро-азиатской солидарности в ноябре 1961 г. в Калькутте, Мульк Радж Ананд говорил: «Миллионы экземпляров произведений Тагора, переведенные на все языки Индии, необходимы нам сейчас для того, чтобы пастушил новый культурный подъем в нашей стране»²⁴.

Зачастую в искаженном виде предстает в этих работах и гуманизм индийской литературы. На первый план в нем выдвигается религиозный, пассивно-созерцательный аспект и приглушается активная, жизнеутверждающая струя. Не говоря уже о творчестве Тагора, которому пытаются придать отвлеченно-гуманистический характер, даже такого писателя-реалиста, как Мульк Радж Ананд, зачастую оценивают как представителя так называемого «универсального абстрактного индийского гуманизма». Не может удовлетворить и то представление о синтезе Востока и Запада в поэзии Икбала (как слияние идеализма с материализмом), о котором говорит итальянский индолог А. Баузани, видя в этом синтезе «третий путь» решения всех важнейших проблем действительности, основу истинного гуманистического взгляда на жизнь.

Естественно, что такой взгляд на природу гуманизма, якобы свойственного всей современной индийской литературе, искажает ее сущность, ее национальную специфику, лишает литературу органической связи с жизнью, с борьбой индийского народа за свое социальное и политическое освобождение.

Существенным недостатком трудов буржуазных литературоведов, посвященных рассмотрению индийской литературы в общей системе мирового литературного процесса,

²⁴ «Literary News Bulletin». New Delhi, 1961, December, p. 16.

является полное игнорирование взаимосвязей индийской литературы с другими литературами стран Востока, а также недооценка той огромной роли, какую играет влияние идей Великой Октябрьской социалистической революции, советской литературы и литературы других социалистических стран на общественную и культурную жизнь современной Индии.

Таким образом, создавая неверное, порой предвзятое представление о характере развития современной индийской литературы, буржуазные индологи препятствуют определению места индийской литературы в общемировом литературном процессе.

Именно поэтому в большинстве работ по истории всемирной литературы, вышедших на Западе, современная литература Индии либо совсем выпадает из поля зрения исследователей, либо о ней создается неполное, а иногда и искаженное представление, распространяется миф о замкнутости, изолированности, какой-то особой исключительности, якобы свойственной современной индийской литературе.

Содержание

От редакции.	5
<i>И. Г. Неупокоева.</i> Национальные литературы в системе всемирной литературы	7
<i>Р. М. Самарин.</i> Концепции современного литературного процесса	63
<i>В. Д. Кузьмина.</i> Древнерусская литература в некоторых трудах по истории всемирной литературы	81
<i>Н. И. Кравцов.</i> Концепции истории славянских литератур в работах зарубежных литературоведов	92
<i>С. В. Тураев.</i> Концепции реализма и литература XVIII века	107
<i>И. А. Тертерян.</i> Латиноамериканские литературы в историях всемирной литературы	125
<i>В. И. Семанов.</i> К проблеме освещения литератур Востока в историях всемирной литературы	145
<i>Е. П. Чельшев.</i> Проблемы литературного процесса Индии в историях всемирной литературы	160

**Современные буржуазные концепции
истории всемирной литературы**

*Утверждено к печати
Институтом мировой литературы
им. А. М. Горького Академии наук СССР*

Редакторы Издательства *Г. А. Гудимова,*
Л. М. Стенина
Художник *Н. П. Фролов*
Технический редактор *Ю. В. Рылова*

Сдано в набор 28/X 1966 г. Подписано к печати 20/I 1967 г.
Формат 70×108^{1/32}. Бумага типографская Кама № 2. Усл. печ. л. 7,7
Уч.-изд. л. 7,2. Тираж 5000 экз. Тип. заказ 1516 А-10148

Цена 53 к.

Издательство «Наука».
Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука».
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

53 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

• БУРЖУАЗНЫЕ КОНЦЕПЦИИ ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ •